

2019. Is. 1

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

ФГБУН “Калмыцкий научный центр Российской академии наук”

(Вестник КИГИ РАН)

2019. № 1

ᠮᠤᠩᠭᠡᠨ ᠵᠢᠰᠦᠳᠦ ᠶ᠋ᠣᠨ ᠲᠤᠯᠤᠯᠤᠰ

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов и определяющих их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

История (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
Языкознание; Литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМН ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2019
- © Коллектив авторов, 2019

Oriental Studies is the reviewed scientific journal of open access, publishing results of complex researches on oriental studies problems in the field of the historical and philological sciences, devoted to history and the culture of eastern peoples and defining their unique sociocultural shape.

Mission of the *Oriental Studies* journal is to provide development of domestic and foreign oriental studies; publication of original and translated articles, reviews on oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings and to increase the level of scientific research and development of the international scientific cooperation within current problems of oriental studies.

The **purpose** of the journal consists in formation of high level of the Orientalist scientific research relying on modern scientific approaches and the most wide range of available sources and field materials, apprehension of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to development of various debatable aspects of history and the culture of the Turkic-Mongolian peoples, their place in Russia and in the world and also to the comparative-historical analysis of interaction and interference of nomadic cultural communities. The editorial board welcomes cross-disciplinary researches and the academic polemic on pages of the journal, considering it as the platform for the presentation of various points of view, world outlook concepts, methodological approaches to the solution of problems of oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with Asian studies: history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, as well as review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; it introduces archival documents into scientific discourse; it provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.

Registration number PI No. FS77-71236

Published six times a year

Founding Institution & Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia

Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. АН Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Берлинский университет им. Гумбольдта (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы им. Горького РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдинов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстана (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований (Япония, г. Саппоро);

проф. антропологии *К. Хамфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);

д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,

Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,

Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Астана);

акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии (Монголия, г. Улан-Батор);

А. Юкиясу, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-chief of the Editorial board

Cand. of Philol. Sc. *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy editor-in-chief of the Editorial board

Doct. of Hist. Sc. *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial board

- Doct. of Hist. Sc. *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Doct. of Hist. Sc. *S. Arutyunov*, Professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph.D. in History, *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph.D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Acad. of Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*,
Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulan-Bator, Mongolia);
- Doct. of Hist. Sc. *N. Bugay*, Institute of the Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Doct. of Philol. Sc., Doct. of Hist. Sc. *A. Burykin*,
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation);
Ph.D. in Philology *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Ph.D. in Philology *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Academy of Sciences of Mongolia *S. Chuluun*,
Institute of History and Archeology (Mongolia, Ulan Bator);
- Prof. of Anthropology *Ts. Darieva*, Humboldt Berlin University (Germany, Berlin);
Doct. of Philol. Sc. *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *C. Humphrey*, University of Cambridge (Great Britain);
- Doct. of Hist. Sc. *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology (Mongolia, Ulan Bator);
Doct. of Philol. Sc. *V. Klyaus*, Institute of the World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
- Doct. of Philol. Sc. *I. Kulganek*, Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (Saint Petersburg, Russia);
Doct. of Geogr. Sc. *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. of Philol. Sc. *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Doct. of Hist. Sc. *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Doct. of Hist. Sc. *I. Popova*, Institute of the Oriental Manuscripts of the RAS (Saint Petersburg, Russia);
Doct. of Philol. Sc. *G. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Ph.D. in History *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute of Social Anthropology (Berlin, Germany);
Doct. of Philol. Sc. *E. Skribnik*, University of Munich (Munich, Germany);
Ph.D. in History *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State Pedagogical University (Ulan-Bator, Mongolia);
- Doct. of Hist. Sc. *S.-H. Syrtyanova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
Doct. of Hist. Sc. *A. Sytdikov*,
Institute of Archeological Studies of Acad. of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Doct. of Historical Sc. *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Doct. of Philol. Sc. *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies (Moscow, Russia);
Doct. of Hist. Sc. *N. Tsyrempilov*, Nazaebaev University (Astana, Kazakhstan);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Ph.D. in History *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
A. Yukiyasu, Slavic Research Center, Hokkaido University (Japan, Sapporo);
- Doct. of Hist. Sc. *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhagrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Всеобщая история	<i>Аникеева Т. А.</i> Представления о пространстве в эпическом фольклоре тюрков-огузов: реальная и мифологическая география «Книги моего деда Коркута»	8
	<i>Пак Б. Б.</i> Российская дипломатия и Корея накануне и в годы русско-японской войны 1904-1905 гг.	15
Отечественная история	<i>Почекаев Р. Ю.</i> Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в.	28
	<i>Сартикова Е. В.</i> Партийная структура Калмыкии: деятельность агитационно-пропагандистского отдела (1921–1928 гг.)	41

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание	<i>Сундуева Е. В.</i> Выражение взгляда посредством слов с корневым согласным / в монгольских языках	49
	<i>Мазарчук А. В.</i> Общемонгольская лексика в названиях предметов одежды и украшений в «Сокровенном сказании монголов»	57
	<i>Сулейманова Р. А.</i> Башкирские фамилии от этнонимов: историко-этимологический анализ	69
	<i>Будангийн М.</i> О происхождении некоторых топонимов в эпосе «Джангар»	78
	<i>Мулаева Н. М.</i> Семантика и сочетаемость лексемы <i>богд</i> (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар»)	87
	<i>Дадуева Е. А.</i> Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках	99
	<i>Алжеева М. М., Чалбанова К. В.</i> Модальные глаголы желания китайского языка (на примере глаголов 要 <i>yào</i> , 想 <i>xiǎng</i> , 愿意 <i>yuànyì</i> , 敢 <i>gǎn</i> , 敢于 <i>gǎnyú</i> , 肯 <i>kěn</i>)	108
	<i>Баянова А. Т.</i> Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)	123

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Фольклористика	<i>Сатанар М. Т.</i> К вопросу семантической интерпретации эпической формулы «үс саха, түөрт саха»	134
Литературоведение	<i>Дампилова Л. С.</i> Миф и история в «Тэнгрианских песнях» Баира Дугарова	149

CONTENTS

HISTORY

World History	<i>Anikeeva T.</i> Space in the Epic Folklore of Oghuz Turks Revisited: Real and Mythological Geographies of <i>The Book of Dede Korkut</i>	8
	<i>Pak B.</i> Russian Diplomacy and Korea on the Eve of and during the Russo-Japanese War of 1904–1905	15
National History	<i>Pochekaev R.</i> Russian Travelers on Legal Relations in the 18 th -Century Dzungar Khanate	28
	<i>Sartikova E.</i> Kalmykia's Party Structure: Activities of the Department for Agitation and Propaganda (1921–1928)	41

LINGUISTICS

Linguistics	<i>Sundueva E.</i> Mongolic Words with the Stem Consonant / to Express 'Look / Glance'	49
	<i>Mazarchuk A.</i> Common Mongolic Lexis Denoting Clothes and Headgear in <i>The Secret History of the Mongols</i>	57
	<i>Suleimanova R.</i> Bashkir Family Names Derived from Ethnonyms: a Historical and Etymological Analysis	69
	<i>Mengkai B.</i> The <i>Jangar</i> Epic: Origins of Some Toponyms Revisited . . .	78
	<i>Mulaeva N.</i> Semantics and Combinability of the Lexeme <i>Bozd/Bogd</i> (a Case Study of the Kalmyk Heroic Epic of <i>Jangar</i>)	96
	<i>Dadueva E.</i> Causative Verbs with Permissive Meanings: a Case Study of the Buryat and Russian Languages	99
	<i>Alzheeva M., Chalbanova K.</i> Chinese Modal Verbs of Wish (a Case Study of the Verbs 要 <i>yào</i> , 想 <i>xiǎng</i> , 愿意 <i>yuànyì</i> , 敢 <i>gǎn</i> , 敢于 <i>gǎnyú</i> , 肯 <i>kěn</i>)	108
	<i>Bayanova A.</i> The Category of Comparison and Its Means in Folklore Texts: a Linguocultural Perspective (a Case Study of Kalmyk Fairy-Tale Texts Recorded by G. J. Ramstedt)	123

FOLKLORE & LITERARY STUDIES

Folklore Studies	<i>Satanar M.</i> The Epic Formula 'Üs Sakha, Tüört Sakha': Semantic Interpretation Revisited	134
Literary Studies	<i>Dampilova L.</i> The <i>Tengri</i> Songs by Bair Dugarov: Myth and History . . .	149

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 8–14, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-8-14
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94

Представления о пространстве в эпическом фольклоре тюрков-огузов: реальная и мифологическая география «Книги моего деда Коркута»

Татьяна Александровна Аникеева¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, Москва 107031, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0653-3970>. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Аннотация. *Введение.* «Книга моего деда Коркута» — памятник книжного эпоса тюрков-огузов, сохранивший сведения как о событиях их истории в период пребывания в Центральной Азии, так и позднее времени, связанном с распространением их влияния в Малой Азии. *Задача.* Рассмотрение топонимики памятника как источника по истории расселения огузских племен на Южном Кавказе и в Анатолии. *Материалы:* текст «Китаб-и дедем Коркут» как памятник книжного эпоса, сочетающий в себе черты фольклорного сочинения и исторического произведения, обращенного к воспеваемому прошлому тюрков-огузов. *Результаты.* Основываясь на соответствующем материале «Книги моего деда Коркута», можно сделать вывод о том, что некоторые сказания этого эпического цикла прошли свое окончательное оформление уже на территориях современных Турции и Закавказья. Многие топонимы «Китаб-и дедем Коркут» тесно связаны с образом внешнего врага огузов: они обозначают и место обитания гяуров-«неверных», и очерчивают границы «страны огузов». В то же время в памятнике практически не упоминаются топонимы, связанные с исламом (Мекка и Медина), мусульманской мифологией (гора Каф).

Ключевые слова: книжный эпос, Турция, Закавказье, Трапезунт, огузы, география, топонимика

Для цитирования: Аникеева Т. А. Представления о пространстве в эпическом фольклоре тюрков-огузов: реальная и мифологическая география «Книги моего деда Коркута». *Oriental Studies*. 2019;(1):8-15. DOI:10.22162/2619-0990-2019-41-1-8-14

UDC 94

Space in the Epic Folklore of Oghuz Turks Revisited: Real and Mythological Geographies of *The Book of Dede Korkut*

Tatiana A. Anikeeva¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation)

Cand. of Philological Sc., Senior Research Associate

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0653-3970>. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Abstract. Geography is an important element to monuments of epic nomadic folklore of the Oghuz Turks. *The Book of Dede Qorqut* (*Kitab-i Dedem Korkut*), a Turkic medieval written epic, is undoubtedly a most important early medieval source on social and cultural life of the Oghuz Turkic tribes. The epic generally rests on the border between oral and literary traditions — and between folk narratives and historical writings. The emergence of the twelve stories to have constituted *The Book of Dede Korkut* is customarily dated back to the 11th century but those were written down far later, approximately in the 15th century. The twelve songs-legends narrate about exploits of Oghuz heroes. The main plot scheme central to the stories is that of struggle between the Oghuz tribes and infidels, non-Muslims (*kafir*) in the lands of Asia Minor, as well as constant internecine strife among the Oghuzes themselves. The geography in the *The Book of Dede Korkut* combines two main strata, namely: real geographical place names and toponyms mentioned in the epic, and the so-called ‘mythological’ geography and spatial orientation. The epical enemies of the Oghuzes in *The Book of Dede Korkut* are connected with some specific geographical realities — mainly in the South Caucasus and Eastern Anatolia — by some toponyms mentioned in the tales (a bulk of the latter being names of fortresses). An external enemy for the Oghuzes in *The Book of Dede Korkut* has specific (‘Tagavor of Trebizond’, ‘evil infidels of the Evnük’, etc.) and, at the same time, mythological features, thereby marking the boundary between the nomadic and neighboring sedentary worlds. Still, the second stratum of the geography in *The Book of Dede Korkut* has been less investigated. Those are traditional — for Turkic (and, in a less degree, Islamic) mythology — geographical images that exist along with the real ones and are embedded into the system of the existing geographical names (e. g., Mount Qaf). Along with a system of the Turkic archaic traditional spatial orientation (undoubtedly preserved by the *Kitab-i Dedem Korkut* to a certain extent), it reflects the nomadic worldview connected with Turkic mythology and some Islamic impact. Although the geography of *The Book of Dede Korkut* is a topic of separate research study, in this case, a clear localization of the epic characters illustrates the fact that a quite a number of the tales took their form and cyclization in the respective territories already.

Keywords: Literary epic, Turkey, Transcaucasia, Trebizond, Oghuzes, geography, toponymy

For citation: Anikeeva T. A. Space in the Epic Folklore of Oghuz Turks Revisited: Real and Mythological Geographies of *The Book of Dede Korkut*. *Oriental Studies*. 2019;(1):8-15. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-41-1-8-14>

Введение

«Китаб-и дедем Коркут», или «Книга моего деда Коркута» (по Дрезденскому списку¹) состоит из двенадцати частей — пе-

сен, или сказаний, в которых рассказывается о подвигах огузов. Их сложение и циклизация происходили в течение длительного времени², в сюжетном же отношении сказа-

¹ Дрезденский и Ватиканский списки — две известные на сегодняшний день рукописи «Китаб-и дедем Коркут». Первый был обнаружен в Дрезденской Королевской библиотеке ориенталистом, дипломатом и библиофилом Генрихом Фридрихом фон Дицем (1751–1817): он опубликовал одно сказание из рукописи в 1815 г.; в 1859 г. Т. Нёльдеке снял копию с рукописи и подготовил ее перевод на немецкий язык, но работа его не была закончена; свои материалы он передал В. В. Бартольду, который в 1894–1904 гг. опубликовал четыре главы-сказания, и в 1922 г. им был закончен русский перевод всей рукописи (этот перевод не был опубликован при жизни В. В. Бартольда). Существует также так называ-

емый Ватиканский список «Книги моего деда Коркута», состоящий из 6 сказаний-огузнаме. Этот список был обнаружен в библиотеке Ватикана и опубликован Э. Росси в 1952 г. (см.: [Rossi 1981; Аникеева 20186]).

² «Книга моего деда Коркута» хронологически неоднородна: принято разделять более ранние и относительно поздние сказания. К наиболее поздним по времени создания, по-видимому, относятся «Рассказ об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» (V) и «Рассказ о Кан-Турали, сыне Канлы-коджи» (VI): они сложились уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье и «по содержанию... связаны с малоазиатскими сказаниями с центром распро-

ния этого эпоса связаны с борьбой огузских племен с неверными, не-мусульманами (*гяурами*) на землях Восточной Анатолии и Южного Кавказа.

Топонимика и в целом представления о пространстве сказаний «Китаб-и дедем Коркут» тесно связаны прежде всего с образом внешнего врага огузов, а также — отчасти — с системой пространственной ориентации, представляющей собой одну из наиболее важных составляющих мировоззрения тюрков-кочевников³.

Топонимика Восточной Анатолии и Закавказья в «Китаб-и дедем Коркут»

Упомянутые неоднократно в сказаниях «Книги моего деда Коркута» топонимы, — в основном названия крепостей, — связывают эпических врагов тюрков-огузов с некоторыми конкретными географическими реалиями в основном на Южном Кавказе и Восточной Анатолии — крепостями, городами, ущельями, горами, среди которых — Авник, или Оник (тур. *Evnük*; см. в переводе В. В. Бартольда «Злые гяуры крепости Оник»)⁴; «черное ущелье Пасенг» (совр. тур. *Pasin*); крепости Мардин, Дизмерд на берегу Черного моря, Ахалцих (тур. *Aksaka/Ahiska*). Приводим названия некоторых других упомянутых крепостей:

- Алынджа (*Alincak*) — располагавшаяся на территории современного Азербайджана крепость, на месте Нахичевани; стояла в 20 км выше эстуария одноименной реки, впадающей в р. Аракс, на вершине высокой горы. Название крепости встречается во многих исторических источниках и географических сочинениях начиная с XIII в. (см.: [Dedem Korkudun kitabı 2000: 333]);

- Байбурт — крепость, располагавшаяся на северо-востоке Анатолии на р. Чору, на высоте приблизительно 1 500 м над уровнем моря (ныне — город на северо-востоке Турции). Байбурт всегда играл важную роль в турецкой культуре и воспевался озами и народными поэтами. В XIII–XIV вв. Байбурт, оказавшийся в составе сельджукского султаната Рума, а затем под властью Ильханов, процветал, находясь на торговом пути,

странения в греческом Трапезунте» [Жирмунский 1974: 575].

³ Об этом и, в частности, о топониме Гюн-Ортач подробнее см.: [Аникеева 2018а; Çelik 1941].

⁴ «Крепость округа Басин», по В. В. Бартольду, т. е. Пасен, неподалеку от современного Эрзурума.

ведущем из Трапезунта в Эрзурум и далее в Табриз⁵;

- Сурмели (тур. *Sürmeli*) — крепость, некогда расположенная на правом берегу реки Аракс. Название «Сурмари» происходит от армянского названия церкви Святой Мариам (Сурб Мари), находившейся там. Ныне — город Сурмалу и одноименная низменность на территории Турции в иле Карс [Kırzioğlu 1952: 107; Ergin 2014: 52].

Находящиеся вне «страны огузов» города Барда (тур. *Berde*) и Гянджа — Барда некогда являлась столицей Аррана, древней Албании, и считалась самым большим городом на Кавказе (название «Барда» объясняли из персидского *bārda-dar*, т. е. «место, где держали пленников»). Во времена Сасанидов (251–651 гг.) в этом месте была построена высокая крепость, охранявшая от набегов с севера и запада. В то время (932 г.), по сообщениям ал-Истахри, это был самый большой город на всем пространстве от Хорасана в Ираке до Рея в Иране⁶. Однако вскоре, в 943 г., город был сожжен русами, и после этого уже полностью не восстановился⁷. В период монгольского завоевания был частично отстроен заново, хотя упоминания о нем в исторических источниках становятся крайне редкими: о нем говорят лишь как о городе, расположенном в 9 *фарсах* от Гянджи — города у подножия гор Малого Кавказа, на притоке Куры, р. Гянджачай, основанного в середине IX в. (в XII в. был почти полностью разрушен землетрясением, затем отстроен заново).

Одним из врагов народа огузов в «Книге Коркута» предстает «трапезунтский *тагавор*»⁸. Столкновению с ним посвящено, в особенности, VI сказание «Книги Коркута»

⁵ См. также: [Dedem Korkudun kitabı 2000: 334].

⁶ «Что касается до Берда'а, то это город большой, более фарсаха в длину и в ширину, здоровый, цветущий и весьма обильный посевами и плодами. В Ираке и Хорасане после Рея и Испагани нет города более значительного, более цветущего и более красивого по местоположению и угодыям, чем Берда'а» (цит. по: [Караулов 1901: 7]).

⁷ См. также: [Dedem Korkudun kitabı 2000: 334; Мустафаев 2017: 47].

⁸ *Тагавор* — слово армянского происхождения, означающее один из титулов монарха, правителя.

«Песнь о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи»⁹. Оно повествует о сватовстве Кан-Турали к дочери трапезунтского тагавора Сельджан-хатун: «Вошел в землю (внутренних) огузов, не мог найти девицу; обратился в другую сторону, вошел в землю (внешних) огузов, не мог найти девицу; обратился в другую сторону, пришел в Трапезунт» (*“İç Oğuzı girdi, kız bulamadı. Dolandı, Taş-Oğuzı girdi bulamadı. Dolandı, Trabzona geldi”*) [Книга Коркута 1962: 64; Dedem Korkudun kitabı 2000: 84]).

Место обитания трапезунтского тагавора, несмотря на кажущуюся определенную географическую привязку (Трапезунт), в этом сказании представлено как некое иномирное и враждебное по отношению к огузам — «стране огузов» (*Oğuz eli*) — пространство, «злые места» (*yavuz yerler*). Так, Канлы-Коджа говорит своему сыну: «„Сын, там, куда ты пойдешь, дороги *как водовороты; глина такова, что всадник, погрузившись, не выберется; лес таков, что пестрой змее не проползти; крепости возвышаются до небес; там красавицы поражают взоры, похищают сердца; там палач, не издав звука, отрубает голову... В злые места ты устремился“» (*“Oğul, sen varacak yerün Dolamaç dolamaç yolları olur Atlu batıp çıkamaz Anun balçığı olur Ala yılan sökemez Anun ormanı olur Gökile pehlu uran Anun kalası olur Göz kakuban gönül alan Anun görklüsü olur Hay demedin baş getüren Anun celladı olur... Yavuz yerlere yeltendün”*) [Dedem Korkudun kitabı, 2000: 85; Книга Коркута 1962: 65]). Точно также и образу царя гяуров Шюкли-мелику присущи демонические черты: «...через Железные Ворота, через Дербент прошла весть; всадник красного коня, царь Шюкли, сильно разгневался; от его гнева пал туман на черные горы¹⁰» [Книга Коркута 1962: 86]. Железные ворота, Дербент (тур. *Kapılar Dervendi*; в средневековых арабских источниках — *Баб ал-абваб*, «Главные ворота», перс. *дарбанд* означает «запор на воротах») — крепость, расположенная на берегу Каспийского моря. В период сложения и циклизации сказаний «Книги моего

деда Коркута» Дербент находился в составе Арабского халифата (VII–XIII вв.). Само название крепости — «Железные ворота» — возникло вследствие географического расположения Дербента: город с крепостью находился на узкой, трехкилометровой прибрежной полосе на западном побережье Каспийского моря на устье р. Самур, тем самым закрывая территории, расположенные к югу от него, от набегов гяуров — хазар, алан. С 1067 г. город несколько раз пытались завоевать турки-сельджуки, а в начале XIII в., в 1239 г., Дербент, как и все государство Ширваншахов (существовавшего в Северном Азербайджане в 861–1500 гг.), в состав которого он входил с XII в., был захвачен монголами.

Таким образом, внешний враг в сказаниях «Книги моего деда Коркута» для огузов наделяется конкретными («трапезундский тагавор», «злые гяуры крепости Оник», царь Шюкли, чей гнев вызывает туман, и др.), так и в то же самое время мифологическими чертами, тем самым маркируя и подчеркивая границу между «своим» миром кочевников и окружающим его, пока чуждым, оседлым миром.

Мир иноверцев в «Книге Коркута» при этом имеет и определенные формальные, очерченные (хотя и меняющиеся вследствие взаимных набегов) границы, пределы, за которыми и начинаются враждебные огузам земли и которые неоднократно упоминаются, например, в «Песни о том, как сын Казан-бека Уруз-бек был взят в плен»: «...покажу место, где ударял мечом, рубил головы, возьму (его с собой), выйду к пределам гяуров» [Книга Коркута 1962: 50]), в турецком же тексте не отраженное в переводе В. В. Бартольда: «*kafir serhaddine Cızığlara, Ağlaagana, Gökçe Dağa aluban çıkayın...*» (букв.: «к пределам гяуров, поднимусь на горы Джызыглар, Аглааган, [на] Синюю гору...») [Dedem Korkudun kitabı 2000]. Иными словами, граница мира неверных в эпосе довольно четко локализована у названных гор, по всей видимости, проходя по территории между современными Карсом и Ахалцихе.

Мифологическая география «Китаб-и дедем Коркут»

Нельзя не отметить, что в этом памятнике средневековой словесности географические образы, связанные с мусульманской мифологией, крайне редки. Некоторые —

⁹ Здесь и далее названия сказаний «Книги Коркута» приводятся в соответствии с русским переводом В. В. Бартольда.

¹⁰ «*Pusduğundan kara dağlara duman düşmüş*» [Dedem Korkudun kitabı 2000: 119]. Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Т. А.

как, например, гора Каф¹¹, повсеместно фигурирующая в сказочном фольклоре Ближнего и Среднего Востока, практически отсутствуют, в то же время в другом эпическом памятнике тюрков-огузов, туркменском «Гёр-оглы», получившем, конечно, более позднее оформление, этот образ присутствует:

«— Видишь вон ту крепость, сын мой?
— Вижу.

— Коли видишь [знай:], это гора Кап. Достиг ты [своей цели], сын мой, не щадил ни себя, ни коня... Войдешь в ворота, обращенные к кыбле, [и увидишь], что порог [пери] охраняет дракон» [Гёр-оглы 1983: 438].

Мекка и Медина — священные для мусульманина города — упомянуты в тексте «Книге Коркута» лишь во вступлении к рукописи (которое, несомненно, носит более поздний характер, чем сами сказания) и единожды — в «Песни о том, как был разграблен дом Салор-Казана».

В некоторых сказаниях «Книги Коркута» единожды упоминаются топонимы, обозначающие более отдаленные, чем вражеские крепости, от «Страны огузов» места: Шам (*Şam*), Рум (*Rum*), Стамбул (*İstanbul*). Из Стамбула и «страны греков» купцы привозят подарок — «серого морского коня» — для богатыря Бамси-Бейрека («Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры»). Известность и слава другого героя «Книги Коркута» — Удалого Домрула (*Deli Dumrul*) — достигают Шама и Рума (*Menüm erligüm, bahadırılığım, cılasunluğımı yigitliğüm Ruma, Şama gide, çavlıana deridi* [Dedem Korkudun kitabı 2000: 75]: «Слава о моем мужестве, моем богатырстве, моем молодечестве, моем джигитстве доходит до Рума и Шама» [Книга Коркута 1962]). Шам и Рум являются общими обозначениями Сирии и Византии (Римской

¹¹ Этот образ, предположительно имеющий иранские корни, играл важную роль не только в собственно мусульманской мифологии и в арабском фольклоре (также в персидском и фольклоре ряда тюркских народов), но и в арабской географической традиции: «впоследствии, когда у арабов, главным образом, в космографически-сказочной литературе, появилось шедшее, вероятно, из иранских кругов представление о горной цепи Каф, окружающей землю, делались попытки обосновать его кораническим учением о горах...» [Крачковский 2004: 45].

империи)¹² соответственно в арабской, персидской и тюркской географической, литературной и фольклорной традиции; в турецком фольклоре (в частности, волшебных сказках) «Шам» и «Рум» являются своего рода условными обозначениями дальних краев¹³. Надо отметить, что сказание об удалом Домруле, стоящее особняком как и от турецкого и тюркского эпоса, так и от прочих песен «Китаб-и дедем Коркут»¹⁴, в состав этого эпоса вошло, по-видимому, одним из последних в хронологическом отношении. Сюжет этого сказания — «Удалой» богатырь (тур. *deli*) Домрул борется с Азраилом, ангелом смерти, готовым забрать душу героя, после того, как отдать свою жизнь за Домрула отказываются сделать его родители (а соглашается только жена), — восходит к византийскому героическому фольклору о Дигенисе Акрите¹⁵.

Заключение

Таким образом, хотя география «Книги Коркута» представляет собой тему отдельного исследования, четкая локализация персонажей эпоса свидетельствует прежде всего о том, что большая часть сказаний данного эпоса прошла свое оформление и циклизацию уже в период пребывания огузских племен на территории Малой Азии и Закавказья.

¹² В некоторых мусульманских источниках — Малой Азии в целом [Мустафаев 2017: 44].

¹³ См. например: [Короглы 1982; And 2010].

¹⁴ По мнению исследователей [Жирмунский 1974], в нем объединено два мотива, распространенных прежде всего в новогреческом фольклоре: борьба богатыря со смертью, ангелом смерти, и жена, отдающая свою жизнь как выкуп у смерти за мужа — после того, как это отказываются сделать мать и отец главного героя

¹⁵ Поэма «Дигенис Акрит» — памятник новогреческого героического эпоса, дошедший до нас в нескольких вариантах (известно о шести его версиях) и «единственный в своем роде эпический памятник, созданный на греческом языке после Гомера» [Сыркин 1960: 131]; скорее всего, в основе ее лежит обработка фольклорного материала. Сказания о Дигенисе Акрите были чрезвычайно широко распространены на территории Малой Азии и Южного Кавказа. Первоначальная версия, по-видимому, восходила к концу X—началу XI в.; ряд напластований в сохранившихся версиях указывает на различные эпохи от второй половины XI и до XIV в.

Литература

- Аникеева 2018a — Аникеева Т. А. Огузский героический эпос как источник по истории тюркских народов Центральной Азии IX–XI вв. М.: Вост. лит., 2018. 189 с.
- Аникеева 2018б — Аникеева Т. А. «Китаб-и дедем Коркут» как памятник книжного эпоса // Памятники книжного эпоса Запада и Востока / сост. и ред. С. Ю. Неклюдов, Н. В. Петров. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 384–400.
- Гёр-оглы 1983 — Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. Сост. Б. А. Каррыев / пер. Б. А. Каррыева при участии Е. А. Поцелуевского. М.: ГРВЛ, 1983. 805 с.
- Жирмунский 1974 — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос: избранные труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Караулов 1901 — Караулов Н. А (пер.). Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане: I. Ал-Истахрий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1901. С. 1–73.
- Книга Коркута 1962 — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / пер. акад. В. В. Бартольда; изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 299 с.
- Короглы 1982 — Короглы Х. Г. Турецкая народная повесть // Эмрах и Сельви. Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. М.: ГРВЛ, 1982. С. 5–20.
- Крачковский 2004 — Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература [Перепеч. с изд. 1957 г.]. М.: Вост. лит., 2004. 919 с.
- Мустафаев 2017 — Мустафаев Ш. М. От Сельджуков к Османам: этнополитические процессы в тюркском мире Малой Азии в XI–XV вв. М.: ИВ РАН, 2017. 436 с.
- Сыркин 1960 — Сыркин А. Я. Византийская эпическая поэма // Дигенис Акрит / пер., статьи и коммент. А. Я. Сыркина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (сер. Литературные памятники). С. 127–163.
- And 2010 — And M. *Miniatürlerle Osmanlı-İslam Mitologyası* [Ottoman-Islamic mythology in miniature painting art]. İstanbul: Yapı Kredi Press, 2010. 487 p. (In Turk.)
- Çelik 1941 — Çelik F. Dede Korkut kitabındaki coğrafi isimler [Geographical Names in *The Book of Dede Korkut*]. *Ülkü*. 1941. July. Ankara. (In Turk.)
- Dedem Korkudun kitabı 2000 — *Dedem Korkudun Kitabı* [The Book of Dede Korkut]. Orhan Şaik Gökyay (ed.). İstanbul: National Educational Press, 2000. 671 p. (In Turk.)
- Ergin 2014 — Ergin M. Dede Korkutun coğrafyası [The geography of *Dede Korkut* epics]. *Dede Korkut kitabı*. Muharrem Ergin (ed.). 9th ed. Ankara, 2014. Pp. 51–54. (In Turk.)
- Ger-ogly. *Turkmenskii geroicheskii epas*. [Koroughlu: a Turkmen heroic epic]. B. A. Karryev (comp., transl.), Ye. A. Potseluevsky (assist.). Moscow: Vost. Lit., 1983. 805 p. (In Rus.)
- Karaulov N. A. Writings by Arab authors about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan: I. al-Istakhri. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza*. Vol. 29. Tiflis: Executive Office of Caucasian Educational District, 1901. Pp. 1–73. (In Rus. and Arab.)
- Kirzioğlu 1952 — Kirzioğlu (Çelik) M. *Fahrettin. Dede Korkut Oğuznameleri* [The Book of Dede Korkut: tales of the Oghuzes]. İstanbul: Burhaneddin Erenler Press, 1952. 132 p. (In Turk.)
- Rossi 1981 — Rossi E. Il “Kitab-i Dede Qorqut”: Racconti epico-cavallereschi dei Turchi Oguz [The Book of Dede Korkut: tales of epic chivalry of the Oghuz Turks]. Ms. Vat. Turco (transl. and notes) 102. Facsimile of 1952. Vatican: Vatican Apostolic Library, 1981. 364 p. (In Ital.)

References

- And 2010 — And M. *Miniatürlerle Osmanlı-İslam Mitologyası* [Ottoman-Islamic mythology in miniature painting art]. İstanbul: Yapı Kredi Press, 2010. 487 p. (In Turk.)
- Anikeeva T. A. *Oguzskii geroicheskii epas kak istochnik po istorii tiurkskikh narodov Tsentral'noi Azii IX–XI vv.* [The Oghuz heroic epic as a source on the history of Central Asian Turks: 9th to 11th centuries]. Moscow: Vost. Lit., 2018. 189 p. (In Rus.)
- Anikeeva T. A. The *Book of Dedem Korkut* as a monument of the literary epic. *Pamiatniki knizhnogo epasa Zapada i Vostoka* [Literary epic of the East and West: monuments] S. Yu. Neklyudov, N. V. Petrov (eds.). Moscow: INFRA-M, 2018. Pp. 384–400. (In Rus.)
- Çelik 1941 — Çelik F. Dede Korkut kitabındaki coğrafi isimler [Geographical Names in *The Book of Dede Korkut*]. *Ülkü*. 1941. July. Ankara. (In Turk.)
- Dedem Korkudun kitabı 2000 — *Dedem Korkudun Kitabı* [The Book of Dede Korkut]. Orhan Şaik Gökyay (ed.). İstanbul: National Educational Press, 2000. 671 p. (In Turk.)
- Ergin 2014 — Ergin M. Dede Korkutun coğrafyası [The geography of *Dede Korkut* epics]. *Dede Korkut kitabı*. Muharrem Ergin (ed.). 9th ed. Ankara, 2014. Pp. 51–54. (In Turk.)
- Ger-ogly. *Turkmenskii geroicheskii epas*. [Koroughlu: a Turkmen heroic epic]. B. A. Karryev (comp., transl.), Ye. A. Potseluevsky (assist.). Moscow: Vost. Lit., 1983. 805 p. (In Rus.)
- Karaulov N. A. Writings by Arab authors about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan: I. al-Istakhri. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza*. Vol. 29. Tiflis: Executive Office of Caucasian Educational District, 1901. Pp. 1–73. (In Rus. and Arab.)

- Kırzioğlu 1952 — Kırzioğlu (Çelik) M. Fahrettin. Dede Korkut Oğuznameleri [*The Book of Dede Korkut: tales of the Oghuzes*]. İstanbul: Burhaneddin Erenler Press, 1952. 132 p. (In Turk.)
- Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos*. [*A Book of Dede Korkut: the Oguz heroic epic*]. V. V. Bartold (transl.). V. M. Zhirmunsky, A. N. Kononov (eds.). Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1962. 299 p. (In Rus.)
- Korogly Kh. G. The Turkish folk novel. *Emrah i Selvi. Neobyknovennye prikliucheniia Karaoglana i drugie turetskie narodnye povesti* [*Emrah and Selvi: extraordinary adventures of Karaoglan and other Turkish folk novels*]. Moscow: Vost. Lit., 1982. Pp. 5–20. (In Rus.)
- Krachkovsky I. Yu. *Arabskaia geograficheskaia literatura* [Arabic geographical literature]. Reprint: ed. of 1957. Moscow: Vost. Lit., 2004. 919 p. (In Rus.)
- Mustafaev Sh. M. *Ot Sel'dzhukov k Osmanam: etnopoliticheskie protsessy v tiurkskom mire Maloi Azii v XI–XV vv.* [From Seljuqs to Ottomans: ethnopolitical processes in the Turkic world of Asia Minor in the 11th – 15th centuries]. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2017. 436 p. (In Rus.)
- Rossi 1981 — Rossi E. Il “Kitab-i Dede Qorqut”: Racconti epico-cavallereschi dei Turchi Oguz [*The Book of Dede Korkut: tales of epic chivalry of the Oghuz Turks*]. Ms. Vat. Turco (transl. and notes) 102. Facsimile of 1952. Vatican: Vatican Apostolic Library, 1981. 364 p. (In Ital.)
- Syrkin A. Ya. The Byzantine epic poem. *Digenis Akrit*. A. Ya. Syrkin (transl., art., comment.). Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1960. Pp. 127–163. (In Rus.)
- Zhirmunsky V. M. *Tyurkskii geroicheskii epos: izbrannye trudy*. [The Turkic heroic epic: selected works]. Leningrad: Nauka, 1974. 727 p. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 15–27, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).083

Российская дипломатия и Корея накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

Пак Бэлла Борисовна¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, Москва 107031, Российская Федерация)

доктор исторических наук, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи, ведущий научный сотрудник

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0400-4917>. E-mail: pakbell7@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию характера российско-корейских отношений и деятельности российской дипломатии в Корею накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. *Цель.* Рассматриваются усилия российской дипломатии в указанный период по обеспечению самостоятельного существования Корейского государства и предотвращению окончательного перехода этой страны под власть Японии, активная поддержка ею попыток корейского императора Коджона сохранить независимость страны, ее противодействие настойчивым попыткам японской стороны запугать Коджона с целью заключения соглашения об установлении над Кореей японского протектората. *Материалы.* Документы Архива внешней политики Российской империи, впервые представленные в этом исследовании, рассматривают характер русско-корейских отношений и деятельность российской дипломатии в Корею накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. *Методы.* Применены исходные принципы исторической науки, а именно: принцип историзма, объективного взгляда на исторические явления и сравнительно-исторического анализа событий и фактов. *Результаты.* Показано понимание российской дипломатией национально-государственных интересов в регионе, сводящихся к недопущению превращения Кореи в плацдарм для враждебных действий против русских дальневосточных владений, анализируется роль российских представителей в выработке позиции России по вопросу о признании нейтрального статуса Корейского государства как меры противодействия расчетам японского правительства связать Корею союзными обязательствами на случай военных действий и установить свой протекторат над ней. Отдельно говорится об усилиях российских дипломатов и агентов по обеспечению правительства данными о планах и возможностях японского командования по подготовке в Корею базы для будущей войны. Особое внимание уделено показу агрессивной политики Японии в Корею.

Ключевые слова: В. Н. Ламздорф, Е. А. Алексеев, А. И. Павлов, Коджон, нейтралитет, независимость Кореи

Для цитирования: Пак Б. Б. Российская дипломатия и Корея накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. *Oriental Studies*. 2019;(1):15-27. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27

Russian Diplomacy and Korea on the Eve of and during the Russo-Japanese War of 1904–1905

Bella B. Pak¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation)

Doct. of Historical Sc., Head of Cabinet (Laboratory) of Korean History and Culture; Leading Research Associate, Department for Korean and Mongolian Studies

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0400-4917>. E-mail: pakbell7@gmail.com

Abstract. The article investigates a number of documents contained in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire — thus, introducing the materials into scientific discourse — and explores the nature of Russo-Korean relations and the activities of Russian diplomacy in Korea on the eve of and during the Russo-Japanese war of 1904–1905. The article argues that Russia's main goal regarding Korea was to preserve its independence and territorial integrity. The paper primarily seeks to show the efforts of Russian diplomacy during the period undertaken to ensure the independent existence of the Korean state and prevent the final transition of the country under the rule of Japan. As the author points out, Russia was the first among the powers to recognize the neutral status of the Korean state, being the only power to have condemned Japan's violent course of action in immediate aftermath of its initiated hostilities and proclaimed it be illegal to seize power in the independent Korean state that had declared itself neutral. The article consistently examines the active support by Russian diplomats to the attempts of the Korean emperor Gojong to preserve the independence of the country, their opposition to the persistent attempts of the Japanese authorities to intimidate Gojong to conclude an agreement on the establishment of a Japanese protectorate over Korea. The work provides convincing evidence of the important contribution by Russian diplomats to the establishment of deeply trusting relations between the Russian and Korean imperial houses. Their honesty, decency, sincere concern for the welfare of Korea and its security proved efficient to win the favor and friendship of the Korean emperor who had repeatedly asked for asylum in the Russian mission in case of personal danger and even about assistance for resettling him towards Russia. The paper demonstrates the understanding by Russian diplomacy of the national-state interests in the region which resolved into preventing Korea from becoming a springboard for hostile actions against Russian Far Eastern possessions, analyzes the role of Russian representatives in developing Russia's position on recognizing the neutral status of the Korean state as a measure to counteract the calculations of the Japanese Government to tie Korea by allied commitments in the event of hostilities and establish its protectorate over the latter. The article highlights in detail the joint efforts of Russian diplomats undertaken along with the French mission in Seoul in the absence of the Russian mission there aimed to defend the interests of the Russian Government and private Russian-nationals in Korea. In addition, the article mentions the efforts of Russian diplomats and agents to provide the Russian Government with accurate data about the plans and capabilities of the Japanese top military to prepare a base in Korea for a future war, in particular, on the disclosure of areas where enemy units were located, and on developing routes, providing troops with food supply in Korea in future defensive campaigns. Particular attention is paid to showing the aggressive policy of Japan in Korea.

Keywords: V. N. Lamzdorf, E. A. Alekseev, A. I. Pavlov, Gojong, neutrality, Korean independence

For citation: Pak B. B. Russian Diplomacy and Korea on the Eve of and during the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Oriental Studies*. 2019;(1):15-27. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-15-27

Введение

17 (30) января 1902 г. был подписан англо-японский договор, носивший анти-русскую направленность. Договор давал Японии возможность вступить в войну с Россией, обеспечивая невмешательство держав в вооруженный конфликт на стороне России из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. После заключения англо-японского договора Япония развернула курс на подготовку войны с Россией, которая должна была обеспечить ей захват Кореи и первенствующую роль в разделе Китая.

В этой обстановке Россия, стремясь сохранить свои позиции на Корейском полуострове и не допустить превращения его в плацдарм для наступления Японии на континент, оказывала противодействие ее агрессивным устремлениям и вплоть до русско-японской войны являлась главным внешнеполитическим препятствием на пути японской агрессии.

С середины 1903 г. между Японией и Россией прошла серия переговоров, в ходе которых Россия, стремившаяся предотвратить вооруженное столкновение с Японией, с вероятным вмешательством великих держав в ее поддержку, шла на новые уступки. Японская же сторона предъявляла заведомо недопустимые для российской стороны предложения, носящие характер ультиматума.

Постановка задачи

Настоящая статья имеет своей целью комплексное, основанное на неизвестных ранее материалах Архива внешней политики Российской империи, рассмотрение деятельности российской дипломатии в Корее в период накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., анализ особенностей проводимого ею курса в отношении Кореи, отношение российской дипломатии к аннексионистским планам Японии.

Основная часть

Накануне войны российские дипломаты и агенты в Корее и в Японии сообщали многочисленные факты, безошибочно указывающие на деятельную подготовку Японии к военным действиям на корейской территории. Российский посланник в Токио Р. Р. Розен сообщал в секретной телеграм-

ме от 21 декабря 1903 г. (3 января 1904 г.) о признаках решимости японского правительства приступить в ближайшем будущем к осуществлению поставленной им себе задачи в Корее, «не останавливаясь ни перед каким риском войны с Россией, для которой Япония во всех отношениях вполне готова». По его мнению, «в этих только видах поддерживается мобилизационная готовность всей армии и в этом же смысле должны быть истолкованы последние мероприятия японского правительства, в т. ч. и последовавший на днях приказ о собрании в порте Удзина транспортов, способных поднять примерно одну дивизию» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 493. Д. 42. Л. 280].

Внимание МИД обращалось и на то, что с середины декабря 1903 г. непрерывно подвозились в Инчхон, Сеул и на промежуточные пункты Сеул-Чемальпоской [Инчхонской] железной дороги значительные запасы провианта, фуража и боевых припасов, прибывали новые партии японских жандармов и военных чинов. Японским правительством было зафрахтовано для военной транспортной службы 60 пароходов, половина которых предназначалась для надобностей флота. Розен в секретной телеграмме от 19 января (1 февраля 1904 г.) высказывал догадку, что японцами преследуется цель обеспечить себе командование морем в Печилийском заливе, чтобы иметь возможность высадить войска на западном берегу Северной Кореи [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 41].

Российскими дипломатами в Корее сообщались в Петербург также сведения об отправлении на север Кореи и, в частности на границу с Маньчжурией, большого числа японцев, переодетых в корейское платье и хорошо владеющих корейским языком. Российский вице-консул в Фузане Козаков уведомлял российского посланника А. И. Павлова, что как в названном порте, так и в Масанпхо агентами японского военного ведомства заготавливаются запасы топлива и нанимаются японцы, переводчики корейского языка [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 41]. По их расчетам в Сеуле, Инчхоне и окрестностях было заготовлено провианта и фуража, достаточно для прокормления в течение 3-х месяцев 5–10-тысячного корпуса японской армии.

На основании этих данных русские дипломаты приходили к заключению, что предстоящая высадка значительных японских военных сил и занятие ими корейской территории была предreshена японским правительством [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 5–6].

В телеграмме министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа 13 января 1904 г. российскому посланнику в Токио Р. Р. Розену поручалось при объяснениях с Комуры обратиться его внимание на «неблагоприятное впечатление, которое производят эти, ничем не вызываемые с нашей стороны военные мероприятия в ту минуту, когда между обоими Правительствами ведутся мирные переговоры о заключении соглашения по Корейским делам» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 42].

Настроение как в корейских придворных сферах, так и среди населения Сеула было очень тревожное в связи с распространявшимися японцами слухами об окончательно принятом японским правительством решении объявить войну России, об ожидаемой со дня на день высадке японской армии в Корею и о готовящемся будто бы японцами умерщвлении императора вместе с наследным принцем и теми немногими приближенными к императору корейцами, которые числились на счету у японской миссии как враждебные ей сторонники России [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 1].

Само нападение, согласно тем же слухам, должно было произойти 27 декабря, сразу по окончании назначенной на этот день церемонии перенесения останков покойной вдовствующей королевы из дворца в расположенную рядом с оградой русской миссии кумирню.

По мнению российского посланника в Сеуле, распространявшиеся из японских источников слухи о подготовке беспорядков, о грозящей корейскому императору опасности и ожидаемой со дня на день высадке японской армии в Корею и начале военных действий с Россией имели, прежде всего, целью запугать Коджона и вынудить у него согласие на заключение соглашения об установлении над Кореей японского протектората [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 201. Л. 4].

Такой же смысл, по мнению А. И. Павлова, имело и упомянутое им в секретных телеграммах от 20 декабря сообщение,

сделанное японским посланником в Корею Хаяси французскому представителю, о том, что японское правительство, опасаясь революции в самой Японии, «вынуждено прибегнуть к таким мерам, которые, вероятно, сделают войну с Россией неизбежной» [Пак 2004: 357; АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 190. Л. 66; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 493. Д. 42. Л. 277].

А. И. Павлов в донесении Ламздорфу от 8 января 1904 г. выражал уверенность, что подобные сообщения были сделаны японским посланником и другим иностранным представителям в Корею в расчете, что последние при объяснениях с корейскими министрами могли подтвердить им, что Корею угрожает серьезная опасность и что императору и правительству благоразумнее поспешить добровольно отдалиться под покровительство Японии [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 4–5]. В этом А. И. Павлов оказался прав. Вскоре Коджон уведомил его, что японский посланник «усиленно настаивает» на немедленном принятии японского проекта соглашения о протекторате, на открытии Йонампо и на обеспечении за японцами железной дороги до Ыйджу, угрожая, что в противном случае война Японии и России неизбежна и император поплатится жизнью. Навязываемый проект соглашения включал статью о назначении в Сеул японского резидента для руководства внутренней и внешней политикой [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 493. Д. 42. Л. 309]. А. И. Павлов старался убедить корейского императора ранее окончания переговоров в Токио и прежде времени не связывать себя с Японией никакими новыми обязательствами.

Телеграммой от 17 (30) декабря А. И. Павлов уведомил В. Н. Ламздорфа и Е. И. Алексеева о том, что корейский император через дворцового евнуха намекнул на возможность обращения его в случае личной опасности с просьбой о предоставлении ему убежища в русской миссии и даже о содействии для переселения его в пределы России [Пак 2004: 357; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 253].

Российский посланник постарался успокоить Коджона и внушить ему, что оставление им дворца и переход в русскую миссию в тот момент, когда между российским и японским правительствами продолжают мирные переговоры, непосредственно связанные с вопросом о судьбе Корейско-

го государства, могли бы неблагоприятно отразиться на их исходе и что «именно высказыванием полного спокойствия и соблюдением крайней осторожности Император вернее всего может обеспечить свою личную безопасность» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 2].

Однако Коджон не оставил намерения покинуть дворец и искать убежища в русской миссии. А. И. Павлову было сообщено, что корейский император, вероятно, воспользуется для этого предстоящей церемонией перенесения останков покойной королевы с тем, чтобы прямо из кумирни, не возвращаясь во дворец, направиться к существующей в ограде русской миссии напротив кумирни небольшой двери.

В секретных телеграммах от 20 и 21 декабря А. И. Павлов сообщал, что Коджон со всем семейством переселился из занимаемых им дворцовых построек вблизи главных ворот, обращенных к улице, ведущей к японскому кварталу, в другое помещение, расположенное у малых ворот, ближайших к двери в ограде русской миссии, и окружил всю площадь, занятую дворцом и с внешней стороны окружающих его стен, кроме стороны, обращенной к русской миссии, сплошным рядом из 2 500 солдат [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 279].

Для защиты миссии и проживающих в Сеуле русских в случае ожидавшихся дворцовых волнений русский посланник предложил представителю Лесопромышленного товарищества барону Гинцбургу со служащим у него русским персоналом перебраться в смежный с миссией дом. По соглашению с наместником на Дальнем Востоке А. И. Павлов распорядился о высылке в миссию со стоявшей в Инчхоне канонерской лодки «Гиляк» десанта в 10 человек, который был затем заменен десантом с эскадренного броненосца «Севастополь» в количестве 60 человек [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 4; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 260].

Со своей стороны А. И. Павлов старался поддержать в корейском императоре «бодрость духа» и убеждал его остерегаться неосторожных обязательств по отношению к Японии, которые могли бы «парализовать наши усилия обеспечивать независимое существование Корейского государства и предотвратить окончательный переход этой страны во власть Японии» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 6].

Относительно намерения корейского императора укрыться в российской миссии в Сеуле В. Н. Ламздорф секретной телеграммой от 18 декабря 1903 г. запросил заключения Е. И. Алексеева [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 260].

Е. И. Алексеев в ответной телеграмме 19 декабря 1903 г. (1 января 1904 г.) заявил, что не находит возражений для отказа Коджону в просьбе принять его в русскую миссию. «Корейский император, как правитель страны, независимость которой никакой Державою не оспаривается, — писал он, — полагаю, вполне волен в минуты грозящей ему опасности искать убежища под покровительством одной из дружественной нации... Несомненно, событие это, как и в 1896 г., будет весьма неприятно для Японии, но ныне, когда японское самоуправство в Корее попирает все существующие договоры, Императору в действительности не остается ничего другого для спасения своей жизни, как искать убежища у представителя Державы, на которую Корейский Император и народ давно уже взирает как на свою единственную и верную покровительницу» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 42. Л. 265].

8–9 февраля 1904 г. японский флот начал боевые действия против входивших в состав Тихоокеанской эскадры русской канонерской лодки «Кореец» и крейсера «Варяг». В результате этого первого морского сражения (Инчхонский бой), в ходе которого «Кореец» был взорван, а «Варяг» — затоплен, японцы приступили к высадке войск в Инчхоне (Чемульпо). Тогда же, в ночь на 9 февраля 1904 г. японские миноносцы внезапно атаковали российскую эскадру в Порт-Артуре. Так началась русско-японская война 1904–1905 гг., которая проходила на части территории Кореи и сыграла роковую роль в истории корейского государства.

8 февраля 1904 г. МИД предписало всем российским представителям за границей «привлечь самое серьезное внимание Держав на насильственные мероприятия, к которым прибегло Японское Правительство по отношению к Корее», а также сообщить правительствам, при которых они аккредитованы, что «Независимость и неприкосновенность Кореи, как вполне самостоятельного государства была признана всеми Державами. Незыблемость этих основных принципов подтверждена статьею 1-ю Симоносекского трактата, договором специ-

ально с этой целью заключенным между Англией и самою Японией 17/30 января 1902 г.; а также Франко-русской декларацией 3/16 марта того же года».

В секретной циркулярной телеграмме министра иностранных дел российским представителям за границей 8 (21) февраля 1904 г. сообщалось об обращении корейского императора еще в начале января по телеграфу ко всем державам с заявлением о соблюдении им строгого нейтралитета, в предвидении опасности столкновения между Россией и Японией, и занятия последней территории Кореи своими войсками в таком случае, что впоследствии и подтвердилось.

Российское правительство признало вопиющим нарушением законов международного права тот факт, что японское правительство, вопреки всем договорам, своим собственным обязательствам и наперекор основным законам международного права:

1. «Приступило, даже до открытия военных действий против России, — к высадке своих войск в пределы независимого Корейского государства, заявившего о соблюдении им нейтралитета.

2. Совершило отрядом своей эскадры вероломное нападение 26 января, т. е. за 3 дня до объявления войны, на находившиеся в нейтральном порте Чемульпо — 2 русских военных корабля, командиры коих не могли быть извещены о разрыве сношений с Японией, вследствие умышленного уничтожения японцами за несколько дней перед тем кабеля, принадлежащего Датскому Обществу, и Корейских правительственных телеграфных проводов. Подробности возмутительной атаки, коей подверглись вышеозначенные русские суда, заключаются в опубликованных официальных телеграммах Российского Посланника в Сеуле.

3. Лишило личной свободы некоторых из проживавших на нейтральной территории в Корее русско-подданных.

4. Вопреки существующим на сей предмет международным постановлениям захватило в качестве военной добычи русские коммерческие суда, находящиеся в японских и корейских портах.

5. Заявило Корейскому Императору чрез Японского Посланника в Сеуле, что отныне Корея будет находиться под управлением Японии, предупредив, что в случае непокорности, Японские войска займут дворец.

6. Обратилось чрез Французского Посланника в Сеуле с предложением к Русско-

му официальному Представителю при Корейском Императоре о выезде из страны со всем составом Миссии и консульств».

Заявляя о своем протесте против образа действий японского правительства, российское правительство призывало другие государства разделить точку зрения России и предупреждало, что «с минуты незаконного захвата Японией власти в Корее» оно признает недействительными «все те распоряжения и заявление, которые последовали бы от имени Корейского Правительства» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 146–148].

28 января (10 февраля) 1904 г. японцы захватили в корейских водах принадлежащие Тихоокеанскому Китобойному Обществу промысловые суда [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 199, 284], нарушив изданный ими же указ от 27 января 1904 г., на основании которого подлежали освобождению от секвестра все русские суда, покинувшие японские порты до 3 февраля.

В донесении В. Н. Ламздорфу от 12 (25) января 1904 г. А. И. Павлов сообщал о том, что еще 1 (14) января о решении корейского императора Коджона сделать заявление великим державам о соблюдении Кореей нейтралитета в случае разрыва отношений между Японией и Россией ему сказал флигель-адъютант корейского императора Хён Санген, ездивший с секретным поручением в Санкт-Петербург и возвратившийся после посещения наместника Дальнего Востока из Порт-Артура 30 декабря (12 января) 1904 г. Он также передал А. И. Павлову просьбу Коджона взять на себя отправку соответствующих телеграмм через Шанхай, через российское генеральное консульство, что российский дипломат исполнил, считая, что сохранение Кореей нейтралитета в значительной степени расстроит планы Японии связать Корею союзными обязательствами на случай военных действий и установить свой протекторат над ней. Чтобы не дать японцам узнать их содержание при отправке из Сеула по японскому телеграфу, телеграммы были доставлены на германском крейсере «Hanse» в Порт-Артур в пакете на имя секретаря наместника Дальнего Востока Г. И. Плансона, отправившего его корейскому вице-консулу в Чифу, французскому Герену для пересылки иностранным кабинетам и корейским посланникам при иностранных дворах [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 8–12].

А. И. Павлов был убежден, что принятая императором мера «представляется для нас довольно благоприятною, особенно принимая во внимание ту настойчивость, с которою Японское правительство добивается подписания соглашения о содействии Корее на случай военных действий и о признании ею японского протектората именно до выяснения окончательных результатов своих переговоров с нами» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 11об.–12].

Не было сомнения в том, что эта мера расстраивала планы японского правительства, поскольку, хотя и остановила Японию в проведении намеченных ею военных мероприятий на территории Кореи, но, несомненно, придала им характер явного насилия и нарушения принципов международного права.

Вслед за этим А. И. Павлов сообщил в секретной телеграмме от 15 (28) января 1904 г. о том, что корейский император передал в Петербург, что в случае фактического разрыва отношений между Россией и Японией он намерен объявить себя союзником России и что он решил сделать заявление о соблюдении нейтралитета исключительно дабы оградить себя против давления и угроз японцев, понуждавших его к заключению союзного договора с Японией [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 52. Л. 90].

В телеграмме от 16 января, В. Н. Ламздорф разрешил А. И. Павлову передать Коджону, что заявление о сохранении Кореей нейтралитета встречено сочувственно императорским правительством [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 52. Л. 92].

21 января 1904 г. корейский император при поддержке российских дипломатов, желая решительно противостоять оказываемому на него давлению и отрезать себе путь к подписанию навязываемого ему соглашения о протекторате и союзе с Японией, обратился к министрам иностранных дел Австрии, США, Англии, Германии, Италии, Китая, России, Франции и Японии с телеграммами за подписью и печатью французского министра иностранных дел, с заявлением о том, что Корейское правительство в случае столкновения между Россией и Японией приняло твердое решение «соблюдать строжайший нейтралитет, каков бы ни был результат ведущихся ныне между названными державами переговоров» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15.

Л. 13; Там же. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 52. Л. 58]. Корейским посланникам за границей по телеграфу же предписывалось сделать тождественные декларации правительствам, при которых они аккредитованы [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 15. Л. 14; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 88об.].

Однако японское правительство отказалось признать нейтралитет Кореи. Провозглашение корейским императором нейтрального статуса не помешало Японии после начала войны с Россией приступить к прямой оккупации территории Кореи своими войсками. Уже к середине марта 1904 г. между Инчхоном и р. Амноккан было сосредоточено более 100 тыс. японских солдат и офицеров, которые стали продвигаться на север, к устью р. Амноккан.

Российскому посланнику А. И. Павлову уже 10 февраля (28 января) 1904 г. японский посланник Хаяси через французского поверенного в делах де Фонтене предложил покинуть Сеул и Корею немедленно ввиду оккупации японскими войсками Сеула и прилегающей территории [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 73].

В ответ на это глава МИД В. Н. Ламздорф в телеграмме А. И. Павлову от (8) 21 февраля 1904 г. предписал ему с составом миссии и консульства не выезжать в Европу, «принимая во внимание, что наши дипломатические сношения с Корейским правительством не были прерваны официально, а лишь временно затруднены вследствие незаконного захвата власти в Корее Японией», и высказал пожелание, чтобы он напротив, не покидал «Крайнего Востока, избрав местом пребывания Шанхай» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 1]. 12 февраля (30 января) 1904 г. весь состав российской дипломатической миссии выехал из Сеула на французском крейсере «Паскаль» в Шанхай.

Охрана зданий русской миссии в Сеуле и интересов и имущества русских подданных в Корее, на время отсутствия в Сеуле русского представителя, была возложена на французское правительство и французского поверенного в делах виконта де Фонтенэ [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 2].

При выезде из Сеула А. И. Павлов официально уведомил всех иностранных представителей, что вынужден временно покинуть Корею со всем составом миссии и кон-

сульства. Нота того же содержания на имя корейского правительства была вручена им французскому представителю. Секретной телеграммой от 9 (22) февраля 1904 г. А. И. Павлов сообщил, что ночью, перед выступлением русских из Сеула, император тайно прислал к российскому посланнику доверенное лицо, чтобы подтвердить решение оказывать России активное содействие лишь только представится фактическая возможность и выразив надежду на скорое вновь водворение русской миссии в Сеуле [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 2].

В Шанхае А. И. Павлов оставался вплоть до ноября 1905 г., занимая пост «российского министра в Сеуле, временно находящегося вне Кореи» и возглавив созданную в апреле 1904 г. по инициативе наместника «Шанхайскую службу», основной задачей которой был сбор секретной информации о Японии и ее вооруженных силах. В корейской секции службы сотрудничали корейцы — русскоподданные. Сообщения Коджона Николаю II передавались через «Шанхайскую службу» [Pavlov 2011: 47].

Россия поддержала нейтралитет Кореи. Вопиющим нарушением принципов международного права назвал занятие японскими войсками территории государства, которое незадолго перед тем заявило о своем нейтралитете, признанном всеми державами, наместник Дальнего Востока Е. И. Алексеев в своей телеграмме от 24 февраля, удостоившейся одобрения Николая II [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53 Л. 435]. На это же обстоятельство было обращено внимание в весьма секретной записке от 23 февраля 1904 г. известным специалистом по международному праву, юрисконсульту МИД профессором Ф. Ф. Мартенсом, по просьбе министра специально занимавшегося изучением данного вопроса в связи с предложением наместника о прекращении доступа к берегам Кореи посредством минных заграждений. Мартенс был против применения минных заграждений у берегов Корейского государства, «с которым Россия не воюет». Главным доводом в пользу отказа от применения минных заграждений он считал тот факт, что Корея, даже если бы она была занята японцами и обратилась в театр военных действий, для России не перестала быть независимым государством [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 53. Л. 344].

Для наблюдения за передвижением японских войск и противодействия их продвижению по Корее в феврале 1904 г. русское командование сформировало и отправило в северные районы Кореи передовой конный отряд под командованием генерал-майора П. И. Мищенко, с которым связаны первые бои между русскими и японскими войсками на суше [Левицкий 1933: 39–40; Пак 2004: 199].

В общей сложности за период с 4 февраля по 21 марта 1904 г. казаками генерал-майора Мищенко была произведена разведка р. Ялу от устья до Пёндона и на востоке до устья р. Чхончхонган [Краснов 1906: 155–156].

Другим событием, связанным с действиями русских войск на корейском театре военных действий, был рейд в апреле–мае 1904 г. 500 кавалеристов под командованием подполковника Мадритова в Чхосан [Козлов 1904: 54].

В конце апреля – начале мая 1904 г. японские сухопутные силы нанесли поражение русским частям в сражениях на р. Амноккан и перешли территорию Маньчжурии.

Тем временем, опираясь на силу своих штыков, японские оккупанты 23 февраля 1904 г. навязали Корее «Японо-корейский протокол», который обязывал договаривающиеся стороны оказывать друг другу взаимную поддержку, и Япония получила право использовать корейскую территорию в качестве базы для военных действий против России.

В марте 1904 г. главный проводник курса на утверждение господства Японии в Корее и во всей Северо-Восточной Азии Ито Хиробуми¹ посетил Корею, после чего в мае японское правительство приняло следующие решения: 1) в свое время Корея делается протекторатом Японии, 2) до этого Япония должна стремиться для достижения практических результатов оказывать политическое, дипломатическое и военное покровительство и содействовать развитию японских интересов в Корее. И граф Кацура, премьер-министр, и барон Комура, министр иностранных дел, опасались, что при немедленном объявлении Японией

¹ Ито Хиробуми (2.IX.1841–26.X.1909) — японский государственный деятель, один из представителей олигархической верхушки империалистической Японии. Японский генеральный резидент в Сеуле (1906–1909).

этих решений, особенно в связи с декларацией о целях войны против России, могут быть возражения других держав, и поэтому приняли план более постепенных действий [Акаги 1936: 141].

19 мая 1904 г. японцы заставили корейского императора издать указ об аннулировании всех договоров между Россией и Кореей. После опубликования этого указа император Коджон через де Фонтенэ сообщил В. Н. Ламздорфу, что он в течение трех месяцев сопротивлялся требованию японцев и уступил наконец, убедившись, что дальнейшее сопротивление поведет к свержению его с престола, но что «он по-прежнему всецело предан России и при первой возможности «отменит указ, изданный им по принуждению японцев под давлением открытой силы» [Пак 2004: 201, 36; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 56. Л. 84–85].

Находясь вне Кореи, русские дипломаты поддерживали контакты с французской миссией в Сеуле в лице поверенного в делах виконта де Фонтенэ. В условиях отсутствия там русской миссии он не раз оказывал ценные услуги в отстаивании интересов российского правительства и частных лиц — русско-подданных в Корее, сообщая важную информацию о действиях японцев в Корее и настроениях в японской армии [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 56. Л. 84, 123]. Так, письмом от 20 мая он сообщил А. И. Павлову, что появление русских казаков в Ыйджу и разрушение ими телеграфных линий, крайне встревожили японцев, после чего находившиеся в Сеуле 7 500 японских солдат были спешно посажены в Инчхоне на суда и отправлены на север Кореи [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 56. Л. 93].

Возвращаясь на родину через Японию и США, бывший французский поверенный в делах в Иокогаме 29 июля на словах поручил командиру парохода «Туран», лейтенанту французского флота «крайне конфиденциально» передать А. И. Павлову через Роспопова, что настроение японского правительства «самое угнетенное», что «единственная его надежда на скорое падение Артура и немедленное заключение затем мира, но что вера в это сильно поколеблена» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 59. Л. 55].

Де Фонтенэ был убежден, что новое появление русских судов у восточных берегов

Японии, разрушение береговой линии железной дороги к югу от Урага или ближе Хамамацу, или же бомбардировка какого-либо пункта поблизости от столицы неминуемо вызовут окончательную деморализацию и, «что самый чувствительный удар Японии был бы нанесен крейсерством хотя бы одного русского судна на линии Сан-Франциско — Иокогама, с целью затруднения подвоза припасов из Америки» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 59. Л. 55]. Посетив при проезде через США российского посланника в Вашингтоне А. П. Кассини, он рассказал о положении в Сеуле. По словам де Фонтенэ, японцы являлись «вполне хозяевами положения и единственное препятствие их замыслам противодействие самого Императора», который относится «с крайним недоверием ко всем японцам и ...старается полным неучастием в каких-либо правительственных актах показать корейскому народу свою враждебность по отношению к Японии и свой взгляд на занятие ею Кореи как на явление временное» [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 9].

Пользуясь отъездом виконта де Фонтенэ в Европу, ввиду возвращения в Сеул французского посланника Коллен де Планси, Коджон просил его лично вручить Николаю II письмо от своего имени. Одновременно с вручением письма корейский император передал виконту де Фонтенэ собственноручно написанную им «Программу личного доклада Виконта де Фонтенэ» с перечислением фактов насилия, уже совершенных японцами, и новых требований, на удовлетворении которых они с угрозами настаивали [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60. Л. 141; АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 58 Л. 14; Пак 2002: 140].

Аудиенция французскому поверенному в делах в Сеуле для доклада о корейских делах согласно перечню вопросов, приложенных к письму Коджона, состоялась 24 сентября 1904 г. [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60 Л. 139]. Истинные цели его приезда в Петербург и факт передачи письма Коджона сохранялись в строжайшей тайне [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60. Л. 132].

Полон сочувствия ответ Николая II на послание Коджона, переданный В. Н. Ламздорфу и затем пересланный секретной телеграммой А. И. Павлову:

«Виконт де Фонтенэ передал нам письмо, в коем Ваше Величество сообщает о

перенесенных Вами тяжелых затруднениях. Могу заверить Ваше Величество, что судьбы Кореи по-прежнему дороги и близки НАШЕМУ сердцу и что чувства дружбы и искреннего расположения, которые Мы питали к Вашему Величеству, остаются неизменными. Относясь с полным участием к переживаемым Кореею испытаниям, надеемся, что для Империи этой вскоре настанут лучшие дни. Мы возобновляем при сем Вашему Императорскому Величеству НАШИ пожелания долгоденствия и уверения в неизменной привязанности, с коими навсегда пребываем» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60 Л. 167; Пак 2002: 140].

Тем временем Япония последовательно осуществляла свой курс на установление полного контроля над экономикой и политикой Кореи, через передачу в руки Японии важнейших внутри- и внешнеполитических функций.

9 (22) августа 1904 г. Корея была вынуждена подписать «Конвенцию о советниках», которая обязывала ее приглашать по рекомендации Японии финансового, дипломатического и других советников и принимать важные внутри- и внешнеполитические решения только после советов с ними. Согласно конвенции корейское правительство должно было предварительно консультироваться с японским правительством при заключении договоров с иностранными державами и по другим важным дипломатическим вопросам [British documents ... 1926: 112–113].

25 августа (7 сентября) 1904 г. советник японской миссии в Корее Дурхам Уайт Стивенс был назначен советником корейского Министерства иностранных дел. Убежденный сторонник Японии, Стивенс состоял к тому времени уже 22 года на службе японского правительства. Он занимал видную роль в управлении внешней политикой Кореи, будучи, фактически, министром иностранных дел корейского правительства. По мнению посланника в Вашингтоне А. П. Кассини, главная задача Стивенса состояла в том, чтобы быть посредником между корейским императором и японским правительством, в расчете на то, что Стивенсу как иностранцу легче будет оказывать влияние на Коджона [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 9].

Из других японских гражданских чиновников, назначенных для Кореи, прибыли главный дворцовый советник Като, фи-

нансовый советник Мегата. В Корею был назначен особый «Начальник военных сил» в лице генерала Хасегава, командира гвардейской дивизии. 14 (27) сентября в Корею прибыли японский министр путей сообщения Оура, директор железнодорожного департамента Ямауци и президент Сеуло-Фузанской железной дороги Фуруици [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 13].

Продолжалось систематическое завладение свободными землями — по так называемой «схеме Нагамори» — всех не обрабатываемых земель в Корее. Расширило сферу своей деятельности учрежденное в 1903 г. «Общество развития земледелия в Корее» (Канкоку Канно Квай). Усиленными темпами шло сооружение железнодорожных линий Сеул — Фузан, Сеул — Ыйчжу, Антунсян — Ляоян, Сеул — Гензан, Фузан — Масампо — Чинхэ, Пиньян — Сончин.

В результате японцы практически установили свой контроль над внешней политикой Кореи и получили возможность открытого вмешательства во внутренние дела страны [Пак 2004: 366].

В донесении от 9 (22) октября 1904 г. русский агент Н. Роспопов усматривал в действиях японского правительства в Корее хорошо продуманную схему. Назначение Хасегава, одного из старших боевых генералов, участвовавшего в боях под Цзюлянчэном и Ляояном, с целым штабом в Корею, где войска, за исключением небольшого гарнизона в Гензане (численностью около 3 000 человек), отрядов в Сеуле и на этапной линии по направлению через Пиньян на Ыйчжу, по мнению Роспопова, свидетельствовало о наличии у японцев серьезного плана подготовить Корею для будущей оборонительной кампании [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 14об.].

Задача генерала Хасегава и его штаба, как он небезосновательно считал, состояла в том, чтобы, во-первых, подготовить театр действий, разработать пути сообщения, выбрать лучшие позиции для выгоднейшей дислокации войск, обеспечить продовольствие, подавить враждебное брожение корейцев; во-вторых, создать такую базу, которая обеспечила бы тыл оперирующих в Корее войск, не только в военном, но и продовольственном смысле. Лучшим пунктом для этого являлся Масампо-Каргодо, находящийся в самом богатом в Корее крае (Чолладо) и совершенно неприступный, как с моря, так и с суши, владея которым, япон-

цы были уверены в полном разобщении и парализовании Порт-Артура и Владивостока [АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 585. Л. 15].

Русско-японская война тяжело отразилась на положении в Корее. В стране был установлен свирепый японский жандармско-полицейский режим. Территория, по которой проходили японские войска, была разорена. На пути их следования население покидало дома и бежало в леса и горы. Крестьяне не засеивали поля, зная, что урожай будет полностью отобран на нужды японской армии [Козлов 1904: 54–55].

Действия Японии в Корее вызвали протесты со стороны России [Пак 2004: 201–202].

Симпатии корейцев в годы войны были неизменно на стороне России, видевших в ней главное препятствие установлению японского господства в Корее. В одном из писем Николаю II Коджон, говоря о переживаемых Кореей от японцев «неисчислимых бедствиях», выражал надежду, что при «великодушном покровительстве России счастье и благоденствие Кореи будут обеспечены и существующие дружеские отношения между нашими государствами еще более укрепятся» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 58. Л. 6].

Имеются многочисленные документальные свидетельства, говорящие о готовности солдат и офицеров корейской армии оказывать помощь и содействие русским войскам [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 27177. Лл. 1–80; Пак 2004: 371].

Содействие России в войне против Японии, передавая русскому командованию сведения о военном положении в Маньчжурии и Корее и призывая корейцев к поддержке России в войне против Японии, оказывала и корейская миссия в Петербурге. Посланник Ли Бомджин, несмотря на то, что корейское министерство иностранных дел по указанию японцев предписало ему вернуться в Корею, с разрешения российского правительства до конца войны оставался в Петербурге. На содержание миссии было выдано по 7325 руб. ежеквартально с февраля 1904 г. по декабрь 1905 г. [Пак 2002: 46–51].

В сентябре 1904 г. Ли Бомджин сообщал А. Н. Куропаткину, что в Корее «на прочных началах организована русофильская партия», что «корейский император и его правительство по-прежнему уповают на помощь России и ожидают прибытия русских

войск» [АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 60. Л. 149–150об.].

Россия разрешила Ли Бомджину и другим членам Корейской миссии остаться в Петербурге и после того как Корея утратила независимость в результате аннексии Японией [ГАРФ. Ф. 102, 00. Оп. 316. 1904. Ед. хр. 2396. Л. 37–82; Пак 2011: 11–25].

Заключение

Российская дипломатия накануне и во время русско-японской войны предпринимала немалые усилия по обеспечению самостоятельного существования Корейского государства и предотвращению окончательного перехода этой страны во власть Японии, активно поддерживала попытки корейского императора Коджона сохранить независимость.

Россия первой из держав признала нейтральный статус Корейского государства. При выработке позиции МИД по этому вопросу определяющую роль сыграло мнение российского посланника в Сеуле, считавшего, что сохранение Кореей нейтралитета расстроит расчеты японского правительства связать Корею союзными обязательствами на случай военных действий и установить свой протекторат.

Во время русско-японской войны Россия, единственная из держав, заявила, что признает незаконным захват Японией власти в независимом и заявившем о соблюдении им нейтралитета Корейском государстве, призывая державы к тому же. Российское правительство не признало дипломатические отношения с Кореей прерванными официально, а лишь временно затрудненными «вследствие незаконного захвата власти в Корее Японией».

Работая в сложной обстановке, российские дипломаты и агенты проявили тонкое понимание ситуации и дальновидность. Благодаря им в Петербурге еще до начала военных действий было известно о планах японского командования готовить в Корее базу для будущей войны.

Российские дипломаты противостояли попыткам японской стороны запугать Коджона с целью вынудить у него согласие на установление над Кореей японского протектората. Российский посланник сумел удержать корейского императора от принятия навязываемого соглашения о назначении в Сеуле японского резидента.

Своей искренней заботой о благе Кореи, безопасности Корейского правящего дома российские дипломаты сумели завоевать расположение и доверие корейского императора, не раз обращавшегося с просьбой о представлении ему убежища в русской миссии в случае личной опасности.

Действия Японии по установлению полного контроля над экономикой и политикой Кореи вызвали протесты со стороны России. К несчастью для Кореи, Россия, переживавшая серьезный экономический спад и втянутая в войну с Японией и ведущая ее в

состоянии полной изоляции, не могла в тот момент оправдать надежд корейских патриотов на серьезную помощь в деле защиты независимости страны от японских посягательств.

Потерпев поражение в ходе русско-японской войны, Россия не имела возможности помешать осуществлению аннексионистских планов Японии и вынуждена была примириться с потерей последних остатков независимости и суверенитета корейского государства.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
Gosudarstvennyy arkhiv Ros-siyskoy Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].
Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Archive of Military History].

Литература

- Козлов 1904 — Козлов В. Д. В тылу у японцев (набег партизанов в Корею). СПб.: коммерческая типолитография М.: Виленика, 1904. 172 с.
Краснов 1906 — Краснов П. Н. Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года. Т. 1. СПб.: Летопись войны с Японией, 1905. 586 с.
Левицкий 1933 — Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Сокращенное издание. М.: Гос. воен. изд-во, 1933. 386 с.
Пак 2004 — Пак Б. Д. Россия и Корея. Изд. 2-е, доп. М.: ИВ РАН, 2004. 522 с.
Пак 2002 — Ли Бомджин / Российская Академия наук, Институт востоковедения; Общероссийское объединение корейцев; [отв. ред. Ю. В. Ванин; сост. Б. Д. Пак]. М.: ИВ РАН, 2002. 205 с. (Серия «Российские корейцы».)
Пак 2011 — Пак Б. Б. Российско-корейские отношения и Ли Бомчжин накануне и в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник Центра корейского языка и культуры.

Вып. 13. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 11–25.

- Akagi 1936 — Akagi R. H. Japan's Foreign Relations 1542–1936. A Short History. Tokyo, 1936. 577 p. (In Eng.)
British documents ... 1926 — British documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. IV. London, 1926. 658 p. (In Eng.)
Pavlov 2011 — Pavlov D. B. The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–1905. *Eurasian Review*. Vol. 4. November 2011. Pp. 42–50. (In Eng.)

References

- Akagi 1936 — Akagi R. H. Japan's Foreign Relations 1542–1936. A Short History. Tokyo, 1936. 577 p. (In Eng.)
British documents ... 1926 — British documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. IV. London, 1926. 658 p. (In Eng.)
Kozlov V. D. *V tylu u japontsev (nabeg partizanov na Koreiu)* [In the rear of the Japanese a (partisan foray into Korea)]. St. Petersburg: M.: Vilenchik, 1904. 172 p. (In Rus.)
Krasnov P. N. *God voyny. 14 mesiatsev na voine. Ocherki russko-yaponskoy voyny s fevralya 1904 goda po aprel' 1905 goda.* [The year of war: 14 months in the war. Essays on the Russo-Japanese War: February 1904 to April 1905]. Vol.1. St. Petersburg: Letopis' Voyny s Yaponiey, 1905. 586 p. (In Rus.)
Levitsky N. A. *Russko-Japonskaia voina 1904–1905 gg.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905]. Abr. ed. Moscow: State Military Publ. House, 1933. 386 p. (In Rus.)
Pak B. D. *Rossia i Koreia* [Russia and Korea]. 2nd ed, suppl. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2004. 520 p. (In Rus.)
Pak B. D. (comp.). Lee Bomjin. (Ser. 'Russian Koreans'). Vanin Yu. V. (ed.). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2002. 205 p. (In Rus.)

- Pak B. B. Russo-Korean relations and Lee Bomjin on the eve of and during the Russo-Japanese War of 1904-1905. *Vestnik Tsentra koreiskogo yazy-ka i kul'tury*. Is. 13. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2011. Pp. 11–25. (In Rus.).
- Pavlov 2011 — *Pavlov D. B.* The Russian 'Shanghai Service' in Korea, 1904–1905. *Eurasian Review*. Vol. 4. November 2011. Pp. 42–50. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 28–40, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 34(091); 94(47).06; 94(517)

Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в.

Почекаев Роман Юлианович¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 (д. 17, ул. Промышленная, г. Санкт-Петербург 198099, Российская Федерация)
 кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории
 права и государства
 ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются сведения российских путешественников об особенностях правового развития Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. До сих пор эти источники использовались лишь для изучения политической и социально-экономической истории Джунгарии и российско-джунгарских отношений. Особенности же правового развития этого государства рассматривались исследователями преимущественно на основе сохранившихся до нашего времени немногочисленных ойратских правовых памятников и сведений китайских источников. Автор впервые предпринимает попытку историко-правового анализа сведений российских путешественников, которые лично наблюдали особенности развития различных сфер правоотношений в Джунгарском ханстве эпохи его расцвета и даже сами становились их участниками. *Методы и подходы.* На основе институционального и сравнительно-правового подходов исследованы записки российских дипломатов, разведчиков, торговцев, что позволило дать характеристику особенностей развития Джунгарии как «степной империи», правители которой объединяли под своей властью кочевые и оседлые народы ряда государств и регионов Центральной Азии. Превращение сравнительно небольшого кочевого государства в обширную империю с многоукладной экономикой и населением, разнообразным по языку, религии, культуре, сделало неактуальным прежнюю правовую систему ойратов, заставив их правителей обратиться к правовому регулированию новых сфер правоотношений. Исследованы, в частности, особенности правового статуса вассальных по отношению к джунгарским монархам правителей Ташкента, казахских жузов, Восточного Туркестана, правовые основы регулирования хозяйственной, торговой и иной договорной деятельности, система налогов, сборов и повинностей, преступления и наказания, организация суда и судебного процесса, некоторые особенности семейного и наследственного права. Записки российских путешественников, отражающие правовые реалии Джунгарского ханства первой половины XVIII в., позволяют существенно расширить имеющиеся представления об уровне правового развития этого государства. Автор приходит к *выводу* о постепенной модернизации системы правовых отношений в Джунгарском ханстве за счет активного взаимодействия с соседними странами и народами, использования их правового опыта (рецепции), которая, как и само существование Джунгарии, была насильственно прервана в результате завоевания империи Цин.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, российско-джунгарские отношения, «степные империи», записки путешественников, традиционное право, сюзеренитет и вассалитет, торговые отношения, налоговая система, преступления и наказания, суд и процесс, семейные и наследственные правоотношения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162).

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Российские путешественники о правовых отношениях в Джунгарском ханстве XVIII в. *Oriental Studies*. 2019;(1):28-40. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40

UDC 34(091); 94(47).06; 94(517)

Russian Travelers on Legal Relations in the 18th-Century Dzungar Khanate

*Roman Yu. Pochekaev*¹

¹ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation)

Cand. of Juridical Sc., Associate Professor, Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State

ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Abstract. The article analyzes notes of Russian travelers on legal development of the Dzungar Khanate in the early-to-mid 18th c. While South and Northeast Mongolia had been annexed to the Qing Empire, the Dzungar Khanate reached its golden age and began active policy of conquest subjugating the Kazakh Elder and Middle Hordes, Tashkent, Eastern Turkestan. Establishing a large state with nomadic and settled regions, the Dzungar Khanate became the last ‘Steppe Empire’ of Central Asia, and this was reflected in its legal policy. Scholars have analyzed different aspects of legal history of the Dzungar Khanate on the basis of surviving Oirat legal monuments, such as *Ikh Tsaz* (‘The Great Code’) and edicts of Galdan Khan, as well as data contained in Chinese chronicles. But valuable information on Dzungar law is to be found in notes of Russian diplomats, intelligence officers and merchants who visited the Khanate during the considered period, observed and even participated in legal relations. The article provides an analysis of legal status of vassal states of the Dzungar Khanate: obligations of vassal rulers, supreme jurisdiction of Dzungar khans over the latter, combination of Turko-Mongol and Islamic laws applied to regulate their relations. Economic development of the Dzungar Khanate forced its rulers to regulate different directions of national economic activities including agriculture and industry, status of ‘foreign specialists’ (mostly captives and fugitives from Russia). Trade activities were reflected in special legislation on status of Dzungar and foreign merchants, protection of their interests even in the court. The Dzungar system of taxation was well regulated and included taxes in kind (cattle, armor, clothes, etc.), trade duties, tributes to be submitted by vassal states (in money and textiles), obligations to participate in military campaigns of Khans, support foreign diplomats, etc. There was an advanced system of punishments for crimes in the Khanate, especially if a subject of vassal state offended an ethnic Oirat. At that punishments of noblemen were, as a rule, less severe: they might be sentenced to exile or expropriation. But property crimes of Oirats against foreigners usually were examined by court for a long time and without results. Some notices on the family and succession law show the high status of Khans’ wives and priority of sons from legitimate wives before ones from concubines. So, one can state that notes of Russian travelers contain most valuable information on legal situation in the Dzungar Khanate and substantially differ from the above-mentioned legal monuments and Chinese chronicles. The analysis allows to draw a conclusion on a high level of law and legal relations in the Dzungar Khanate during the early-to-mid 18th c., and its active development (one could also say, ‘modernization’) was forcibly interrupted by the Qing conquest of the Oirat state.

Keywords: Dzungar Khanate, Russian-Dzungar relations, ‘steppe empires’, travelers’ notes, traditional law, suzerainty and vassalage, trade relations, custom system, crimes and punishments, court and procedure, family and succession legal relations

Acknowledgements: Research was granted by the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00162).

For citation: Pochekaev R. Russian Travelers on Legal Relations in the 18th-Century Dzungar Khanate. *Oriental Studies*. 2019;(1):28-40. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-28-40

Введение. К концу XVII в. практически вся северо-восточная Монголия вошла в состав империи Цин, постепенно интегрируясь в маньчжурское политико-правовое пространство. Резкий контраст с северо-восточной и южной Монголией представляет западно-монгольское Джунгарское ханство. В течение XVII в. в политическом и правовом отношении оно являлось всего лишь одним из монгольских государств, отличаясь лишь большей степенью централизации власти [Почекаев 2018: 23]. Однако в первой половине XVIII в. Джунгарское ханство достигло апогея своего развития, не только сохранив независимость, но и проводя масштабную завоевательную политику и на равных противостоя империи Цин в Центральной Азии и Тибете [Courant 1912].

Попытки джунгарских хунтайджи создать «последнюю степную империю» нашли отражение и в правовых аспектах развития ойратского государства в упомянутый период. Большинство авторов, обращавшихся к различным аспектам правового развития Джунгарского ханства, опираются преимущественно на сохранившиеся ойратские правовые памятники — «Их Цааз» и указы Галдана Бошугту-хана [Гурлянд 1904: 50–91; Кадырбаев 2016; Кадырбаев 2017; Рязановский 1931: 33–70], либо на китайские источники, содержащие сведения о правовом регулировании отношений у ойратов [Чернышев 1990].

Однако ценнейшие сведения об особенностях правового развития Джунгарского ханства содержатся в записках российских путешественников. Эти источники неоднократно привлекались исследователями истории Джунгарии и русско-джунгарских отношений, однако, насколько нам известно, специально как источник по истории права Джунгарского ханства они до сих пор не исследовались. Между тем, их анализ позволяет сформировать принципиально иное представление о ситуации в монгольских государствах, чем складывающееся при опоре только на ойратские и китайские источники [Златкин 1983: 211].

В связи с расширением восточных владений Российской империи (укрепление позиций в Сибири и на Алтае, принятие в подданство казахских жузов) российские власти стали активно налаживать контакты с Джунгарским ханством [Магидович, Ма-

гидович 1984: 138–142]¹. При этом нельзя не отметить, что, несмотря на то, что ойратские правители претендовали на некоторые территории, юридически находившиеся под властью России, в течение первой половины XVIII в. они старались поддерживать с ней дружеские отношения. Джунгарию и подвластные ей центрально-азиатские регионы в 1710–1750-е гг. посетили послы И. Д. Чередов, И. С. Унковский, поручик К. Миллер, гонцы сержанты Подзоров и Филимонов, драгун М. Давыдов со спутниками, разведчики «под прикрытием» вахмистр С. Соболев и поручик Ф. Аблязов, казак М. Асанов, торговцы Т. Балтасев, симбирский житель Кокураев, тобольский дворянин Плотноков, тарский «разночинец» И. Ушаков и др. Побывавшие в Джунгарском ханстве с разными целями, они обратили внимание на различные сферы правоотношений — от организации системы управления до регулирования торговли и судебного процесса у ойратов. Некоторые сведения о правовой организации Джунгарского ханства нашли отражение и в записках путешественников более позднего времени — в частности, в трудах российского академика И. П. Фалька, побывавшего в Восточной Сибири, в том числе и на русско-монгольской границе в 1771–1772 гг.

«Степная империя» ойратов: политико-правовая характеристика. Есть все основания считать Джунгарию первой половины XVIII в. не просто централизованным монгольским ханством, а самой настоящей «степной империей» (по определению Р. Груссе [Grousset 2000: 532]), объединявшей под своей властью разнообразные народы и регионы далеко за пределами Монголии. Соответственно, сами ойратские хунтайджи и ханы выступали не только как «национальные» правители ойратов, но и сюзерены целого ряда вассальных государств.

В первой половине XVIII в. зависимость от джунгарских монархов-хунтайджи признавали правители Восточного Туркестана, среднеазиатских городов-государств Ташкента и Туркестана, казахские ханы и султаны Старшего и Среднего жузов. При-

¹ При этом начиная уже с эпохи Петра I уделялось значительное внимание не только дипломатическим контактам, но и научному изучению территорий, подконтрольных Джунгарии [Акишин 2012; Бейкер 1950: 234–237; Задваев 2006: 12–13].

знавали власть Галдан-Цэрена и некоторые сибирские народы, находившиеся в подданстве России и платившие ясак: как сообщает тарский казачий голова И. Д. Чередов, побывавший в Джунгарии в 1713–1714 и 1719 гг.,² эти «ясачные» платили также «алман» джунгарскому властителю [Кушнерик 2005: 210]. Сохранялась эта практика и десятилетия спустя: факты уплаты «алмана» «ясашными иноверцами» ойратским правителям отмечает драгун М. Давыдов, побывавший в Джунгарии в 1745 г. [РДО 2006: 127].

Лояльность вассальных правителей обеспечивалась традиционной гарантией — передачей в заложники сюзерену близких родственников. Так, подпоручик К. Миллер и его спутник А. Кушелев, в 1738–1739 гг. побывавшие в Ташкенте, вассальном Джунгарскому ханству, упоминают, что сын Жолыбарса, хана казахского Большого жуза, находится в аманатах у «калмык-контаншинцов». Согласно сообщению башкира Т. Балтасева, хан Абу-л-Мамбет и султан Борак в 1743 г. также послали к Галдан-Цэрена своих сыновей, получив от него как вассалы по кафтану из золотой парчи и по собольей шапке [Миллер 2007а: 54; Миллер 2007б: 102, 106, 118; Потанин 2006: 380; РДО 2006: 95–96].

Хунтайджи выступали не только как номинальные сюзерены перечисленных народов и государств: они видели свою задачу в поддержании порядка в них, улаживании споров и разногласий вассальных правителей. М. Асанов, сопровождавший в начале 1745-х гг. казахского хана Абу-л-Мамбета в его поездке в Туркестан, сообщает, что тот вступил в спор по поводу власти в Среднем жузе со своим родственником Сеит-ханом, и оба решили передать его на рассмотрение джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена, причем торжественно оформили это решение в присутствии его наместника — «калмыцкого управителя» [Вяткин 1940: 49–50].³

² С его именем связывается установление отношений России с Джунгарским ханством в целом [Златкин 1983: 226; Слесарчук 2013: 210].

³ Роль джунгарских хунтайджи как верховных арбитров в отношении вассальных правителей являлась логическим продолжением его аналогичной роли в отношении собственных подданных — например, сержант Степан Томский, побывавший в Джунгарии в качестве переводчика в 1752 г., упоминал о разборе «зен-

Особенности правового положения вассальных мусульманских государств под властью Джунгарского ханства нашли отражение и в специфике правового регулирования, в котором сочетались элементы мусульманского и тюрко-монгольского права в гораздо большей степени, чем в государствах Средней Азии, где шариат (по крайней мере, формально) считался доминирующей правовой системой. Так, драгун М. Давыдов, побывавший в 1745 г. в Джунгарии и Восточном Туркестане, приводит слова «зенгорского бухаретина», т. е. жителя Восточного Туркестана по имени Турда о том, что «вера у нас с абдыкарымами [жителями Ферганы. — Р. П.] равно, но токмо закон не равен» (впрочем, не забыв при этом заявить о религии самих ойратов, что «поганая де у них вера, что сырое мясо едят») [РДО 2006: 128–129].

Государственное регулирование хозяйственной деятельности. Правители Джунгарии прекрасно понимали, что обширное государство, претендующее на гегемонию над всей Центральной Азией, не может целиком зависеть от своих соседей — оседлых государств. Поэтому неудивительно, что многие русские путешественники сообщают о том, что они всячески старались развивать собственное земледелие и даже производство [Златкин 1983: 218; Чернышев 1990: 69–71].

В стационарной ставке («урге») Галдан-Цэрена, по сообщению И. П. Фалька, был «огромный и прекрасный сад с плодородными деревьями и другими растениями». Неудивительно, что после покорения Джунгарии маньчжуры сумели быстро заселить ее китайцами-земледельцами и, как уже отмечалось выше, привлечь к земледелию и самих ойратов [Фальк 1825: 48–49].

Пытался Галдан-Цэрэн поставить на регулярную основу и добычу соли, видя в ней эффективный источник доходов (как за счет торговли, так и за счет налогов). Однако когда в горах, где его работники занимались соледобычей, случилось несколько обвалов, и погибли люди, он официально запретил эту деятельность [Фальк 1825: 34].

Не имея значительного опыта в промышленной сфере, ойраты активно привлекали для организации различных производственных горским владельцем» (т. е. хунтайджи) спора между небезызвестным Амурсаной и его старшим братом нойоном Чандуром по поводу улуса и подданных [Султаны 2018: 11].

ных предприятий иностранцев. И. Д. Чередов упоминает, что встретил в Джунгарии «тоболского бронника» Т. Зеленовского, которого хотел даже схватить и забрать в Россию, но его ойратские сопровождающие резко воспротивились этому, пригрозив гневом хунтайджи, ибо ремесленник «идет в контайшину землю своею волею» [Памятники 1882: 524–525].

Практика привлечения «иностранных специалистов» продолжалась в Джунгарском ханстве и в дальнейшем. Достаточно вспомнить шведского сержанта И. Г. Рената, прожившего в Джунгарии с 1716 по 1733 гг.: попав туда в качестве пленника (во время нападения ойратов на экспедицию И. Д. Бухгольца), он наладил в ханстве производство артиллерии и вскоре сам был назначен ее начальником [Унковский 1887: 233–234]⁴.

Купцы А. Верхотуров и С. Колмогоров в начале 1740-х гг., Ф. Аблязов и И. Ушаков под 1745 г. и сержант Филимонов под 1751 г., упоминают, что русский беглец И. Михайлов, подобно шведскому сержанту, организовал в ханской ставке «завод медной» для литья пушек. Еще один «колыванских заводов беглой Е. Вязмин, он же Билдяга» (в других источниках — Вяземский), сначала устроил в Яркенде «завод серебряной», который, однако, был «з довольным убытком оставлен и брошен», и энергичный беглец вместо него основал «завод кожевенной и делает кожи красные» [Каменецкий 2013: 26–27; Потанин 2006: 345–346, 381, 384–385; РДО 2006: 158–159].

Отметим, что все упомянутые русские, в отличие от Рената, оказывались на службе у ойратских правителей по своей воле и, соответственно, обладали не просто свободным, но и привилегированным положением, что, конечно же, повышало их заинтересованность в своей деятельности. Естественно, регулирование статуса «иностранных специалистов» не нашло отражения в традиционном праве ойратов, и монархам Джунгарского ханства приходилось самим решать подобные вопросы своими текущими распоряжениями.

Регулирование торговли и договорных отношений. Ойратские правители всяче-

ски стимулировали развитие торговли. Так, И. С. Унковский, рассказывая о многочисленных контактах с различными торговцами в ставке Цэван-Рабдана, несколько раз упоминает «контайшинных купчин» из числа как ойратов, так и жителей Восточного Туркестана [Унковский 1887: 72–73]. Можно предположить, что речь идет о торговцах, в дело которых вкладывали деньги правители — такая практика имела место еще в эпоху Монгольской империи и в последующих тюрко-монгольских государствах [Почкаев 2009: 189–190].

Купцы А. Верхотуров и И. Ушаков отмечают, что «в зенгорской земле» проживало «своими домами» 33 русских торговца, которые активно вели здесь свои дела и не планировали возвращаться в Россию [Каменецкий 2013: 25; Потанин 2006: 345–346].

Впрочем, торговля в Джунгарском ханстве носила преимущественно меновой характер, и ей занимались представители всех сословий. В рапорте вахмистра С. Соболева, побывавшего в Джунгарии в 1745 г. под видом купца, первый же ойратский нойон, встретивший его в качестве «командующего караула» на территории ханства, предложил ему «товарами с ним меняться» [Потанин 2006: 365]. И. С. Унковский упоминает, что даже в ставке джунгарского хунтайджи ойраты выменивали русские товары на «лошадей, баранов и овчинки» [Унковский 1887: 23].

Вятский купец Ш. Арасланов, побывавший в Ташкенте в 1741–1742 гг., также сообщает, что ойраты покупали в Ташкенте фрукты и ягоды, меха и хлопчатобумажные ткани, у русских — красные кожи и т. п., предлагая взамен баранов, быков, коров и лошадей [Арасланов 2007: 95].⁵

Наряду с торговлей у ойратов применялся также договор найма или аренды. И. С. Унковский сообщает, что к нему «приводили продавать и в наем верблюдов и лошадей» [Унковский 1887: 79].

Договор займа, по-видимому, был одним из наиболее распространенных и вместе с тем проблематичных на предмет исполнения: русские дипломаты и торговцы не раз упоминают о необходимости при-

⁴ И. Г. Ренату посвящена обширная библиография, при этом наибольшее внимание исследователи уделяют составленным им картам Джунгарии [Бородаев, Контев 2010; Волобуев 2018; Макшеев 1881; Моисеев 1977].

⁵ Важность торговли скотом для джунгарских властителей подтверждает факт неоднократного обсуждения на переговорах возможности продавать ойратский скот непосредственно в сибирских владениях России [Потанин 1868: 41].

езжать во владения джунгарских хунтайджей для взыскания долгов (в частности, И. С. Унковский в 1722–1723 гг., Кокураев в 1738–1745 гг. и дворянин А. Плотников в 1752 г.). В ряде случаев самому хунтайджи приходилось брать вопрос под свой личный контроль, чтобы его подданные полностью расплатились с русскими кредиторами, а в его отсутствие этим занимались специально уполномоченные им зайсаны [РДО 2006: 165–168; Унковский 1887: 106, 125; Чимитдоржиев, Чимитдоржиева 2012: 116]. Это дает основание считать, что долговые обязательства и гарантии их исполнения не были четко урегулированы, что и объясняло необходимость вмешательства монарха и дачи им императивных указаний в рамках, в общем-то, частноправовых отношений.

Налоги, сборы и повинности. Система налогов в Джунгарском ханстве была достаточно четко регламентированной, включая налоги в пользу как ханской казны, так и местных феодалов. Как писал И. С. Унковский, в пользу хунтайджи регулярно следовало отдавать «добрых» лошадей и скот для войск [Унковский 1887: 149].

Согласно сержанту Подзорову, ойраты в 1740-е гг. в качестве налога отдавали своим феодалам десятую часть скота [Златкин 1957: 85]. По такой же ставке взималась и торговая пошлина: И. Д. Чередов писал, что за приобретенные им в Джунгарии товары он был вынужден заплатить «десятую пошлину» в пользу хунтайджи [Памятники 1882: 524].

Развитие производства влекло появление новых повинностей. И. С. Унковский сообщает, что на обратном пути одна ойратка жаловалась его жене, что каждый год требуют отправить в ханскую ставку 300 женщин, чтобы шить подроспешные одеяния («к латам каюки и платье») [Унковский 1887: 148].

Налоги и повинности в Джунгарском ханстве распространялись не только на ойратов, но и на население вассальных государств. Так, согласно майору Угримову, побывавшему в Джунгарии в 1732 г., города Восточного Туркестана должны были платить ойратам дань золотом (700 лан в год) и тканями («хамы», «басмы» и «зендени»). Однако все больший рост налогов привел к обеднению и сокращению населения, так что некоторые города (в частности, Куча) платили лишь небольшую дань медью [Унковский 1887: 234–235; Чернышев 1990: 68].

Вахмистр кн. Ураков сообщает, что в 1744 г. казахи Старшего жуза платили хунтайджи Галдан-Цэрену «пороху ручного и свинцу», а также «был побор пансырями». Последний вид сбора был, по-видимому, чрезвычайным, поскольку впоследствии один из казахских предводителей обратился к хунтайджи, говоря, что «такой налог ни у дедов, ни у отцов не бывало». [Вяткин 1940: 50–51].

Как и в Монголии в рассматриваемый период, в Джунгарском ханстве не было развитой системы почтовых станций, поэтому русских дипломатов снабжали охраной, верховыми вьючными животными, а также припасами те ойратские феодалы, через владения которых они проезжали, а контролировали количество предоставляемого чиновники хунтайджи [Унковский 1887: 148].

Согласно И. С. Унковскому, ойратским феодалам также приходилось брать «на корм» лошадей русского посольства, которых они затем должны были возвращать сытыми и отдохнувшими [Унковский 1887: 24, 33, 89, 139]. По-видимому, это также являлось одной из повинностей местного населения.

Послы также постоянно отмечают, что в ханской ставке их снабжали продовольствием хорошо [Памятники 1882: 524; РДО 2006: 155, 156; Унковский 1887: 73, 96, 108] — в отличие от их предшественников XVII в., которым нередко приходилось голодать по вине «принимающей стороны». Впрочем, право на получение довольствия имели только дипломаты: русские торговцы были вынуждены сами приобретать продовольствие — причем, как отмечал тобольский дворянин А. Плотников, побывавший у ойратов с торговой миссией в 1752 г., «весьма дорогою ценою» [РДО 2006: 168].

Примечательно, что дипломатических представителей других держав в Джунгарии принимали с подчеркнутым пренебрежением. И. С. Унковский упоминает, что послов империи Цин, монголов и хошоутов (т. е. ойратских правителей Тибета и Кукунора [Златкин 1983: 222–223]) держали «под караулом» и снабжали продовольствием гораздо меньше, чем русских [Унковский 1887: 100].

Аналогичным образом, К. Миллер сообщает, что приехавших с ним казахских послов держали отдельно от русских, плохо кормили, задерживали их прием и т. д. [Миллер 2007б: 113]; по-видимому, ойрат-

ский хунтайджи тем самым выражал свое недовольство направившим их казахским правителям, которые пытались одновременно находиться в подданстве и России, и Джунгарии.

Основной повинностью была воинская, причем количество подлежащих призыву на службу зависело от политической ситуации. Согласно сообщению Т. Балтасова, Галдан-Цэрен требовал от своих вассалов в Ташкенте и казахском Старшем жузе выставить ему для ведения войны 10 тыс. воинов (правда, они сумели собрать только 3 тыс.) [Вяткин 1940: 51].

Сержант Подзоров сообщал, что, проезжая по Джунгарии в 1743 г., вообще не видел мужчин — только женщин и детей [Златкин 1983: 84–85]. Однако во время смуты, последовавшей после смерти могущественного хунтайджи Галдан-Цэрена в 1745 г. вассальные правители перестали выполнять эту повинность: согласно Ф. Аблязову, когда ойраты готовились к войне с «абдалкаримцами», т. е. ферганскими правителями, «как от киргиз-кайсаков, так и каракалпаков (по всем известиям) людей ни сколько не было» [Потанин 2006: 380].

Отметим также, что к середине XVIII в. традиционный тюрко-монгольский сбор, представлявший собой передачу части военной добычи в пользу правителя, в Джунгарском ханстве постепенно начал сходить на нет. Так тобольский дворянин А. Плотников под 1753 г. сообщает, что после набега на казахов хунтайджи были вручены всего лишь «два панцыря, три турки, и киргиских два мальчика и две девки маленьких» [РДО 2006: 176–177]. Сам путешественник объясняет скудную долю хунтайджи не слишком удачными результатами набега. На наш взгляд, также следует принять во внимание, что правивший в то время хунтайджи Лама-Дорджи, пришедший к власти в результате переворота, не пользовался широкой поддержкой знати и не мог в полной мере ее контролировать: не случайно тот же А. Плотников упоминает, что во время этого набега действовали «каждый ноен и зайсанг особою командою».

Преступления и наказания, суд и процесс. В отличие от монгольских правителей под властью империи Цин, ойратские ханы старались обеспечивать законность и правопорядок в своих владениях. Это нашло отражение в развитой системе наказаний за уголовные преступления и организации судебного процесса.

При этом нельзя не обратить внимания, что влиятельные представители ойратской знати, как правило, не подлежали чрезмерно суровым наказаниям даже за опасные государственные преступления. И. С. Унковский сообщает, что к хунтайджи Цэван-Рабдану прибыл царевич Санжип, сын калмыцкого хана Аюки, рассорившийся с отцом, который вскоре решил организовать заговор против самого хунтайджи, причем, по некоторым сведениям, даже заручился поддержкой Далай-ламы; ойратский монарх ограничился тем, что конфисковал у Санжипа его людей, а самого его вместе с супругой выслал обратно к Аюке [Унковский 1887: 21–22].⁶ Точно так же, когда до хунтайджи дошли сведения, что его сын и двоюродный брат намерены напасть на русское посольство и ограбить его, чтобы показать, что они не «в холопстве» у России, Цэван-Рабдан пригрозил сыну казнью, а брату — лишь конфискацией его людей [Унковский 1887: 119].

Сержант Филимонов, побывавший в Джунгарии в 1751 г., сообщает, что свергнутый правитель «Цебек-Доржи-Намжи» был лишь сослан в Аксу,⁷ а один из нойонов за поддержание контактов с ним недолгое время провел в заключении, после чего был выслан на границу с Китаем для несения службы [РДО 2006: 155, 157]. Несомненно, простолюдины несли более тяжкие наказания даже за менее значительные преступления.

Сурово наказывались иностранные подданные джунгарских монархов за посягательство на самих ойратов. К. Миллер приводит два примера жестокого наказания казахов джунгарскими чиновниками за преступления против их сородичей. Так, один казах в ставке хунтайджи вступил в драку с местными жителями, одного убил, а другого тяжело ранил камнем, за что его было велено схватить и предать мучительной казни, но поскольку он сам умер от ран, то последовал приказ разрезать его тело на мелкие кусочки и сжечь. В другом случае ойратские чиновники жестоко избили плетью казаха, который вез пленную ойратку в Джунгарию, чтобы обменять ее на свою дочь, попавшую в плен к ойратам: наказа-

⁶ Этому сюжету посвящено специальное исследование [Тепкеев 2016].

⁷ А. Верхотуров, впрочем, уточняет, что в ссылке свергнутый монарх был ослеплен [Каменецкий 2013: 27].

ние последовало за то, что он свою пленницу «на публичное посрамление отдавал как своим киргизцам, так и другим калмыцким пленникам» [Миллер 2007б: 108, 120].

Этот пример тем более показателен, что рабство в Джунгарском ханстве было широко распространено и считалось обычной практикой, и торговля рабами происходила даже при ханской ставке. Впрочем, как отмечают русские послы, хунтайджи, стремясь продемонстрировать свою дружбу с Россией, приказывал освобождать русских пленников и отпускать их на родину, предоставляя им даже коней для путешествия [Памятники 1882: 525; Унковский 1887: 142–145].

Когда же имела место обратная ситуация, и ойрат посягал на иностранца, наказание было гораздо менее суровым. Как сообщает И. С. Унковский, один местный житель «обиду учинил» подъячему Козлову и еще одному посольскому, и его повели на суд к зайсану. Судья приказал выпороть виновного, но русские за него вступились, попросив лишь сделать ему внушение; тогда зайсан приказал сорвать с преступника кафтан и отдать потерпевшим, но они и от этого отказались, поблагодарив зайсана, что «право судил». Дипломат пишет, что так им было велено себя вести [Унковский 1887: 107] — вероятно, исходя из знания русскими принципов привлечения ойратов к ответственности за преступления против иностранцев. Точно такая же ситуация имела место в 1751 г., когда русский гонец сержант Филимонов в ханской ставке подвергся нападению местного «калмыка», ударившего его плеткой: русский посланец пожаловался властям, но обидчик был лишь «с некоторым нареканием выслан» [РДО 2006: 155].

Усиление власти ойратских хунтайджи отразилось и в предпринимаемых ими мерах по охране порядка в своих владениях. Так, если И. С. Унковский отмечает, что во время пребывания у Цэван-Рабдана на начале 1720-х гг. ему настоятельно не советовали отдаляться без охраны от ставки правителя, чтобы не стать жертвой разбойников [Унковский 1887: 39, 54], то следующий монарх Галдан-Цэрен старался обеспечивать безопасность не только в собственных владениях, но и в вассальных государствах. Так, поручик К. Миллер сообщает, что когда его караван прибыл в

Ташкент, местные казахи хотели его ограбить, но отказались от своего намерения, когда узнали, что Россия пребывает во «всегдашнем согласии» с Джунгарским ханством и не осмелились нарушить запреты своего сюзерена Галдан-Цэрена. Тогда же до российского посланца дошли вести о разграблении казахами другого торгового каравана, узнав о чем представитель хунтайджи, также находившийся тогда в Ташкенте, тут же предложил К. Миллеру подать по этому поводу жалобу ойратскому монарху [Миллер 2007а: 34, 36]. Впрочем, подобные жалобы далеко не всегда имели последствия. Так, А. Верхотуров сообщал, что когда посланный им в Кашгар с караваном переводчик Ф. Деятелиевский был по пути ограблен и даже ранен, а грабители схвачены и доставлены в ханскую ставку, суд-зарго рассматривал дело долго, но безрезультатно [Каменецкий 2013: 26], — что, как мы убедились выше, было вообще характерно для ойратского суда с участием иностранцев.

Весьма ценным (возможно, даже уникальным) свидетельством является описание И. С. Унковским судебного процесса в ханской ставке с участием одного из представителей русского посольства. Местный житель пришел продавать лошадь, в которой один из русских солдат опознал собственность посольства, указав на «казенное пятно», в результате чего ханский чиновник объявил, что дело будут разбирать десять судей в главном зайсанском суде, «но судей тогда не было». Спор возник 29 мая, участников впервые вызвали в суд 1 июня, но тут же «сказали, что зайсанам не время». Лишь на следующий день солдат с толмачом получили возможность изложить свой иск. Истец был посажен прямо перед судьями, ответчик — слева. Спрашивали сначала солдата, интересовались, как он опознал лошадь, потом «освидетельствовали» названные им приметы. Затем был допрошен ответчик, показавший, что лошадь родилась у него в стойбище, что могут подтвердить «в его аймаке многие люди». Зайсаны объявили, что направят в стойбище своих представителей, чтобы установить, есть ли там в стаде такие же лошади, «объявляя, что лошадь в лошадь будет». «И тако, — повествует далее И. С. Унковский, — до самого отъезда проволочили». В итоге лошадь вернули посольству, но «измученную и к

походу негодную». Когда дипломаты выказали недовольство, им вместо нее «другую, плохую дали, и правого суда не учинили» [Унковский 1887: 94–95]. Как можно увидеть, в суде соблюдалась достаточно четкая процедура и даже проводилось нечто вроде «экспертизы».

Семейные и наследственные правоотношения. О семейно-правовых отношениях в Джунгарском ханстве в записках русских путешественников упоминается весьма скудно и то — относительно монаршего семейства и высшей знати. Традиционно для монгольских государств знатные женщины обладали значительной правоспособностью, участвуя и в политических делах. И. С. Унковский упоминает, что во время официального приема российского посольства рядом с хунтайджи Цэван-Рабданом сидели его старшая жена и внучка, а «подали на земле, десять девок или женщин» [Унковский 1887: 56].

К. Миллер также сообщает, что когда его принимал Манджи-зайсан, представитель хунтайджи, в шатре также находилась и его супруга [Миллер 2007б: 119]. Отметим, что такое отношение к женщинам сохранялось, несмотря на то, что последние джунгарские хунтайджи окружили себя не только ойратами-буддистами, но и тюрками-мусульманами из Восточного Туркестана. Впрочем, отношение к женам у некоторых ойратских правителей было довольно деспотичным, и они находились в полной воле своих супругов. Так, согласно купцу А. Верхотурову, когда хунтайджи Лама-Доржи решил отправить в ссылку свою сестру, за нее попытались заступиться две его жены, и он «на жен своих разгневался», отдав одну из них своему вассальному правителю, а другую — и вообще собственному «чашнику» [Каменецкий 2013: 27].

В наследственном праве в Джунгарском ханстве, как и в чингизидских государствах, предпочтение отдавалось детям от законных жен, а не наложниц. Так «купеческий работник» И. К. Резвых в декабре 1745 г. сообщал о смерти хунтайджи Галдан-Цэрена и о том, что он завещал власть не старшему 25-летнему сыну от наложницы, а младшему, 13-летнему — от законной жены [РДО 2006: 123].

Заключение. Анализ сведений российских путешественников об особенностях правового развития Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. позволяет сделать следующие выводы.

1. Ойратское государство в рассматриваемый период делало ставку на территориальную экспансию, подчинение себе соседних народов и регионов (причем не только монгольских и буддийских, но и тюркских и мусульманских) и на внутреннее экономическое развитие. Эта тенденция нашла отражение и в системе правоотношений — формировании централизованной и четко организованной системы управления (внутри Джунгарии и в вассальных государствах), активном участии государства в правовом регулировании внутренней жизни ойратского общества — вплоть до вмешательства в частноправовые (торговые и производственные) отношения, по сути, выходя на новый уровень правового развития. Фактически Джунгария, правители которой налаживали дипломатические отношения со многими соседними государствами, развивали оседлое хозяйство и даже зачатки промышленности (с привлечением «иностранцев специалистов») переживала процесс правовой модернизации, который был насильственно прерван в результате внутренней смуты середины XVIII в. и последующим завоеванием ойратского государства империей Цин.

2. Сведения российских путешественников, лично побывавших в Джунгарии в период ее расцвета и имевших возможность наблюдать регулирование различных сфер правоотношений в этом государстве, а нередко и участвовать в них, являются важнейшим первоисточником, отражающим реально складывавшиеся правовые отношения, направления законодательной деятельности монархов, проблемы правоприменения в некоторых сферах, особенности правового положения вассальных народов и иностранцев. Их информация является ценным дополнением к дошедшим до нас ойратским, монгольским и китайским источникам, на которые прежде опирались исследователи истории Джунгарского ханства при рассмотрении тех или иных аспектов его правового развития.

Литература и источники

- Акишин 2012 — *Акишин М. О.* Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // *Paleobureaustatica*: сб. ст. к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М.: Древлехранилище, 2012. С. 6–28.
- Арсланов 2007 — «Сказка» вятского купца татарина Шубая Арасланова о его поездке с торговым караваном в 1741–1742 гг. в Ташкент // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века.* Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 86–100.
- Бейкер 1950 — *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований / пред. И. П. Магидовича. М.: ИИЛ, 1950. 648 с.
- Бородаев, Контев 2010 — *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Шведский артиллерист И. Г. Ренат и его ойратские карты // *Түүхийн товчоон. Т. V. Улаанбаатар*, 2010. X. 386–403.
- Волобуев 2018 — *Волобуев В. И.* Карта Джунгарского государства в 1738 г. И. Г. Рената как историко-географический источник / науч. ред. Д. Д. Васильев; отв. ред. В. В. Досовицкая. М.: Пробел-2000, 2018 г. 224 с.
- Вяткин 1940 — *Вяткин М. П.* «Сказки» XVIII в. как источник для истории Казахстана // *Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР*, 1940. С. 45–60.
- Гурлянд 1904 — *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типолиграфия Императорского ун-та, 1904. 112 с.
- Задваев 2006 — *Задваев Б. С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв. автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 35 с.
- Златкин 1957 — *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: ИВЛ, 1957. 300 с.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758) / 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Кадырбаев 2016 — *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica–XVII*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 30–34.
- Кадырбаев 2017 — *Кадырбаев А. Ш.* Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. № 5. С. 2–10.
- Каменецкий 2013 — *Каменецкий И. П.* Секретная миссия купца А. Верхотурова: к вопросу об организации русской разведки в Джунгарии в середине XVIII в. // *Гуманитарные науки в Сибири. № 2*. 2013. С. 24–28.
- Кушнерик 2005 — *Кушнерик Р. А.* Дипломатические миссии И. Д. Чередова в Джунгарию во втором десятилетии XVIII в. и их результаты // *Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: «Аз Бука»*, 2005. С. 210–213.
- Магидович, Магидович 1984 — *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III. географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII в.) / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 320 с.
- Макшеев 1881 — *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1881. 39 с.
- Миллер 2007а — Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. – 5 июня 1739 г.) // *История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века.* Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 32–55.
- Миллер 2007б — Журнал поездки майора пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера к джунгарскому хану Галдан-Цэрену (3 сентября 1742 г. – 2 мая 1743 г.) // *История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века.* Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 101–135.
- Моисеев 1977 — *Моисеев В. А.* В джунгарском плену // *Вопросы истории*. 1977. № 6. С. 209–212.
- Памятники 1882 — *Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. I: 1700–1713.* СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1882. XXXII + 551 с. + XXXIV стб.
- Потанин 1868 — *Потанин Г.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М.: Университетск. тип., 1868. 93 с.
- Потанин 2006 — *Потанин Г. Н.* Наши сношения с джунгарскими владельцами // *История Казахстана в русских источниках. Т. VII.*

- Г. Н. Потанин. Исследования и материалы. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 342–410.
- Почекаев 2009 — Почекаев Р. Ю. Торговцы и государство в тюрко-монгольских ханствах XIII–XVII вв. // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 186–197.
- Почекаев 2018 — Почекаев Р. Ю. Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве // *Mongolica–XX*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. С. 21–29.
- РДО 2006 — Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.
- Рязановский 1931 — Рязановский В. А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306 + 42 с.
- Слесарчук 2013 — Слесарчук Г. И. Из истории русско-джунгарских отношений в начале XVIII в. // Слесарчук Г. И. Статьи разных лет. Улан-Батор: [б. и.], 2013. С. 209–212.
- Султаны 2018 — Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.). Сб. документов / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Тепкеев 2016 — Тепкеев В. Т. Откочевка Санджаба в Джунгарию: причины, ход и последствия // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 96–112.
- Унковский 1887 — Посольство к зюнгарскому хун-тайчи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / изд., пред. и прим. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. XLVI + 276 с.
- Фальк 1825 — Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. Т. VII. Дополнительные статьи по запискам путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1825. 223 с.
- Чернышев 1990 — Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990. 138 с.
- Чимитдоржиев, Чимитдоржиева 2012 — Чимитдоржиев Ш. Б., Чимитдоржиева Л. Ш. Материалы Омского архива по русско-джунгарским отношениям в XVIII в. // Российское монголоведение. Бюллетень VI. М.: ИВ РАН, 2012. С. 109–127.
- Courant 1912 — Courant M. *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912. 151 p. (In French)
- Grousset 2000 — Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2000. XXX + 687 p. (In Eng.)

References and Sources

- A 'Tale' of the Vyatka merchant Tatar Shubay Arslanov about his trip with a trade caravan to Tashkent in 1741–1742. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnyim stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 86–100. (In Rus.)
- Akishin M. O. The Dzungar Khanate in foreign policies of Peter the Great. *Paleobureaucratica*. Coll. works. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012. Pp. 6–28. (In Rus.)
- Baker J. N. L. *Istoriya geograficheskikh otkrytiy i issledovaniy* [A history of geographical discovery and exploration]. I. P. Magidovich (foreword). Moscow: Inoizdat, 1950. 648 p. (In Rus.)
- Borodaev V. B., Kontev A. V. The Swedish artilleryman I. G. Renat and his Oirat maps. *Tüükhiyn товчоон*. Vol. V. Ulaanbaatar, 2010. Pp. 386–403. (In Rus.)
- Chernyshyov A. I. *Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie oyratov v XVIII v.* [Social and state development of the Oirats in the 18th c.]. Moscow: Nauka, 1990. 138 p. (In Rus.)
- Chimitorzhiev Sh. B., Chimitorzhieva L. Sh. Materials of the Omsk Archive on Russian-Dzungar relations in the 18th c. *Rossiyskoe mongolovedenie*. Bulletin VI. Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2012. Pp. 109–127. (In Rus.)
- Courant 1912 — Courant M. *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?* Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912. 151 p. (In French)
- Grousset 2000 — Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 2000. XXX + 687 p. (In Eng.)
- Gurlyand Ya. I. *Stepnoe zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po XVII stoletie* [Steppe legislation since the ancient times to the 17th century]. Kazan: Kazan Imper. Univ., 1904. 112 p. (In Rus.)
- Kadyrbaev A. Sh. The Monuments of steppe law 'Zhety-Zhargy', 'Ikh Tsaz', 'Tsadzhin Bichik' and cultural relations of Oirats, Kalmyks with Kazakhs during the Qing era. *Mongolica–XVII*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016. Pp. 30–34. (In Rus.)

- Kadyrbaev A. Sh. Legislative and cultural relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th – 18th centuries. *Bulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2017. Vol. 33. No. 5. Pp. 2–10. (In Rus.)
- Kamenetsky I. P. A Secret mission of merchant A. Verkhoturov: revisiting the organization of Russian intelligence in Dzungaria in the mid-18th c.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013. No. 2. Pp. 24–28. (In Rus.)
- Kushnerik R. A. Diplomatic missions of I. D. Cheredov to Dzungaria in the 1720s and their outcomes. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Pyatye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina*. Barnaul, 2005. Pp. 210–213. (In Rus.)
- Magidovich I. P., Magidovich V. I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. T. III. geograficheskie otkrytiya i issledovaniya novogo vremeni (seredina XVII–XVIII v.)* [Essays on the history of geographic discoveries]. Vol. 3. Geographic discoveries and investigations: modern era (mid-17th to 18th c.c.). 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 320 p. (In Rus.)
- Maksheev A. *Karta Dzhungarii, sostavlenaya shvedom Renatom vo vremya ego plena u kalmykov s 1716 po 1733 god* [A map of Dzungaria comp. by the Swede Renat in captivity to the Kalmyks]. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sc., 1881. 39 p. (In Rus.)
- A journey of lieutenant Karl Miller (Penza Infantry Regiment) and sub-lieutenant Aleksei Kushelev (land surveyor) within a trade caravan from Orenburg to Tashkent (29 August 1738 – 5 June 1739): materials. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VI. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po yuzhnyim stepyam. XVIII–XIX veka*. Almaty: Dayk-Press, 2007. Pp. 32–55. (In Rus.)
- A trip of major Karl Miller (Penza Infantry Regiment) to the Dzungar Khan GaldanTseren (3 September 1742 – 2 May 1743): travel notes. *Ibid.* Pp. 101–135. (In Rus.)
- Moiseev V. A. In captivity to the Dzungars. *Voprosy istorii*. 1977. No. 6. Pp. 209–212. (In Rus.)
- Moiseev V. A., Nozdrina I. A., Kushnerik R. A. (comps.). *Russko-dzhungarskie otnosheniya (konets XVII – 60-e gg. XVIII vv.). Dokumenty i izvlecheniya* [Russian-Junghar relations (late 17th c. – 1760s): documents and excerpts]. Barnaul: Azbuka, 2006. 360 p. (In Rus.)
- Pamyatniki sibirskoy istorii XVIII veka* [Monuments of Siberian history of the 18th century]. Vol. I: 1700–1713. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1882. XXXII + 551 p. + XXXIV col. (In Rus.)
- Pochekaev R. Yu. Merchants and the state in Turko-Mongol khanates: 13th–17th cc.. *Nauchniy Tatarstan*. 2009. No 2. Pp. 186–197. (In Rus.)
- Pochekaev R. Yu. Reports of 17th-century Russian diplomats about the Mongol law. *Mongolica–XX*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2018. Pp. 21–29. (In Rus.)
- Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoy Akademii nauk* [A complete collection of scientific journeys across Russia published by the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 7. Travel notes by Academician Falk: additional articles. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sc., 1825. 223 p. (In Rus.)
- Posol'stvo k zhyungarskomu khun-taychzhi Tsevan Rabtanu kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoy zhurnal ego za 1722–1724 gody* [Artillery captain Ivan Unkovsky's embassy to the Dzungar Khong Tayiji Tsevan Rabdan and his travel journal as of 1722–1724]. N. I. Veselovsky (ed., etc.). St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1887. XLVI + 276 p. (In Rus.)
- Potantin G. *O karavannoy torgovle s Dzhungarskoy Bukhariy v XVIII stoletii* [On caravan trade with Dzungar Bukharia in the 18th century]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1868. 93 p. (In Rus.)
- Potantin G. N. Our contacts with Dzungar rulers. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. VII. G. N. Potantin. Issledovaniya i materialy*. Almaty: Dayk-Press, 2006. Pp. 342–410. (In Rus.)
- Ryazanovsky V. A. *Mongol'skoe pravo, preimushchestvenno obychnoe* [Mongol law, mostly customary one]. Harbin: N. E. Chinarev, 1931. 306 + 42 p. (In Rus.)
- Sirik V. A. (comp.). *Sultany i batyry Srednego zhuza (vtoraya polovina XVIII v.). Sbornik dokumentov* [Sultans and batyrs of the Middle Horde (mid-to-late 18th c.). Almaty: Litera-M, 2018. 560 p. (In Rus.)
- Slesarchuk G. I. Glimpses the history of Russian-Dzungar relations: early 18th c.. *Stat'i raznykh let*. Ulaanbaatar, 2013. Pp. 209–212. (In Rus.)
- Tepkeev V. T. Sandzhab's departure to Dzungaria: reasons, course and consequences. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 96–112. (In Rus.)
- Volobuev V. I. *Karta Dzhungarskogo gosudarstva v 1738 g. I. G. Renata kak istoriko-geograficheskiy istochnik* [A 1738 map of the Dzungar state comp. by I. G. Renat as a historical and geographical source]. D. D. Vasiliev, V. V. Dosovitskaya (eds.). Moscow: Probel-2000, 2018. 224 p. (In Rus.)

- Vyatkin M. P. «*Skazki*» XVIII v. kak istochnik dlya istorii Kazakhstana [18th-century 'Tales' as a source on the history of Kazakhstan]. *Problemy istochnikovedeniya*. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1940. Pp. 45–60. (In Rus.)
- Zadvaev B. S. *Zapadnaya Mongoliya v trudakh rossiyskikh issledovateley i puteshestvennikov XVIII – nachala XX vv.* [Western Mongolia in works of Russian explorers and travelers: 18th to early 20th cc.] A PhD thesis abs. St. Petersburg, 2006. 35 p. (In Rus.)
- Zlatkin I. Ya. *Ocherki novoy i noveyshey istorii Mongolii* [Essays on modern and contemporary history of Mongolia]. Moscow: Vost. Lit., 1957. 300 p. (In Rus.)
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758)* [A history of the Dzungar Khanate: 1635 – 1758], 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 333 p. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 41, Is. 1, pp. 41–48, 2019
DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-41-48
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 321.74:9

Партийная структура Калмыкии: деятельность агитационно-пропагандистского отдела (1921–1928 гг.)

Евгения Викторовна Сартикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3472-6435>. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В политической системе советского общества ключевые позиции отводились коммунистической партии. Сегодня в условиях отсутствия идеологического давления необходимо более глубокое, объективное освещение истории большевистской (коммунистической) партии, в том числе на региональном уровне. Несмотря на наличие публикаций по истории коммунистической партии Калмыкии, практически отсутствуют исследования о её партийной структуре в 1920-е гг. и, в частности, о деятельности агитационно-пропагандистского отдела областного комитета РКП(б). В силу того, что данный аспект мало исследован, проблема в такой постановке рассматривается впервые. Основными источниками статьи послужили *материалы*, отложившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Эти документы содержат ценные сведения о деятельности отделов областного комитета партии, состоянии и развитии самой партийной организации. *Целью* данного исследования является анализ деятельности агитационно-пропагандистского отдела ОК РКП(б) в 1921–1928 гг. В работе над исследованием применялся историко-генетический метод, который позволил показать деятельность агитационно-пропагандистского отдела обкома партии в динамике. Анализ архивных материалов осуществлен на таких *принципах*, как научность, объективность и историзм, позволивших исследовать проблему во взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами. В *результате* исследования автор делает вывод о том, что партийная структура Калмыкии с момента образования стала сращиваться с органами государственной власти. Это было характерно для всех регионов страны в советский период. Агитационно-пропагандистский отдел (агитпропотдел) Калмыцкого областного комитета РКП(б) вел работу не только в области агитации, пропаганды и печати, но и руководил работой политико-просветительных учреждений (политпросветов). Политико-просветительные учреждения стали основными проводниками партии в области идеологической пропаганды. Партийные организации области, придавая важное значение политическому просвещению населения, постоянно развивали и укрепляли политико-просветительные учреждения, являвшиеся центрами массовой работы на селе. Агитпропотдел организовывал партийные школы для подготовки кадров Калмыцкой парторганизации, повышения их идейно-политического уровня. Большую роль в этом сыграла Калмыцкая областная совпартишкола. Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие представлений о партийной структуре Калмыкии и деятельности агитационно-пропагандистского отдела областного комитета РКП(б) в 1921–1928 гг.

Ключевые слова: Калмыкия, Калмыцкая автономная область, учредительная партийная конференция, Калмыцкая областная партийная организация, структура, агитационно-пропагандистский отдел

Благодарности: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ № 0258-2019-0002, № гос. регистрации AAAA-A19-119011490038-5).

Для цитирования: Сартикова Е. В. Партийная структура Калмыкии: деятельность агитационно-пропагандистского отдела (1921–1928 гг.). *Oriental Studies*. 2019; (1):41-48. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-41-48

UDC 321.74:9

Kalmykia's Party Structure: Activities of the Department for Agitation and Propaganda (1921–1928)

*Evgeniya V. Sartikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation) Doct. of Historical Sc., Associate Professor, Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3472-6435>. E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Abstract. The Communist Party had been central to the Soviet political system and society. Now that there is no ideological pressure, it is essential to view the history of the party of Bolsheviks (Communists) in deeper and non-biased perspectives, including on the regional level. Despite there are quite a number of publications examining the history of Kalmykia's Communist movement, those to have studied its structure in the 1920s — and, namely, activities by the Department for Agitation and Propaganda of the Kalmyk Oblast Committee of the RCP(B) — are virtually absent. So, the issue has remained understudied, and the work is a first attempt to investigate the former. The article uses materials accumulated by the National Archive of the Republic of Kalmykia. The documents contain valuable information about activities by departments of the Kalmyk Oblast Party Committee, the actual state and development of the party organization as such. The study aims to analyze activities by the regional Department for Agitation and Propaganda between 1921 and 1928. It uses the historical-and-genetic method to have made it possible to view the mentioned arrangements over time. The analysis of archival materials has been based on the principles of scientificity, objectiveness, and historicism that largely contributed to the issue be examined in certain historical contexts. The paper concludes Kalmykia's party structure had emerged to instantly intersect with government bodies. This was typical enough for all regions during the Soviet era. The Department for Agitation and Propaganda was also — in addition to the functions declared — in charge with print media and directed activities of political-and-educational organs (Rus. *politprosvet*). The latter proved key conductors of the Party's policies in the sphere of ideological propaganda. Party organizations laid special emphasis on public political education and constantly sought to develop and strengthen corresponding institutions that served as centers of such work in rural areas. The Department initiated establishments of party schools that would train cadres for the Kalmyk Party Organization and facilitate their better understanding of ideology and policies. This was actually a great achievement of the Kalmyk Oblast Soviet Party School. The conclusions made are essential for further understanding of Kalmykia's party structure and activities by the regional Department for Agitation and Propaganda between in 1921–1928.

Keywords: Kalmykia, Kalmyk Autonomous Oblast, foundation conference, Kalmyk Oblast Party Organization, structure, Department for Agitation and Propaganda

Acknowledgements: Research was subsidized by the government — project name 'Peoples of South Russia: a Comprehensive Insight into Proceses of the Socio-Political and Cultural Development' (No. 0258-2019-0002, reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sartikova E. V. Kalmykia's Party Structure: Activities of the Department for Agitation and Propaganda (1921–1928). *Oriental Studies*. 2019;(1):41-48. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-41-48

Сегодня в условиях отсутствия идеологического давления необходимо более глубокое, объективное освещение истории большевистской (коммунистической) партии, в том числе на региональном уровне.

В 1920-е гг. получила развитие советская политическая организация Калмыкии. В политической системе советского общества ключевые позиции отводились коммунистической партии, выполнявшей роль руководящего ядра всех организаций. Аналогичное положение в политической системе Калмыкии заняла областная партийная организация.

С приходом к власти большевики взяли под контроль национальные районы. В Калмыцкой автономной области в разное время работали в качестве представителя ЦК РКП(б), ВКП(б) К. Р. Герценберг (1918–1921 гг.); ответственного секретаря — И. Р. Марбуш-Степанов, Т. К. Борисов, И. К. Глухов (август 1921 – ноябрь 1927 гг.) [Максимов 2002: 319].

Областную партийную организацию недолгое время в рассматриваемые годы возглавляли калмыки по национальности: А. Ч. Чапчаев (с февраля по август 1921 г.), а в 1927 г. на пост ответственного секретаря обкома партии избрали Х. М. Джалыкова.

Несмотря на наличие публикаций по истории большевистской (коммунистической) партии Калмыкии, практически отсутствуют исследования о её партийной структуре в 1920-е гг.

История Калмыцкой парторганизации в разное время привлекала внимание исследователей [Бадмаева 2010; Гладкова 2005, 2006, 2008; Максимов 2002; Очиров 2006; Сангаева 1971]. В советской историографии отмечались только положительные стороны основных направлений в деятельности парторганизации [Бадмаев 1969; Сангаева 1971]. Вместе с тем авторам не удалось показать формирование районных (улусных) организаций РКП(б). Современная литература рассматривает отдельные аспекты работы партии по руководству экономической [Бадмаева 2010] и образовательной сферами [Сартикова 2000].

К. Н. Максимов [Максимов 2002] значительное внимание уделил роли партии в

руководстве советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями. Отдельные сюжеты проблемы исследовались в нескольких статьях [Гладкова 2006; Киевская 1975а, Киевская 1975б].

Роль областной партийной печати 1920-х гг. в политическом воспитании коммунистов Калмыцкой области показана в книге А. С. Романова [Романов 1971]. Других публикаций по этой теме практически нет.

Основными источниками статьи послужили документы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК): протоколы I–X областных партийных конференций, информационные отчеты агитационно-пропагандистского, женского отделов ОК РКП(б) в ЦК РКП(б), доклады, сводки обкома РКП(б). Эти документы сообщают много ценных сведений о деятельности отделов областного комитета партии, состоянии и развитии самой партийной организации.

Целью данного исследования является анализ деятельности агитационно-пропагандистского отдела Областного комитета РКП(б) в 1921–1928 гг. В работе над исследованием применялся историко-генетический **метод**, который позволил показать деятельность агитационно-пропагандистского отдела обкома партии в динамике. Анализ архивных материалов осуществлен на таких принципах, как научность, объективность и историзм, позволивших исследовать проблему во взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами.

Как только закончились военные действия на территории Калмыцкой степи, после образования Калмыцкой автономной области (1920 г.) были созданы необходимые условия для реорганизации Калмыцкой уездной организации РКП(б) в областную. Это произошло на I-й областной партийной конференции в 1921 г.

«Обсуждение и принятие конференцией решений свидетельствовали о том, что партия приобретала черты не только политической организации, но и государственной с функциями, присущими государственным учреждениям исполнительно-распорядительного и контрольного характера» [Сарти-

кова 2017]. Как свидетельствуют источники, партийная структура выглядела следующим образом: Областной комитет РКП(б) избирался партконференцией. Пленум Комитета собирался 2 раза в месяц в определенный день. Для текущей работы Обкома партии был создан Президиум в количестве 5 чел. и секретариат. Во главе секретариата стоял один из членов Президиума Областного комитета партии — секретарь, ответственный за всю работу секретариата [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 52].

Секретариат разделялся на основные отделы: агитационно-пропагандистский, организационно-инструкторский; учетно-информационно-статистический и общий. Также были созданы специальные отделы по работе в деревне и среди женщин. Кроме того, Областной комитет партии выделил одного своего представителя для постоянной работы в Областном Комитете Союза Коммунистической молодежи [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 53].

По решению X съезда партии агитационно-пропагандистские отделы создавались при губкомах, областкомах и крупных парткомах «с освобождением заведующих ... от всех других регулярных работ» [История Коммунистической 2014: 165].

Созданный при Калмыцком Областном комитете РКП(б) агитационно-пропагандистский отдел совместно с учетно-информационно-статистическим отделом брал на учет все агитационные силы области; со всеми агитаторами разрабатывал темы для собраний, по решениям комитета партии, а иногда и по своей инициативе писал агитационные брошюры и воззвания. Кроме этого, агитационно-пропагандистский отдел брал на учет и все пропагандистские силы Калмыцкой области, организовывал группы пропагандистов, в городе и уездах систематически проводил регулярные собеседования, лекции по Программе партии и вопросам советского строительства, организовывал разные кружки для подготовки пропагандистов, которые могли свободно разбираться во всевозможных политико-хозяйственных вопросах и выступать на митингах. Сеть районных пропагандистов состояла как из местных работников, так и из специально-командируемых сотрудников обкома партии [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 54].

Агитационно-пропагандистский отдел руководил также уездной печатью: рассыл-

кой руководящих материалов для печати их на страницах всех уездных газет; регулярными съездами работников уездной печати, указывал на недостатки содержания уездных газет и объединение нескольких слабых уездных газет в более сильную районную газету, назначал корреспондентов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 55].

Кроме того, агитпропотдел областного комитета РКП(б) руководил работой политико-просветительных учреждений (политпросветов). Как отмечает Т. Ю. Красовицкая, «партия выстраивала основные контуры этой машины и определяла отношения внутри ее подразделений: между партийными агитпропотделами и советскими политпросветами» [История Коммунистической 2014: 166].

Агитационно-пропагандистский отдел организовывал партийные школы, партийные библиотеки, развивал сеть клубов, изб-читален, пунктов по ликвидации неграмотности, «красных уголков» и т. д. Политико-просветительная работа выполнялась в меру возможности в наспах организуемых учреждениях. На наш взгляд, «эта работа была, скорее, удобным поводом для расширения пропаганды идей и воззрений большевистской власти, чем самостоятельной целью» [Сартикова 2008: 72].

Наряду с этим заметно выросла сеть таких специфических форм политпросветработы, как «красные кибитки». Работники вели агитационную и просветительскую работу главным образом среди женщин-калмычек. В дальнейшем «красные кибитки» перестали функционировать в связи с утверждением оседлого образа жизни калмыков [Сартикова 2000: 100].

В работе политпросветучреждений большое место отводилось санитарно-гигиенической пропаганде, к ней привлекались врачи, медицинские сестры. Санитарно-гигиеническая и вообще просветительская работа строилась не только на устной пропаганде, но и на живом деле путем организации ясель, подготовки актива политпросветчиков из местного населения и пр.

Политпросветработа имела в целом лихорадочный характер, а численность учреждений и мероприятий часто менялась. Сначала происходил стихийный рост агитационно-массовых учреждений. Затем полная дезорганизация местного и государственного хозяйства резко приостановили это движение [Сартикова 2000: 90].

Политпросветучреждения оказались наиболее слабыми, непригодными к жизни организациями, которые население не желало, а государство лишилось возможности поддерживать. Они не имели авторитетных и подготовленных работников, библиотеки и клубы были бедны содержательной литературой и переполнены конъюнктурной трескотней. В национальных районах, в том числе Калмыкии, чаще всего просто копировались не очень понятные населению мероприятия центральной России или крупных промышленных центров.

После быстрого и катастрофического развала этой сети «политграмоты» в 1923 г. власти, партия большевиков начала «залечивание ран» и возобновление культпросветработы. Но в отличие от первого послереволюционного этапа, когда на местах проявляли инициативу, теперь призыв «к просветительному строительству» шел от «центра».

Благодаря активному вмешательству центральных органов в дело организации политического просвещения вносилась известная закономерность, вырабатывались основные принципы, на которых строилась сеть учреждений. Под влиянием постановлений съезда, с одной стороны, и начавшегося общего оживления дела просвещения, с другой, в 1923 и последующих годах наблюдалось расширение работы, хотя она шла медленно и с перебоями.

Агитационно-пропагандистский отдел Калмыцкого областного комитета РКП(б) организовывал партийные школы для подготовки кадров Калмыцкой парторганизации, повышения их идейно-политического уровня. Большую роль в этом сыграла Калмыцкая областная совпартшкола, открытая по решению обкома РКП(б) в 1921 г. в г. Астрахани.

В 1921 г. на учебу в Астрахань прибыло 45 человек. В последующие годы набор постепенно увеличивался. Совпартшкола в новом наборе начала функционировать с 1 октября 1922 г. при количестве курсантов в 66 человек. Учебный план школы на 1922/1923 гг. был составлен на основании плана и программы учебных курсов, изданных Главполитпросветом в особой брошюре «Программы для советских партийных школ 1 ступени», но с некоторыми добавлениями и изменениями. Учебный год школы устанавливался на 8 месяцев — с октября по май. Всего учащихся в школе насчитывалось

66 человек, из них 59 мужчин, 7 женщин (из них 46 калмыков и 20 русских), 44 члена и кандидата РКП(б) и РКСМ, 22 беспартийных [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 40. Л. 27].

Партийные ячейки направляли на учебу в школу в первую очередь представителей рабочего класса и крестьянства. «Так, в 1923/1924 учебном году было принято в совпартшколу 29 рабочих и 37 крестьян, что составляло 82,5 % от общего числа курсантов, в 1924/1925 году крестьяне и рабочие составляли 81,3 %. Процент коммунистов среди слушателей школы в 1921–1924 гг. составлял всего 4,5. В 1924/1925 учебном году из 25 курсантов, окончивших школу второй ступени, 15 были коммунистами и кандидатами в члены РКП(б), около одной трети среди слушателей школы во всех наборах составляли комсомольцы» [Киевская 1975а: 115].

Как свидетельствуют архивные источники, академический учебный год Калмыцкой совпартшколы был рассчитан на 32 недели. В связи с этим агитпропотделу Калмыцкого обкома РКП(б) приходилось проявлять гибкость в использовании программы обучения, рекомендованной ЦК партии. Было увеличено количество общеобразовательных дисциплин и введен ряд специальных курсов: «История калмыцкого народа» — 24 часа, «Краеведение» — 24 часа, «Физическая география» — 30 часов, «Юношеское движение и движение среди женщин» — 20 часов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 40. Л. 28]. Это приблизило содержание учебного процесса к насущным задачам области.

За 1921–1926 гг. Калмыцкая совпартшкола подготовила 236 работников. Из окончивших школу 55 чел. было направлено на партийную работу (24 %), 44 — на советскую¹ (13 %), 24 — на комсомольскую (10 %), 5 — на политпросветработу (2,2 %), 2 — в Красную Армию (0,9 %), 71 человек продолжало образование в различных учебных заведениях страны [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 25].

В 1927/1928 учебном году в областной совпартшколе училось 136 чел., из них 10,2 % коммунистов, 89,8 % комсомольцев, 21 женщина (или 15,5 %).

С этого учебного года совпартшкола была реорганизована: вместо 2-х ступеней

¹ Так в документе. Имеется в виду работа в советских (советы депутатов трудящихся), партийных и комсомольских органах.

стала единая школа с 3-годовалым сроком обучения [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 245. Л. 41].

Подготовка квалифицированных кадров специалистов для нужд Калмыкии велась и за пределами области — в вузах Москвы, Ленинграда, Саратова, Астрахани, Сталинграда и других городов, куда посланцы Калмыкии принимались на льготных условиях, обеспечивались стипендиями и общежитиями.

По сведениям документов агитпропотдела в 1925 г. Калмыцкой области было предоставлено 138 мест в техникумы и вузы. Для правильного распределения мест была создана комиссия из представителей областного комитета партии, комитета комсомола, областного женотдела, совета профсоюзов [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 161а. Л.л. 92, 93].

Среди командированных в гражданские вузы и рабфаки — 112 человек, из них 37 женщин (18 калмычек, 19 русских) и 75 мужчин (55 калмыков и 20 русских) [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 161а. Л. 94].

Агитационно-пропагандистский отдел Калмыцкого обкома партии уделял серьезное внимание становлению и развитию средств массовой информации.

С 1921 г. в области издавался журнал «Ойратские известия». С журналом сотрудничали все ответственные работники партии: А. Ч. Чапчаев, А. Г. Маслов, И. Р. Марбуш-Степанов и другие. В нем публиковались статьи по самым актуальным проблемам жизни области. В 1921 г. газета «Красный калмык» стала органом обкома РКП(б). С этого же времени в газете появилась постоянная рубрика «Партийная жизнь», в которой публиковались отчеты о партийных конференциях, решения областного комитета РКП(б) и другие партийные документы» [Киевская 1975б: 103].

В 1922 г. стал издаваться журнал «Вестник Калмыцкого обкома РКП(б)», который имел следующие постоянные отделы: «Общий», «О жизни и деятельности В. И. Ленина», «Калмпросвещение», «Работа на местах», «Работа обкома», «Самообразование — спутник агитатора», «Профессиональная жизнь», «Наше хозяйство», «Вопросы быта», «На трудовом фронте», «Наша смена», «Политобозрение», «Официальный отдел» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 66].

В 1926 г. газета «Красная Степь» начинает находить массового читателя. Тираж газеты перевалил за 3 000 экз., тогда как до

этого было только около 700 экз. бесплатного тиража [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 127. Л. 30об.]. Как отмечал проф. К. Н. Максимов, «эти печатные издания на самом деле являлись идеологическим, пропагандистским оружием партии» [Максимов 2002: 281].

Основные направления агитационно-пропагандистской работы партии вытекали из общих её задач в повышении культурного уровня народа и вовлечение трудящихся в строительство новой жизни. В соответствии с этим Калмыцкий обком партии ставил перед собой следующие практические задачи:

- улучшение качества агитационно-пропагандистской работы, придания ей более действенного характера;

- усиление воспитательной работы внутри партийной организации, расширение низовой сети партийного просвещения и улучшение содержания партийной учебы;

- оживление всех звеньев массово-культурной работы, проводимой отдельными организациями;

- улучшение работы органов печати.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, партийная структура Калмыкии с момента образования стала сращиваться с органами государственной власти, что было характерно для всех регионов страны в советский период [Сартикова 2017].

Во-вторых, агитпропотдел Калмыцкого областного комитета РКП(б) вел работу не только в области агитации, пропаганды и печати, но и руководил работой политико-просветительных учреждений (политпросветов). Политико-просветительные учреждения стали основными проводниками партии в области идеологической пропаганды. Партийные организации области, придавая важное значение политическому просвещению населения, постоянно развивали и укрепляли политико-просветительные учреждения, являвшиеся центрами массовой работы на селе.

В-третьих, расширилась сеть таких специфических форм политпросветработы, как «красные кибитки». Санитарно-гигиеническая и просветительская работа строилась не только на устной пропаганде, но и на живом деле путем организации ясель, подготовки актива политпросветчиков из местного населения и пр.

В-четвертых, агитационно-пропагандистский отдел Калмыцкого областного комитета РКП(б) организовывал партийные школы для подготовки кадров Калмыцкой парторганизации, повышения их идейно-политического уровня. Большую роль в этом сыграла Калмыцкая областная совпартшкола. Было положено начало формированию национальной интеллигенции на основе новой, социалистической идеологии.

В-пятых, агитпропотдел уделял серьезное внимание становлению и развитию средств массовой информации, которые являлись идеологическим, пропагандистским оружием партии.

Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие представлений о партийной структуре Калмыкии и деятельности агитационно-пропагандистского отдела областного комитета РКП(б) в 1921–1928 гг.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия

Sources

Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia]

Литература

- Бадмаев 1969 — Бадмаев Н. Х. Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 51 с.
- Бадмаева 2010 — Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 544 с.
- Гладкова 2008 — Гладкова С. А. Большедербетовская партийная организация в период нэпа (20-е гг. XX в.) // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 28–32.
- Гладкова 2006 — Гладкова С. А. Место и роль Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 1920-х гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 20. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. С. 89–98.
- Гладкова 2005 — Гладкова С. А. Государственный аппарат Калмыцкой автономной области: бюрократизм и методы борьбы с ним // Вестник КИСЭПИ. 2005. № 2. С. 164–167.
- История Коммунистической 2014 — История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.
- Киевская 1975а — Киевская Т. Н. Некоторые вопросы марксистско-ленинского воспитания коммунистов в Калмыцкой областной партийной организации в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки. № 12. Серия историческая. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1975. С. 112–125.

Киевская 1975б — Киевская Т. Н. Партийное строительство в Калмыкии в первые годы нэпа (1921–1922 гг.) // Ученые записки. Серия историческая. Вопросы истории социалистического строительства в Калмыкии, 1975. № 12. С. 90–111.

Максимов 2002 — Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Очиров 2006 — Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) / отв. ред. А. С. Сенявский. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Романов 1971 — Романов А. С. Печать Калмыцкой автономной области 20-х годов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 196 с.

Сангаева 1971 — Сангаева И. Э. Образование Калмыцкой областной партийной организации (1918–1921) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 5. Серия историко-партийная. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 25–69.

Сартикова 2017 — Сартикова Е. В. Организационное оформление Калмыцкой областной партийной организации (1920–1921) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 52–64.

Сартикова 2008 — Сартикова Е. В. Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4 (29). С. 71–76.

Сартикова 2000 — Сартикова Е. В. Образование Калмыкии: истоки и становление. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 160 с.

References

- Badmaev N. Kh. *Partiynoe stroitel'stvo v Kalmytskoy avtonomnoy oblasti (1921–1929 gg.)* [Party construction in Kalmyk Autonomous Oblast: 1921–1929]. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1969. 51 p. (In Rus.)
- Badmaeva E. N. *Nizhnee Povolzh'e: opyt i itogi realizatsii gosudarstvennoy politiki v sotsial'no-ekonomicheskoy sfere (1921–1933 gg.)* [The

- Lower Volga Region: experience and outcomes of socioeconomic policies of the Government (1921–1933)]. Elista: Dzhangar, 2010. 544 p. (In Rus.)
- Gladkova S. A. Bolshederbetovskaya Party Organization during the NEP period (1920s). *Rossiia i Tsentral'naya Aziya: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiya*. Conf. proc. Part 2. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst., 2008. Pp. 28–32. (In Rus.)
- Gladkova S. A. Kalmyk Oblast Organization of the RCP(B): its place and role in the political system of the 1920s. *Vestnik KIGI RAN*. Is. 20. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 89–98. (In Rus.)
- Gladkova S. A. The state apparatus of Kalmyk Autonomous Oblast: bureaucracy and methods of struggle against it. *Vestnik KISEPI*. 2005. No. 2. Pp. 164–167. (In Rus.)
- Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. A. B. Bezborodov, N. V. Eliseeva (eds.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. 671 p. (In Rus.)
- Kievskaya T. N. Kalmyk Oblast Party Organization during the reconstruction period (1921–1925): some aspects of Marxist-Leninist training of Communists revisited. *Uchenye zapiski*. No. 12. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Hist., Phil. and Econ., 1975. Pp. 112–125. (In Rus.)
- Kievskaya T. N. Kalmykia's party construction in the early years of the NEP (1921–1922). *Uchenye zapiski*. Ser. 'History'. Socialist Construction in Kalmykia: Issues of History. 1975. No. 12. Pp. 90–111. (In Rus.)
- Maksimov K. N. *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX vv.)* [Kalmykia in Russia's national policies and administrative system: 17th – 20th cc.]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Rus.)
- Ochirov U. B. *Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. A. S. Senyavsky (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Rus.)
- Romanov A. S. *Pechat' Kalmytskoy avtonomnoy oblasti 20-kh godov* [Print media of Kalmyk Autonomous Oblast in the 1920s]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. 196 p. (In Rus.)
- Sangaeva I. E. Establishing the Kalmyk Oblast Party Organization (1918–1921). *Vestnik KNIIYaLI*. No. 5. Ser. 'Party History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1971. Pp. 25–69. (In Rus.)
- Sartikova E. V. Institutional registration of Kalmyk Regional Party Organization (1920–1921). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2017. No. 8. Pp. 52–64. (In Rus.)
- Sartikova E. V. Illiteracy eradication campaigns among the Kalmyk people and their outcomes. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2008. No. 4 (29). Pp. 71–76. (In Rus.)
- Sartikova E. V. *Obrazovanie Kalmykii: istoki i stanovlenie* [Establishing Kalmykia: beginnings and development]. Elista: Dzhangar, 2000. 160 p. (In Rus.).

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 49–56, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-49-56
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'37(=512.36)

Выражение взгляда посредством слов с корневым согласным / в монгольских языках

Екатерина Владимировна Сундеева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
 (д. 6, ул. Сахьяновой, г. Улан-Удэ 670047, Российская Федерация)
 главный научный сотрудник, отдел языкознания
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>. E-mail: sundueva@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена образным словам монгольских языков, характеризующим взгляд. Для этого сначала был установлен круг образных слов со значениями 'блестящий', 'сверкающий', возникших в результате вербализации зрительного восприятия световых эффектов. Подобные слова образуют обширный пласт лексики многих языков мира и представляют собой лингвистическую универсалию. *Цель.* Главная цель исследования заключается в установлении связи между акустико-артикуляционными свойствами корневого согласного / и семантикой рассматриваемых слов. Семантика корня зависит от акустико-артикуляционных особенностей главного корневого согласного (доминанты), содержащего базовую информацию о чувственно воспринимаемых явлениях, с учетом широкой вариабельности корневых гласных, анлаутных и ауслаутных (недоминантных) корневых согласных. *Материалы.* В качестве материала для работы были использованы такие лексикографические издания, как этимологические, двуязычные и толковые словари. Также в исследовании привлекались материалы, полученных в ходе диалектологических и фольклорных экспедиций. *Результаты.* Рассмотрены лексемы, семантика которых связана с взглядом, так как глаза могут отражать попадающий в них свет: они сияют, горят, блестят и т. д. Среди рассматриваемой лексики выделены такие признаки взгляда, как яркий / тусклый, продолжительный / кратковременный, прямой / косой. На основе функционирования монгольских образных лексем со значением 'глаз' предполагается фонетическое соответствие монг. *kilar* 'косой' и рус. *глаз*. В связи с тем, что взгляд может нести функциональную нагрузку, рассмотрены слова с корневым согласным /, в которых выражены такие эмоции, как злость, неприязнь, гнев, страх, вина, удивление и пр. По предположению автора, акустико-артикуляционные характеристики переднеязычного смычно-бокового сонанта / наиболее точно подходили для вербализации блеска, свечения: ровные, непрерывные лучи света соотносились в сознании с плавным течением воздуха по обе стороны языка при артикуляции согласного /. Проведенный анализ слов, актуализирующихся в языке с помощью восприятия сияющих глаз человека, позволил уточнить семантику некоторых слов в словарях.

Ключевые слова: монгольские языки, образные слова, световые явления, взгляд, этимология, восприятие, вербализация

Благодарность: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», номер госрегистрации ААА-А-17-117021310266-8)

Для цитирования: Сундueva Е. В. Выражение взгляда посредством слов с корневым согласным / в монгольских языках. *Oriental Studies*. 2019;(1):49-56. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-49-56

UDC 81'37(=512.36)

Mongolic Words with the Stem Consonant / to Express 'Look / Glance'

*Ekaterina V. Sundueva*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 677047, Russian Federation)

Doct. of Philological Sc., Chief Research Associate, Department of Linguistics

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2299-3384>. E-mail: sundueva@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The paper deals with sound-symbolic words of Mongolic languages characterizing a look of the person. For this purpose the work first reveals the circle of sound-symbolic words with meanings 'shining', 'sparkling', which had emerged due to verbalization of visual perceptions of lighting effects. Such words form an extensive layer of lexicon of many languages of the world and represent a linguistic universal. *Goals.* The research primarily aims to reveal the connection between acoustic and articulation features of the root consonant / and semantics of the examined words. Semantics of a root first of all depends on acoustic and articulation features of the leader root consonant (dominant), which contains the basic information about sensually perceived phenomena, at broad variability of vowels and the umlaut and auslaut (not dominant) consonants of a root. *Materials.* Such various lexicographic sources as bilingual, etymological and explanatory dictionaries have been used. Dialect and folklore materials, expedition records have also been surveyed. *Results.* The article considers lexemes semantically connected to a look because eyes — due to optical properties — can reflect light: they can shine, sparkle etc. In considered material such signs of a look as bright / dim, long / short-term, direct / squint were revealed. On the base of functioning of the Mongolian sound-symbolic lexemes with the meaning 'eye' the phonetic correspondence of Mongolian *kilar* 'squint' and Russian *glaz* 'eye' is suggested. The look could express senses and emotions, so the paper considers words with the stem consonant / in which such emotions as rage, hostility, anger, fear, fault, surprise (etc.) are expressed. The work supposes that acoustic and articulation characteristics of the front occlusive-lateral sonant / most precisely suited for verbalization of gloss, glow: steady, continuous rays of light corresponded in consciousness to a smooth current of air on both sides of tongue during the articulation of consonant /. The analysis of the words to have emerged by means of perception of the shining eyes of the person allowed specifying semantics of some words in dictionaries.

Keywords: Mongolic languages, symbolic words, light phenomena, glance, etymology, perception, verbalization

Acknowledgements: The article was prepared within the government assignment (project XII.193.1.5 'Mentality of Mongolic Peoples in the Mirror of Language', reg. No.AAAA-A17-117021310266-8).

For citation: Sundueva E. V. Mongolic Words with the Stem Consonant / to Express 'Look / Glance'. *Oriental Studies*. 2019;(1):49-56. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-49-56

Введение. Во многих языках мира согласный / служит для вербализации световых явлений: рус. *блестеть*, *бледный*, *блестящий*, *блик*, *глянец*, англ. *flash* ‘давать яркий свет, сверкать’, *blaze* ‘гореть ярким пламенем, сиять’, *glare* ‘ослепительно сверкать’, *glisten* ‘блестеть, сверкать’, *glint* ‘вспышка’, *glimmer* ‘мерцание’, *gleam* ‘свет’, нем. *blitzen* ‘сверкать’, *glänzen* ‘сиять’ и пр. Согласный / передает идею скользящего света, что является лингвистической универсалией.

Изучая звукоизобразительные свойства фонемы *gl-* в английском языке, П. Садовски разделяет ее на две составляющие. По мнению автора, комбинация резкого начального звука и «легкого», «мягкого» движения в кластере *gl-* идеально подошла для звукоимовительного обозначения нематериального свечения, исходящего из своего источника. В системе семантических полей фонемы *gl-* П. Садовски справедливо считает ее ядром значения ‘свет’ в связи с тем, что оно наиболее продуктивно по количеству лексем [Sadowski 2001].

Н. И. Ашмарин, отмечая особую роль звука / в подражаниях световым эффектам во многих языках не только урало-алтайской семьи, объясняет ее тем, что звуки этого типа возникают как бы сами собою при свободном движении языка [Ашмарин 1925: 156].

Л. Д. Шагдаров считает его точку зрения о происхождении образных слов как слов, возникающих в результате симпатического движения различных органов человека, в частности языка, малоубедительной [Шагдаров 1962: 9].

Поддерживая первую точку зрения, мы считаем, что акустико-артикуляционные характеристики переднеязычного смычно-бокового сонанта / наиболее точно подходили для вербализации блеска, свечения: ровные, непрерывные лучи света соотносились в сознании с плавным течением воздуха по обе стороны языка при артикуляции согласного /.

В словарной статье, посвященной лексеме *қылау* со значениями ‘тонкая пленка, отделяющаяся при точке режущих ин-

струментов; острое, острая сторона, лезвие (*ножа, бритвы, топора и т. п.*)’ в тюркских языках, Л. С. Левитская отмечает, что в чагатайских источниках отмечены значения ‘дельный, годный, усердный, храбрый, смелый (о человеке)’ и ‘блестящий, сверкающий (о шлеме)’. «Первая группа этих значений, вероятно, принадлежит, как это отметил Ю. Ценкер, производному от глагола *қыл-* ‘делать’. Значения ‘блестящий, сверкающий’ могли развиваться как переносные от ‘отточенный’ → ‘острый’» [ЭСТЯ 2000: 208–209]. Как видно, автор не допускает номинации на основе зрительного восприятия блеска объектов, предполагая развитие значения, полученного в результате зрительного восприятия острой формы объекта. Хотя и значение ‘мелкая стружка, образующаяся на лезвии ножа при точке’, и значение ‘острие’ могут быть мотивированы признаком ‘блестящий, сияющий’. Ср. в монгольских языках: монг. *гилбэр* ‘железный наконечник; пика’, монг. *гил*, бур. *елбэр* ‘пик, пики (в игральные карты)’, калм. *килһ* ‘острие, лезвие’, п.-монг. *jilan qoşuı sumun* ‘стрела с плоским железом’ [Kowalewski 1849: 2344], монг. *жилан* [*хошуу сум*], калм. *жилһ*, ойр. Синьцз. *жилең* ‘небольшая стрела с острым железным наконечником’ и др. Якутские глаголы *kilbej-*, *kilbaj-* и долганские *gilbej-*, *gilbaj-* считаются заимствованием из монгольских языков [Kałużyński 1961: 103; Stachowski 1993: 86].

Данные о методике исследования. В работе были использованы описательно-аналитический, структурно-семантический и сопоставительный методы, а также метод сплошной выборки. С помощью фоносемантического анализа были установлены корреляции между артикуляционно-акустическими свойствами звука / и семантикой рассматриваемых слов.

Результаты исследования. Образные слова со значением ‘блестящий’. В монгольских языках широко представлены образные слова со значением ‘блестящий, глянцеви́тый’, при этом, как и в английском языке, большую их часть составляют формы с инициальным согласным *g*: п.-монг. *güliger*, *güliger* ‘блестящий, лоснящийся-

ся, сверкающий' [Kowalewski 1849: 2533, 2602]; монг. *гилгэр* 'глянцевитый, блестящий, зеркальный'; калм. *гилэн* 'белый, светлый; блестящий'; *гилвк-* 'поблескивать, мерцать; ярко светиться'; монг. *гилбэ-* 'полыхать', *гилтгэр* 'ярко сверкающий'; *гилхир-* 'блестеть, лосниться'; *гилчгэр* 'атласистый, стекловидный'; ср.-монг. *gilči-*, *gileči-* 'блистать', *qiltaliba* 'сверкал' [Поппе 1938: 172, 298]; монг. *гялгар*, бур. *гилэгэр*, *гэлигэр*, калм. *гилгр*, ойр. Синьцз. *гилгер* 'сверкающий', монг. *гялб-* 'ярко блестеть; быть ослеплённым (ярким светом), слепить'; *гялт-* 'виднеться сверкая'; монг. *гэлгэлз-* 'блистать, сиять, отсвечивать'. Корни с огубленными гласными *o/ö* передают идею тусклого света: монг. *голгор* 'потухший, тусклый; неяркий; бледный', *голигор*, бур. *голигор* 'лоснящийся от жира', монг. *голтгор* 'тусклый, неяркий', *гөлгөр* 'зеркальный', *гөлчгөр* 'лоснящийся, блестящий'.

Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» сопоставляют прототунгусо-маньчжурскую форму **gilta-* 'белый; блестеть', протомонгольскую форму **gil(b)a-* 'блестеть' и протояпонскую форму **kirà* 'блестящий; сверкать', при этом отмечая возможность заимствования тунгусо-маньчжурских форм из монгольских языков, поскольку в них есть вариант **gilt-* [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 544–545].

Г. Н. Чимитдоржиева относит эвенк. *гилбэ-*, *гилтана-*, а также п.-монг. *gilte*, *giltayana-* к разряду общей монголо-тунгусо-маньчжурской лексики [Чимитдоржиева 2006: 68].

Не менее широко представлены формы с инициальными *j/y*: бур. *яла-яла гэ-* 'мерцать, блестеть', *яла-сала* 'блещущий', *ялаб-ёлог гэ-*, *ялаг-ёлог гэ-* 'поблескивать, мигать', *ялагар*, *ясагар* 'сверкающий', ср.-монг. *yaltiraba čirayı* 'лицо сияло' [Поппе 1938: 386], бур. *елэ-елэ гэ-* 'лосниться, блестеть', бур. *елэгэр*, *жэлэгэр*, калм. *жилмһр*, ойр. Синьцз. *жилмегер* 'блестящий', бур. *ёлгоомо*, *ёлгоодомо* 'ослепительный, режущий глаза (о свете)', монг. *ёлгор*, *ёлтгор* 'тусклый, слабый, бледный'; п.-монг. *jilabalja-* 'сверкать' [Kowalewski 1849: 2345], монг. *жалбалз-* 'отражаться, сверкать (о солнце)', калм. *зелвк-* 'озаряться', бур. *сологор* 'блещущий, сверкающий (о воде)'.

Также в инициальной позиции встречаются согласные *m, t*: бур. *мэлигэр*, *мэльгэн* 'гладкий, лоснящийся', бур. *мэлмэгэр*, ойр. Синьцз. *мелмегер* 'блестящий (о водной

глади)', бур. *милар-* 'переливаться, рябить (о воде)', монг. *мэлвэлз-* 'сверкать, блестеть', ойр. Синьцз. *мөлөлз-* 'блестеть, блистать, лосниться'; монг. *толигор*, бур. *толигор*, калм. *тольр* 'блестящий, отражающий свет', ср.-монг. *tularaba nidiünler* 'наши глаза ослеплены' [Поппе 1938: 350, 352], бур. *талагар* 'блестящий'. Лишь в калмыцком языке представлены формы с начальным *d*: долвк- 'блестеть, поблескивать; мельтешить', дулвң 'сияющий (о солнце)', илв-далв ги- 'блестеть' [КРС 1977: 205, 214, 267].

Характеристики взгляда. Существует множество разновидностей взгляда, поэтому достаточно сложно провести их типологию. Есть мимолетный и настойчивый взгляд, скользящий и придиричивый взгляд, взгляд прямой и взгляд искоса. На материале монгольских языков можно выделить такие характеристики взгляда, как яркость глаз, продолжительность и направление взгляда.

Яркость взгляда проявляется с помощью гласных *a/e* (монг. *хяласхий-* 'блеснуть, сверкнуть глазами', монг. *жалбалз-* 'сверкать глазами', монг. *сэлбэлз-* 'стрелять глазами'), в то время как тусклость взгляда передается посредством гласного *o* (монг. *голго голго хий-*, бур. *ёлог-ёлог гэ-* 'глядеть, смотреть тускло').

Продолжительный фиксированный взгляд отражается в монг. *халиа-* 'уст. смотреть, видеть, внимательно смотреть', калм. *халэ-*, ойр. Синьцз. *халэа-*, ойр. М. *xälä:-* [БНМАУ дахь 1988: 401] 'смотреть, глядеть; наблюдать', калм. *халэц*, ойр. Синьцз. *халэа-це* 'взгляд', монг. *гөлрөн ширт-* 'пялить, вылупить глаза; вперить взгляд; пристально всматриваться', бур. *елтэгэнэ-* 'моргать выпученными глазами', бур. *юлэгэр* 'лупоглазый', монг. *чилий-* 'вытаращить глаза', калм. *шилвк-* 'таращить (глаза)', монг. *сэлбэлз-* 'смотреть большими глазами' калм. *зели-* 'смотреть пристально', монг. *мэлгэр* 'неподвижный, застывший (о взгляде)'. Возможно, на основе зрительного восприятия взгляда возникли бурятские формы *бэлгүү / бэлигүүн* 'наблюдательный' (*бэлигүүн нюдэтэй хүн* 'очень наблюдательный человек'); *бэльгүү* 'рысий (о глазах)'.

В процессе общения наиболее заметны движения глаз: монг. *жалбалз-* 'быстро вращаться (о зрачках)', монг. *цалавалз-* 'смотреть, вращая белками глаз'. Быстрые, короткие, повторяющиеся взгляды вербализуются посредством глаголов, оформленных

формообразовательными суффиксами *-lja*, *-yana* и аналитических конструкций: бур. *нюдөө гэлиб-ялаб гүүлэ* ‘то бросить взгляд, то потупить глаза’, монг. *гэлмэлз* ‘оглядываться’, ойр. Синьцз. *гилтегелзе* ‘озираться по сторонам, бросать взгляды’, п.-монг. *kilub qulub ge-* ‘бросать глазами туда и сюда, взгляды’, *kilabalja-* ‘беспрестанно оглядываться’, *kilamalja-* ‘озираться’ [Kowalewski 1849: 2528], калм. *колс хэлэ* ‘взглянуть’, *куллз* ‘бросить мимолетный взгляд; озираться’, *килвлз* ‘высматривать, выглядывать (воровски по сторонам)’, бур. *хулмай* ‘испуганно озираться’, калм. *хулмлз*-, *хултң-зелтң*, *хултхлз*-, ойр. Синьцз. *хулмалза*-, *хултаһалза*- ‘озираться’, монг. *шилбэлз*-, ср.-монг. *šilemelče*-, *šilemelje*- [Rachewiltz 1972: 104, 105], калм. *шилвлз* ‘озираться, оглядываться’.

По направлению взгляд может быть прямой и косой. При этом монгольские языки обладают широким диапазоном слов, передающих взгляд искоса: бур. *гэлиб-галиб гэхэ* ‘поглядывать искоса’, бур. Баргуз. *гэльтигэр* ‘раскосый’, п.-монг. *qalir* ‘косой’, *daligir*, *kilayar*, *kiliyur*, *kilar* ‘имеющий косые глаза, косоглазый, смотрящий в сторону’ [Kowalewski 1849: 794, 1635, 2528], монг. *далигар*, *долир*, *дэлигэр*, *олигор*, *хялар*, бур. *хилар*, калм. *хальр* ‘косоглазый’, монг. *хяласхий* ‘коситься, смотреть искоса’, бур. *хилгана* ‘закатываться (о глазах)’, ср.-монг. *qiljir bolba nidün* ‘глаза стали косыми’ [Поппе 1938: 298], бур. *далиш* ‘иметь раскосые глаза’, монг. *долигоно* ‘постоянно бросать косые взгляды’, калм. *дэли* ‘быть косоглазым’. Монг. *солби* ‘косить (о глазах)’, на наш взгляд, ошибочно дано как переносное значение от ‘скрещивать’ [БАМРС 2001: 107], поскольку оно близко монг. *солир*, калм. *солър*, ойр. Синьцз. *солър* ‘косоглазый’, монг. *сөлгөр*, *сөлөр* ‘косоглазый’. В данном случае на первый план выходит восприятие белка глаз, неслучайно в халха-монгольском языке представлено существительное *хөлх* ‘бельмо’.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» для протомонгольской формы **gil-* ‘смотреть искоса, косить’ в качестве параллелей даются прототунгусо-маньчжурская форма **gil-* ‘кольцо, браслет’ и прототюркская форма **Kili* ‘ручка, ушко чайника, ведра’ [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 545]. Очевидно, что подобное сближение основано на зрительном восприятии не световых явлений, а кривой формы. В мон-

гольских языках согласный *l* также связан с семантикой изогнутости, на наш взгляд, вместо п.-монг. *kilayi-* ‘смотреть в сторону, коситься’ к значениям ‘кольцо’, ‘ручка, ушко’ подойдет п.-монг. *giljir* ‘кривошей’ [Kowalewski 1849: 2536], монг. *гилжгэр*, калм. *гилжһр*, ойр. Синьцз. *гилжң* ‘кривой, искривленный, кособокий; с кривой шеей’. Также Л. С. Левитская предполагает, что значение ‘дужка или ухо у котла’ в тюркских лексемах можно сравнить с бур. *хилэ* ‘дужка у котла, ведра’, которое тождественно с п.-монг. *kili*, монг. *хил* ‘смычок’, поскольку смычок имеет дугобразную форму — форму лука, ср. калм. *нумн* ‘смычок, лук’ [ЭСТЯ 2000: 210–211].

На наш взгляд, фонетически слову п.-монг. *kilar* ‘косой’ в русском языке соответствует слово *глаз*, учитывая одинаково сильную позицию согласных *r* и *j* с точки зрения звукоименизма. М. Фасмер сближает рус. *глаз* с польск. *glaz* ‘камень, скала’, *glaźny* ‘гладкий, ловкий’, *nieglaźny* ‘неловкий, ухабистый’, выявляя первоначальное значение ‘шар’ или ‘камень’, при этом, к сожалению, отрицая родство с норв. *glōsa*, *glōsa* ‘сверкать’, ср.-нж.-н. *glaren* ‘пылать, раскаляться’, ср.-в.-н. *glarrouge* ‘глаза навывате’ [Фасмер 1964: 409]. О возможности происхождения рус. *глаз* от имитативной основы в определенной степени могут свидетельствовать монгольские образные прилагательные с согласным *l*, которые в результате субстантивации приобрели значение ‘глаз’: монг. *голгор* ‘шары, zenки, бельма, буркалы, гляделки’; монг. *нүдний гялбар* ‘глазное яблоко’, а также существительное монг. *мэлмий* ‘почтит. глаза’, бур. *мэлмы* ‘высок. глаз’, ойр. М. *melmä*: ‘очи, глаза’ [БНМАУ дахь 1988: 619].

Следует отметить, что в монгольских языках также представлен значительный пласт лексем с корневым согласным *r*, характеризующих взгляд человека, реже животных (п.-монг. *sirte-* ‘смотреть, глядеть, разглядывать’, *kiraqai nidün* ‘зоркий глаз, зоркость’, *jirmayar*, *jirmeger* ‘сощуренный, узкоглазый’). Они были рассмотрены нами в работе [Сундуева 2014].

Эмоции человека. Глаза являются наиболее важными из всех органов человеческого тела, используемых для передачи информации, по ним можно определить оттенки эмоционального состояния, судить о чувствах человека и его душевных качествах. Хотя глазное яблоко как таковое ничего не

выражает, человек может эмоционально воздействовать с помощью глаз благодаря способам их использования в комплексе с мимикой лица. Взглядом человек может передать свои чувства: любовь и ненависть, восхищение или презрение, благодарность, сожаление и т. д.

Как считают психологи, проявление многогранных чувств и эмоций на разных уровнях деятельности, их способность к слиянию исключают возможность простой их классификации. Это объясняется недостаточной изученностью самой их природы. Учитывая объективные обстоятельства, в связи с которыми возникают чувства, К. Шнайдер отмечает, что всякая эмоция непременно касается чего-то, имея характер реакции. Это нечто может быть трех видов: состояние, сам субъект или некто другой. Отсюда три вида эмоций: эмоции состояния; эмоции, направленные на себя и эмоции, направленные на других. Эмоции могут приятными и неприятными [Основные классы эмоций].

В рассматриваемом нами материале выявлены все три типа эмоций, выражаемых при помощи взгляда. При этом преобладают неприятные эмоции состояния: злость (монг. *голго голго хий-*, бур. *ёлог-ёлог гэ-* 'бросать сердитый взгляд, коситься', бур. *ёлбой-* 'сердиться, коситься'); неприязнь (бур. *ёлогор муухай* 'неприязненный, холодный (о взгляде)', калм. *кулы-* 'смотреть косо, недружелюбно' [КРС 1977: 321], бур. *хултагаша-* 'бегать глазами, быть неприветливым', бур. *хулзэ-* 'смотреть исподлобья'); гнев (ср.-монг. *kiling* [Rachewiltz 1972: 167], п.-монг. *kiling* 'гнев, ярость' [Kowalewski 1849: 2530], монг. *хилэн*, бур. *хилэн*, калм. *хилң*, ойр. Синьцз. *килең* 'гнев, ярость; злость'). Страх эксплицируется в ойр. Синьцз. *зелмээ-* 'осматриваться с опаской, озиаться боязливо', поскольку бегающий взгляд говорит о болезненной чувствительности и возбудимости, ощущении неопределенного чувства угрозы.

Состояние апатии передается с помощью монг. *гөлөр* 'болезненное состояние полного безразличия; апатичность', *гөлөөн* 'ступор, состояние резкой угнетенности'. Значение медицинского термина *гөлөрдөг өвчин* 'депрессия, апатия' связано с тем, что человек, находящийся в депрессии, часто подолгу смотрит в одну точку.

Значение глаголов бур. *голхой-*, *голхой-* в «Бурятско-русском словаре», на наш

взгляд, ошибочно определено как 'торчать' [БРС 2006: 215]. К ним дан следующий пример употребления: *ямаршье анхаралгүй голхойжо байха* 'стоять, не обращая ни на что внимания'. Вероятно, значение 'торчать' продиктовано тем, что в подобном контексте используется глагол *ёдой-* 'торчать'. В рамках проводимого исследования можно уточнить значение глагола *голхой-* как 'смотреть без интереса, отсутствующим / потухшим взглядом'.

Вероятно, значение глагола п.-монг. *γol-, γolu-* 'страшиться чего-л.; избегать, отвращаться от чего-л., гнушаться, презирать' [Kowalewski 1849: 1032], монг. *гол-*, бур. *голо-*, калм. *хол-*, ойр. Синьцз. *хол-* 'считать недостойным, плохим, быть недовольным тем, что дают, не удовлетворять'; прилагательного монг. *голонгуй* 'недовольный, недовольствованный' (*голонгуй хари* 'брезгливый взгляд') также продиктовано недовольным выражением взгляда человека. Корень *γol* прослеживается в монг. *голс голс хийх* 'тускло поблескивать, мерцать', *голсхийх* 'мутно, тускло блеснуть, едва светиться'. В «Этимологическом словаре алтайских языков» протомонгольская форма **golu-* 'презирать, не любить' сопоставляется с прототунгусо-маньчжурской формой **gil-* 'ныть, болеть (о сердце, ране); грустить, досадовать, негодовать' и протояпонской **kārāpā-* 'терпеть, выносить' [Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 555]. Как видно, в приводимых параллелях номинация не связана с восприятием взгляда, в них акустико-артикуляционные характеристики звукового облика соотносятся с сенсорно-эмоциональным состоянием денотата.

Из эмоций, направленных на себя, представлена лишь такая неприятная эмоция, как чувство вины: монг. *гөлөлз-* 'смотреть виновато; потупить взор; не знать, с какими глазами показаться', бур. *гэльбэр-гальбар хара-* 'потупившись, смотреть виновато'. В данном случае гласные *ö / e*, равно как и в случае с апатией, "отражают" тусклый взгляд, сопровождающий данные эмоции, а также выражающий смущение, стеснение, недостаток уверенности. В рассматриваемом материале отображена и эмоция, направленная на других: удивление (бур. *гэлы-* 'удивляться', монг. *гөлрө-* 'обомлеть; поразиться, остолбенеть', монг. *мэлрэ-* 'столбенеть (от удивления)': *нүд мэлрэв* 'глаза вышли из орбит').

Закключение. Таким образом, приведенные примеры подтверждают, что «обозначения звуков, движений и световых эффектов, о которых говорят многие исследователи, составляют признанную и едва ли не самую характерную часть звукоизобразительной лексики» [Воронин 1982: 112]. Рассмотрение признаков образных корней с «прозрачной» семантикой позволяет выявить этимон и реконструировать развитие значения в так называемой базовой лексике. С помощью такого подхода открываются перспективы для исследований в области психолингвистики, этимологии и лексической семантики монгольских языков. Образные слова — это уникальный ключ к раскрытию сути номинационных процессов в базовой лексике монгольских языков.

Литература

- Ашмарин 1925 — *Ашмарин Н. И.* Подражание в языках Среднего Поволжья // Известия Азербайджанского гос. ун-та. Сер. Общественные науки. Баку, 1925. Т. 2–3. С. 143–158.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 3. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БРС 2006 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 636 с.
- Воронин 1982 — *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Основные классы эмоций — Основные классы эмоций [электронный ресурс] // Общая психология. Гл. 4. URL: <http://www.rusmedserver.ru/med/obschaya/53.html> (дата обращения: 14.12.2018).
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. I–II. Труды Института востоковедения [АН СССР], XIV. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. 453 с.
- Сундуева 2014 — *Сундуева Е. В.* Образные характеристики взгляда в монгольских языках // Чингис-хаан ба өнөөгийн дэлхий ертөнц. Улаанбаатар: «МОНСТ» ХХК, 2014. Х. 38–40.
- Фасмер 1964 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. В 4-х т. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.

Сокращения

- англ. — английский
 бур. — бурятский
 бур. Барг. — баргузинский говор бурятского языка
 калм. — калмыцкий
 монг. — халха-монгольский
 нем. — немецкий
 норв. — норвежский
 ойр. Синьцз. — язык ойратов Синьцзяна
 п.-монг. — старописьменный монгольский
 польск. — польский
 рус. — русский
 ср.-в.-н. — средневерхненемецкий
 ср.-монг. — среднемонгольский язык
 ср.-нж.-н. — средненижненемецкий
 эвенк. — эвенкийский

- Чимитдоржиева 2006 — *Чимитдоржиева Г. Н.* Влияние тунгусо-маньчжурских языков на бурятский язык // История развития бурятского языка. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2006. С. 65–101.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 149 с.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». М.: Индрик, 2000. 259 с.
- БНМАУ дахь 1988 — БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1988. 943 тал.
- Kałużyński 1961 — *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache [Mongolian elements in the Yakut language]. Warsaw: State Publ. House, 1961. 170 p. (In Germ.)
- Kowalewski 1849 — *Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français [Mongolian-Russian-French dictionary]. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1849. Vols. I–III. 2690 p. (In Rus., Mong. and French)
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I.* Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p. (In Eng.)
- Sadowski 2001 — *Sadowski P.* The Sound as an Echo to the Sense. The Iconicity of English gl- Words. *The Motivated Sign. Iconicity in Language and Literature 2.* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Pp. 69–88. (In Eng.)
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Dolganischer Wortschatz [Dolgan dictionary]. Kraków: Jagiellonian Univ., 1993. 264 p. (In Germ.)

- Starostin, Dybo, Mudrak 2003 — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p. (In Eng.)
- References**
- Ashmarin N. I. *Podrazhanie v yazykax Srednego Povolzh'ya* [Onomatopoeia in languages of populations inhabiting the Middle Volga Region]. *Izvestiya Azerbaydzhanskogo gos. un-ta*. Ser. 'Social Sciences'. Baku, 1925. Vol. 2-3. Pp. 143–158. (In Rus.)
- BNMAU dax' mongol xelnij nutgijn ayalguuny tol' bichig* [Dialect dictionary of the Mongolian language spoken in the MPR]. Vol. 2. Oirat dialect. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1988. 943 p. (In Mong.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 1–4. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Rus. and Mong.)
- Chimitdorzhieva G. N. Influence of Manchu-Tungus languages on the Buryat language. *Istoriya razvitiya buryatskogo yazyka*. Ulan-Ude: Buryat Sc. Cent. (Sib. Branch of RAS), 2006. Pp. 65–101. (In Rus.)
- Etimologicheskij slovar' tyurkskix yazykov. Obshchetyrskie i mezhtyurskie leksicheskie osnovy na bukvu «K»* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic stems beginning with the letter 'K']. Moscow: Indrik, 2000. 476 p. (In Rus.)
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Transl. from Germ. Moscow: Progress, 1964. Vol. 1. 562 p. (In Rus.)
- Kalmytsko-russkii slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkij Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Rus.)
- Kałużyński 1961 — *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache [Mongolian elements in the Yakut language]. Warsaw: State Publ. House, 1961. 170 p. (In Germ.)
- Kowalewski 1849 — *Kowalewski J. E.* Dictionnaire mongol-russe-français [Mongolian-Russian-French dictionary]. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1849. Vols. I–III. 2690 p. (In Rus., Mong. and French)
- Osnovnye klassy ehmocij* [Basic classes of emotions]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 14 December 2018). (In Rus.)
- Poppe N. N. *Mongol'skij slovar' Mukaddimat al-Adab* [Mukaddimat al-Adab: a dictionary of Mongolian]. Parts I–II. *Trudy Instituta vostokovedeniya [AN SSSR]*. XIV. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1938. 453 p. (In Rus.)
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I.* Index To The Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana University, 1972. 347 p. (In Eng.)
- Sadowski 2001 — *Sadowski P.* The Sound as an Echo to the Sense. The Iconicity of English gl- Words. *The Motivated Sign. Iconicity in Language and Literature 2*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Pp. 69–88. (In Eng.)
- Shagdarov L. D. *Izobrazitel'nye slova v sovremennom buryatskom yazyke* [Imitative words in the contemporary Buryat language]. Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1962. 149 p. (In Rus.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Vol. 1–2. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. 635 p. (In Rus. and Bur.)
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Dolganischer Wortschatz [Dolgan dictionary]. Kraków: Jagiellonian Univ., 1993. 264 p. (In Germ.)
- Starostin, Dybo, Mudrak 2003 — *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 2096 p. (In Eng.)
- Sundueva E. V. Imitative characteristics of glance in Mongolic languages. *Chingis-xaan ba önöögijn delxij ertöncz*. Ulaanbaatar: MONST Ltd., 2014. Pp. 38–40. (In Rus.)
- Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1982. 244 p. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 57–68, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-57-68
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3

Общемонгольская лексика в названиях предметов одежды и украшений в «Сокровенном сказании монголов»

Анна Владимировна Мазарчук¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., г. Санкт-Петербург 199053, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник, отдел языков РФ
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3679-2858>. E-mail: anja_av@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается лексика, использованная в самом раннем из ныне известных монгольских литературных памятников — «Сокровенном сказании монголов» для обозначения предметов одежды и украшений. Суть исследования заключалась в том, чтобы собрать воедино лексику обозначенной семантической группы, выяснить, если это возможно, этимологию рассматриваемых лексических единиц или хотя бы найти их параллели в современных монгольских языках — халха-монгольском, бурятском и калмыцком. На основе собранного материала предполагалось сделать выводы относительно общемонгольской природы описываемой лексики и особенностей процесса сложения пласта бытовой лексики в монгольских языках. Начиная с XIX в., когда «Сокровенное сказание» было впервые представлено научному миру Европы архимандритом Палладием (Кафаровым), были опубликованы десятки научных трудов, посвященных данному памятнику. Тем не менее нам не удалось найти работы, в которых бы отдельно рассматривалась бытовая лексика XIII в., нашедшая отражение в «Сокровенном сказании», в то время как подобное исследование могло бы пролить свет на вопросы, касающиеся «алтайской проблемы». Статья призвана частично восполнить этот пробел. Автор рассматривает следующие лексические единицы: *deel/degel* 'монгольский национальный халат, одежда', *qubčasun/qubča* 'одежда', *emüsgel* 'одеяние, одежда', *daqu* 'доха', *örmüge/örmege* 'армяк, сукно', *nemürge* 'плащ (от дождя)', *heligeböi* 'набрюшник (род жилетки)', *emüdin* 'штаны', *čatča* 'рубашка, сорочка', *dotoqji* 'исподнее', *büse* 'пояс, кушак', *γudusu(n)* 'обувь, сапог, башмак', *jaqa* 'ворот, воротник', *qancu(n)* 'рукав', *qormoi* 'подол, пола', *maqalay* 'шапка, головной убор', *eemeg* '(ушные) кольца'. Выяснилось, что корни всех перечисленных слов относятся к общемонгольской лексике, а, кроме того, слова *daqu* 'доха', *örmüge/örmege* 'армяк, сукно', *jaqa* 'ворот, воротник' имеют родственные общетюркские эквиваленты.

Ключевые слова: монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, «Сокровенное сказание монголов», лексика, одежда, обувь, украшения, общемонгольская лексика, тюркские языки

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-24-03001-ОГН

Для цитирования: Мазарчук А. В. Общемонгольская лексика в названиях предметов одежды и украшений в «Сокровенном сказании монголов». *Oriental Studies*. 2019;(1):57-68. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-41-1-57-68>

Common Mongolic Lexis Denoting Clothes and Headgear in *The Secret History of the Mongols*

Anna V. Mazarchuk ¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Bystr., St. Petersburg 199053, Russian Federation)

Junior Research Associate, Department of Languages of Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3679-2858>. E-mail: anja_av@rambler.ru

Abstract. The article deals with the vocabulary which was used for the denotation of pieces of clothing and adornments in *The Secret History of the Mongols*. The study aims to analyze — where possible — the etymology of the lexical items in question or, at least, if the relevant data are not available, find respective lexical parallels in the modern Khalkha, Buryat and Kalmyk languages, figure out whether they belong to the common Mongolic vocabulary, and draw conclusions concerning the way the layer of household vocabulary has been formed in the Mongolic languages. Being the oldest surviving literary work in the Mongolian language, *The Secret History of the Mongols* has been thoroughly studied, and dozens of articles, monographs and other works of scholarship have been published since the 19th century when this written artifact was introduced into European scientific discourse by Palladius (Kafarov), a Russian Orthodox monk and, by a twist of fate, one of the first Russian sinologists. Still, there are no lexical studies specifically focusing on the 13th-century household vocabulary which has left traces in *The Secret History of the Mongols*, while research of that kind could give clues to the so called ‘Altaic problem’. The article is intended to fill this gap (partially). The paper examines the following lexical items: *deel/degel* ‘long garment, dress, gown, robe; clothes’, *qubčasun/qubča* ‘clothes’, *emüsgel* ‘garment’, *daqu* ‘coat with fur outside’, *örmüge/örmege* ‘overcoat, bast mat’, *nemürge* ‘raincoat’, *heligebči* ‘abdominal band’, *emüdiin* ‘pants’, *čamča* ‘shirt’, *dotoaji* ‘underwear’, *büse* ‘belt’, *γudusu(n)* ‘footwear’, *jaqa* ‘collar’, *qancu(n)* ‘sleeve’, *qormoi* ‘bottom of one’s item of clothing’, *maqalay* ‘hat’, *eemeg* ‘earring’. It has been found that all the words listed have common Mongolic stems, and the words *daqu* ‘coat with fur outside’, *örmüge/örmege* ‘overcoat, bast mat’, and *jaqa* ‘collar’ are related to their common Turkic equivalents.

Keywords: Mongolic languages, Khalkha, Buryat, Kalmyk, *The Secret History of the Mongols*, vocabulary, clothes, footwear, adornments, common Mongolic, common Turkic

Acknowledgements: Research was granted by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of project № 16-24-03001-ОГН

For citation: Mazarchuk A. V. Common Mongolic Lexis Denoting Clothes and Headgear in *The Secret History of the Mongols*. *Oriental Studies*. 2019;(1):57-68. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-57-68

«Сокровенное сказание монголов», или «Тайная история монголов» (монг. *Монголын нууц товчоо*) — самый ранний из известных науке литературных монгольских письменных памятников. В самом тексте указано, что он был составлен в год Мыши. Существуют разные интерпретации этой даты¹, но в современном монголоведении принято считать, что это 1240 год. Как бы то ни было, для данного исследования не принципиальна точная (до года) датировка — важно то, что текст был написан в XIII в., а значит: перед нами памятник среднемонгольского языка, и лексика, использованная в произведении, позволяет судить о словарном составе монгольского языка того периода. В этой статье дано описание терминов, обозначающих предметы одежды.

В тексте «Сокровенного сказания» лексика рассматриваемой семантической группы не слишком частотна, однако некоторые названия предметов одежды, важных для повествования, могут повторяться. Так, соболя доха, переданная Цотан — матерью Борте, невесты Темуджина — в качестве дара (*šidküil*) для матери Темуджина Оэлун упоминается десять раз. Эта доха из черного соболя сыграет важную роль в установлении отношений между Темуджином и побратимом его отца Ван-ханом. Согласно монгольским традициям, свадебный дар *šidküil* невеста подносила своим будущим свекрови и свекру [Cleaves 1982: 32] — таким образом, передав соболю доху Ван-хану, будущий Чингисхан показал, что относится к нему, как к отцу. Такое проявление сыновьей почтительности глубоко тронуло Ван-хана, и он обещал Темуджину помочь в восстановлении власти, а некоторое время спустя — в возвращении Борте из меркитского плена:

§ 96. *Seⁿgür qoroqan-aca newü=jü Kelüren müren-ü teriün Būrgi ergi-de nuntuqla=n bawu=jü Cotan Eke-yin šidküil kee=n qara*

¹ Например, в переводе «Сокровенного сказания монголов», составленном Ф. Кливзом, к фразе *in the year of the rat* ‘в год Крысы’ (в монгольской традиции — год Мыши) дано пояснение: «(1228)» [Cleaves 1982: 228]. Также о датировке см.: [Палладий 1866: 16–17].

buluqan daqu abcira=ju bü=lee. Tere daqu-yi Temüjin Qasar Belgütey qurban ab=cu od=cu <...> buluqan daqu ög=BA. Oⁿ qan maši bayas=cu ügüle=rün Qara buluqan daqu-yin qariuqaqaca=qsan ulus-i cin-u qamtud=qa=ju ög=sü. Buluqan daqu-yinqariu butara=qsan ulus-i cin-u bügüd=ke=ldü=jü ög=sü. ‘Откочевав от реки Сенгур, они разбили лагерь у яра Бурги на реке Керулен; Цотан в качестве подношения для матери принесла доху из черного соболя. Взяв ту доху, Темуджин, Хасар и Бельгутей отправились. <...> отдал соболю доху. Ван-хан, очень обрадовавшись, сказал: «[В] ответ на доху из черного соболя объединю твой расколотый народ. [В] ответ на доху из черного соболя возвращу твой рассеянный народ»².

§ 104. *Buluqan daqu na-da abcira=run 'Ecige-yin caq-un anda kee=ldü=gsen ecige metü bu=yu~ @je' kee=n emüs=ge=gde=esü tende bi ügüle=rün 'Buluqan daqu-yin qariu butara=qsan ulus-i cin-ubügüd=ge=ldü=jü ög=sü; qara buluqan daqu-yin qariu qaqaqa=qsan ulus-i cin-u qamtud=qa=ldü=ju ög=sü' kee=n 'Cekere-yin ceeji-tür a=tuqay; bököre-yin böge-tür a=tuqay' ese@ü: kee=lee bi.Edöe tere üge-dür-iyen güre=ün buluqan daqu-yin qariubügüde Merki+d-i bürel=tele Börte-ün-i cin-u abura=juög=sü bi; qara buluqan daqu-yin qariu qamuq Merki+d-i qaltaci=ju qatun Börte-yi cin-u qari=ul=ju abcira=ya bida.* ‘Принес мне соболю доху. Когда [ты меня] облачил [в неё], говоря: «[Поскольку ты] тогда назвался побратимом моего отца, [ты мне] как отец», — я сказал: «[В] ответ на доху из черного соболя объединю твой расколотый народ. [В] ответ на доху из черного соболя возвращу твой рассеянный народ». Разве я не сказал: «Пусть [мое обещание] будет [у меня] глубоко в груди, пусть [мое обещание] будет [у меня] в самих почках»? Теперь, следуя этим словам, [в] ответ на доху из черного соболя полностью разобью меркитов и спасу твою Борте, [в]

² Здесь и далее текст приводится в транслитерации Дж. Стрита [Street 2013]. При переводе автор статьи ориентировался на переводы С. А. Козина [Козин 1941] и Ф. Кливза [Cleaves 1982].

ответ на доху из черного соболя разобью всех меркитов и возвращу твою Борте.’

Кроме того, слово *daqu* встречается еще в одном случае:

§ 152. *Erde üdür ke:=esü doloan nasu-tu-yi Merki+d irgen dawuli=ju od=cu qara alaq ešigedaqu emüs=ge=jü Sele"ge-yin Buura_keer-e Merki+d-ünaur nödü=be~ @gü.* ‘В семилетнем возрасте его угнали в плен Меркиты, и там он, в **кожухе из черного козленка**, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толк ведь просо в Меркитских ступах’.

Слово письм. монг. *daqu* ‘шуба, вывернутая мехом наружу’ дошло и до наших дней: в халх. *дах* ‘доха, меховая шуба’, бур. *даха* ‘доха, зимний тулуп’, калм. *дах*³ ‘шуба с мехом наружу, пальто’ < **daku* ‘шуба, вывернутая мехом наружу; плащ’ [Nugteren 2011: 311]. В [Nugteren 2011: 311] указано, что это слово является родственным тюрк. **yagku* с аналогичным значением, образованным от тюрк. **yag* ‘дождь’.

Слово письм. монг. *örmüge* ‘армяк’ употреблено в тексте «Сокровенного сказания» три раза — два из них в практически одинаковом контексте, но написание этого термина в первом и во втором случае различается:

§ 95. <...> *bögötür qo"qor-i unu=ad boro örmüge-ben bögtür=üed Belgütey-lüe ire=BA.* ‘<...> пришел вместе с Бельгüteем, прискакав на горбатом саврасом коне и навьючив [сзади седла] серый **армяк**’.

§ 205. <...> *bökötür qo"qor-i unu=ju boro~örmege-ben bögtür=cü nököce=n ire=esü* <...> ‘<...> присоединился, прискакав на горбатом саврасом коне и навьючив [сзади седла] серый **армяк**’.

Как известно, «Сокровенное сказание монголов» дошло до нас в виде текста, записанного китайскими иероглифами, поэтому можно допустить с небольшой долей вероятности, что разночтение связано с возможностью неоднозначного прочтения иероглифов, но, скорее всего, переписчик отразил действительно существовавшие в середине XIII в. варианты произношения.

В современном монгольском языке слово *өрмөг* имеет несколько значений. Это не только название предмета одежды «армяк», но и термин, обозначающий вид ткани —

рогожа, дерюга. Встречается оно и в калмыцком языке: *өрмг* ‘армяк, шинель’, *örmög* ‘вид пальто или длинное грубое крестьянское платье’ [Ramstedt 1935: 300a], и в боханском диалекте бурятского языка — *ур-мэгэ* ‘половик’. В письм. монг. слово *örmög* имело значение ‘шерстяная ткань, грубое сукно’. Именно в нем оно употреблено в третьем примере:

§ 249. *Örmege neke=jüaurasun bol=qa=ju ög=sü.* ‘Соткем **сукно**, сделаем [из него] вещи и отдадим [их ему]’.

Восходит это слово к форме **örmege* ‘вид грубой ткани’ [Nugteren 2011: 476]: ср. др. тюрк. *ör-* ‘плести’, *örmäk* ‘название одежды’ [ДТС 1969: 388, 389; ЭСТЯ 1974: 544–545]). В халха-монгольском и письменном монгольском языке слово *örmög* имеет также вариант основы, начинающийся на *n*⁴: халх. *нүрмэг* ‘шерстяная ткань, тоньше и лучше, чем сукно; тонкий камлот’ и письм. монг. *nörmüge* ‘сукно, ткань». Как мы видим, семантика этих основ претерпела определенное развитие и стала отличаться от семантики исходной основы (без *n*-).

Из названий верхней одежды в «Сокровенном сказании монголов» упоминается также письм. монг. *nemürge* ‘плащ (от дождя)’:

§ 205. *nemürge-ben nemür=ügse-er min-u deere qura~ ülü~ cuburi=ul=un söni daus=tala bayi=ju öreele köl-iyen qaqsanda yeüdkе=jü bü=lee ci.* ‘Ты покрыл меня своим **плащом** и, чтобы на меня не капал дождь, целую ночь стоял и единственный раз переменял ногу’.

Это один из тех случаев, когда внутренняя форма слова делает его значение очевидным. Перед нами дериват глагольной основы письм. монг. *nemür-* ‘накрываться’. Аффикс *-ge/-gen* (*-ya/-yan*) в монгольском словообразовании используется для образования имен существительных от глагольных основ [Бобровников 1849: 62–63].

Основа письм. монг. *nemür-*, по всей видимости, имеет отношение к общемонгольской форме **nembe-/nemle-* ‘накрывать’ [Nugteren 2011: 454]. В халха-монгольском и бурятском языках есть как термин «плащ», соответствующий письм. монг. *nemürge*, так и рассматриваемая глагольная основа: халх. *нөмрөг* ‘1. все, что накидывается на плечи для защиты от дождя,

⁴ Явление не слишком распространенное, но всё же встречающееся в монгольском языке — см.: [Владимирцов 1929: 350–351].

³ Слово отсутствует в словаре [Муниев 1977], но зафиксировано в [Ramstedt 1935: 72b] в написании *дах* и в онлайн-словаре Multitran.ru в словарной статье калм. *дааһна эрсн дах* ‘доха из жеребьячьей шкуры’ [Мультитран].

холода и т. д.: накидка, плащ, дождевик, бурка, халат, покрывало; 2. дамская мантия; 3. попона⁵, халх. *нөмрө* – ‘накрываться’ (ср. **nembe-/nemle-* > халх. *нэмнэ* – ‘покрывать попоной’, халх. *нэмнээ* – ‘попона, покрывало, войлок, которым покрывают скотину зимой и весной от холода и непогоды’); бур. *нэмэргэ* – ‘1. накидка, покрывало, попона (для лошадей); 2. бур. бох. покрытый материей тулуп’; бур. *нэмэри-* – ‘1. набрасывать на плечи (накидку, плащ), надевать (напр., тулуп на шубу); 2. накрывать, покрывать (напр., лошадь попоной)’ (ср. **nembe-/nemle-* > бур. *нэмнэ* – ‘накидка, покрывало, попона’, бур. *нэмнэ* – ‘накидывать (попону), покрывать (попоной, накидкой лошадь, новотельную корову)’). В калмыцком языке существует слово *немнэ* ‘накидка, покрывало, попона’, восходящее к праформе **nembee* ‘покрывало, одеяло’ [Nugteren 2011: 455]. Непосредственное соответствие письм. монг. *netürge* зафиксировано только в [Ramstedt 1935: 275] — *nemrgä* ‘покрывало, обертка, покров, одеяло’.

Точно так же по внутренней форме слова можно судить о значении термина *heligebci* ‘набрюшник (род жилетки)’ (письм. монг. *eligebci*⁵ ‘нагрудник’). В «Сокровенном сказании» одежда такого рода была надета на маленьком мальчике, которого нашли на разграбленном татарском стойбище:

§ 135. *Altan eemeg dörebci-tü dasi torqan buluqa-ar dotorla=qsan heligebci-tüüciügen köüken-i abcira=ju* <...>. ‘Привезли маленького мальчика в подбитой сободем парчовой **жилетке** на шнурах с золотыми кольцами <...>.’

Корень этого слова — письм. монг. (*h*)*el-ige* ‘печень’. Аффикс *-bci* используется при образовании существительных, которые, как пишет А. А. Бобровников, служат «прикрытием (в материальном смысле) для другого предмета» [Бобровников 1849: 56]. То есть письм. монг. *eligebci* — это, буквально, то, что прикрывает *elige* — ‘печень’. Само слово *elige* ‘печень’ общемонгольское, восходит к **heligen* ‘печень’ [Nugteren 2011: 353].

В современном монгольском языке слово халх. *элгэвч* имеет несколько значений: 1. слонявчик, 2. попона, привязываемая к животу ягнят и козлят, чтобы защитить их от холода, 3. доспех, защищающий

грудь, 4. широкий теплый пояс, набрюшник, 5. предмет, который высшие военные чины прикрепляют в районе печени [МТ]. В БАМРС даны значения ‘набрюшник (род жилетки), передник’ [БАМРС 2002: 406]. В бурятском языке бур. *эльгэбишэ* означает ‘1. широкий пояс, набрюшник, бандаж; 2. (иногда) передник’ [БРС 1951: 729]. В калмыцком языке значения похожие: *элквч* ‘передник, фартук’.

Кроме конкретных названий верхней одежды, в «Сокровенном сказании» встречаются и гиперонимы *deel/degel* ‘монгольский национальный халат, одежда’, *qubcasun/qubca* ‘одежда’ и *emüsgel* ‘одеяние, одежда’. Эти общемонгольские термины были подробно рассмотрены в статье автора [Мазарчук 2017а: 180–189]. Здесь же приведем примеры, встретившиеся в тексте памятника:

- *deel*

§ 106. <...> *qata"qu~ deel-iyen emüs=BA bi<...>* ‘<...> я надел свою жесткую **дэль**⁶ <...>’.

§ 112. <...> *eke in-u nabtarqay nekey~ deel-tey jewün eüte-ber qar=uad* <...> ‘<...> его мать в изношенной **дэли** из овчины вышла через левую дверь <...>’

§ 33. <...> *beye teriü-tüdeeljaqa-tu sayin* <...> ‘<...> хорошо, [когда] тело с головой, а **дэль** с воротником <...>’

§ 114. *Uduyi+d Merki+d dürbe=rün buluqan maqalay-tu maral-un qodun qudusu-tu ilkin~ jarqag usun-u buluqan jalqa=qsan deel-tü tabun nasu-tu Kücü nere-tü nidün-dür-iyen qal-tu köüken-i bidan-u ceri+üd nuntuq-tur qocor=uqsan-i ol=ju abcira=ju Höelün eke-de sawqa ab=cu od=cu ög=BAy.* ‘Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в соболей шапочке, в сапогах из маралых лапок и в **дэли**, подобранной из беленых обрезков соболиных шкурок. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ’.

§ 216. *Beki ergüed caqaan deel emüs=cü caqa:n aqta unu=ul=jusauri deere sau=:l=ju taki=ju basa hon sara sata=ju teyin a=tuqay.* ‘По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую **дэль**, посадят на белого

⁶ С. А. Козин в данном случае перевел слово *deel* как «тулуп» [Козин 1941: 101], что в очередной раз указывает на широту значения этого слова.

⁵ Наличие начального спиранта *h-* характерно для монгольского языка XIII–XIV вв. [Поппе 1938: 44].

коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы’.

§ 146. <...> *dabaan deere niken hulaan deel-tü eme~ güün Temüjin @je kee=n yekedawu-ar qayila=n uyila=n bayi=quyi C'igis qahan öestün sonos=cu<...>* ‘В это время Чингис-хан услышал какую-то женщину в красной **дэли**, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами, вопила: ‘Сюда, Темучжин!’

§ 181. *Degel-tü törö=gsen köün bi a=juu~ @je*. ‘Я родился в **дэли**’.

§ 238. <...> *altan büse-yin qorgi+d-aca al~deel-ün hürtesün-ece ol=uasu dab-tuar köün cin-ubol=ju gücü ög=sü* ‘<...> Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскута от своей алой **дэли**?’.

§ 145. *Tende-ce Jelme maqalay qudusun deel~ qubcasun-ıyan bügüde-yi tal=ju <...>*. ‘Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и сапоги, и **верхнюю одежду** <...>’

- *qubčacu(n)*

§ 229 (а также в §278). <...> *emüs=ügsen qubcasun selte kebteül ab=tuqay*. ‘<...> пусть охранники забирают вместе с надетой **одеждой**’.

§ 145. *Tende-ce Jelme maqalay qudusundeel~ qubcasun-ıyan bügüde-yi tal=ju qaqca dotoaji-tucurama~ nicügün šitü=ldü=jü bayi=qu+n dayin dotora-un güyi=jü cinana güre:le=gsen irgen-ü tergen-tür an-u unu=ju esü+üd erijü yada=ju -dürbe=rün geü+d-ıyen ülü saa=n talbi=gsa+d a=juu -esüg~ ol=un yada=ju niken yeke bürıe-tey tara q tergen-ece in-u ab=uad ergü=jü ire=be*. <...> *qubcasun min-u bügüde-yi tal=ju qaqca emüdüın tal=ua üdüüıy-e mültü=s alda=ul=ju dan-tur edüıy idüre=jü ire=be bi’ kee=gü bü=lee*. <...> *Nama-yi ünen bol=qa=ju qubcasun na-da ög=cü asara=qu bü=lee*. ‘Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку, и сапоги, и **верхнюю одежду**. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его. <...> Я бы сказал: «Они сняли с меня всю **одежду** — одни штаны осталось снять, как мне удалось бежать к вам». <...> Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы **одежду** и приняли к себе.’

§ 189. *Mo"qol irgen hünür mawu-ta+n qubcasu baratu-ta+n bü=leey*. ‘У монгольских подданных неприятный запах и **одежда** темная’.

§ 136. *Auru+ud-tur qocor=uqsan-i Jürki+n tabinharan-u qubcan tono=juuy*. ‘Из оставленных в тыловом лагере, чжуркинцы похитили **одежду** пятидесяти человек’.

- *emüsgel*

§ 96. *Ecige @gü metü bu=yu~ @je’ kee=jü gersey bawu=:l=ju emüsgel cima-da abcira=BA*. ‘[Ты мне] как отец — женившись, [я] принес тебе **одежду**’.

Кроме верхней одежды, в «Сокровенном сказании» упоминается и нательное белье — письм. монг. *čamča* ‘рубашка, сорочка’ и письм. монг. *dotuyıjı* ‘нижнее (белье)’:

§ 55. *camca-ban mültü=jü <...>*. ‘[она] скинула свою **рубашку** <...>’.

§ 145. <...> *qaqca dotoaji-tucurama~ nicügün šitü=ldü=jü <...>* ‘<...> оставшись голым, в одном только **исподнем** <...>’

Слово письм. монг. *čamča* ‘рубашка, сорочка’ (< **čamča*) общемонгольское, встречается в халха-монгольском (*цамц* ‘рубашка, рубашка, сорочка’), бурятском (*самса* ‘рубашка, рубашка, сорочка’), калмыцком (*цамца* ‘рубашка’ (уст.)), а также в дагурском языке (*činc* ‘одежда без подкладки’) [Nugteren 2011: 299]. Что касается термина письм. монг. *dotuyıjı* ‘нижнее (белье)’, то однокоренные ему слова, восходящие к **dota-r* ‘внутренняя сторона’, в том или ином виде существуют во всех монгольских языках [Nugteren 2011: 318]. Само слово письм. монг. *dotuyıjı* значением ‘нижнее белье’, если говорить о современных идиомах, зафиксировано только в словарях халха-монгольского и калмыцкого языков: халх. *дотоож* ‘белье, брюки, штаны, подштанники, кальсоны’ и калм. *дотаж* ‘1. нижнее белье, 2. брюки, штаны (*табу*)’.

По-видимому, как нижнее белье в XIII в. воспринимались и штаны — письм. монг. *ümüdü(n)* (написание в «Сокровенном сказании» — *emüdüın*):

§ 145. <...> *qubcasun min-u bügüde-yi tal=ju qaqca emüdüın tal=ua üdüüıy-e mültü=s alda=ul=ju dan-tur edüıy idüre=jü ire=be bi’ kee=gü bü=lee*. <...>

‘Я бы сказал: «Они сняли с меня всю одежду — одни **штаны** осталось снять, — как мне удалось бежать к вам» <...>’.

Слово письм. монг. *emüdüın* (*ümüdü(n)*) происходит от **emüs-* ‘надевать, носить’

(одежду) [Nugteren 2011: 329, 330] > халх. *омс-* ‘надевать, одеваться, носить’, бур. *үмдэ-* ‘надевать, одеваться’, калм. *омс-* ‘надевать, одеваться, обуваться, наряжаться’. Его можно встретить во многих монгольских языках. Так, оно есть в халха-монгольском и бурятском: халх. *өмд(өн)* ‘штаны, брюки, панталоны’, бур. *үмдэ(н)* ‘брюки, штаны’, но отсутствует в калмыцком. По-калмыцки термин «штаны» передается словом *шалвр*. Подобное слово есть в халха-монгольском языке — *шалбар* ‘1. длинные болотные сапоги, бродни, сапоги с длинными голенищами, 2. кожаные штаны для ходьбы по воде’ (письм. монг. *šalbur* ‘бродни, кожаные штаны’). Согласно [Ramstedt 1935: 347b], это персидское слово, заимствованное в тюркские, а затем в монгольские языки.

Неотъемлемой частью монгольского национального костюма является пояс — письм. монг. *büse* ‘пояс, кушак’. Особый статус этого предмета одежды отражен и в «Сокровенном сказании»:

§ 103. *naran esergü büse-ben güjüün-dür-iyen erigele=jü maqalay-ban qar-tur-iyen seejigele=jü qar-iyen ebceün-dür-iyen möeled=cü naran жүг yistün-te sögöd=cü saculi öciüli ög=BA*. ‘Он обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой **пояс**, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув свою грудь, девятикратно поклонился солнцу и совершил кропление и молитву’.

§ 238. <...> *altan büse-yin qorgi+d-aca al-deel-ün hürtesün-ece ol=uasu dab-tuar köün cin-ubol=jü gücü ög=sü* ‘<...> Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого **пояса**, хоть лоскута от своей алой дэли?’

§ 244. *Eke mede=ed söni bö=ed udaara=n caqaan temeen köl=jü qarau-tay terge-tey söni-de düli=n yorci=jü naran urqu=quy-lua gür=üesü Ci^gis qahan Qasar-un qancu+d huya=jü maqalay büse in-u ab=cu üge in-u asaq=un bü=küy-tür eke-de gür=te=jü Ci^gisqahan geyeg=cü eke-dece emie=BA*. *Eke aurla=jü gür=cü tergen-ece bawu=ad eke öesün Qasar-un huya=qa+d qancu+d dal=jü talbi=ad maqalay büse in-u Qasar-a ög=cü* <...> ‘Мать, узнав, запрягла белого верблюда в крытую телегу. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингисхана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и **пояс**, подвергал его допросу. Будучи так накрыт

матерью, Чингисхан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава и отдала ему шапку с **поясом** <...>’.

§ 117. *Temüjin Merki+d-ün Toqtoa-yi arbila=ju ab=uqsan altan büse Jamuqa andadabüsele=ül=bAy*. <...> *Jamuqa Uwa+s Merki+d-ün Dayir usun-i arbila=ju ab=uqsan altan büse Temüjin anda-da büsele=ül=bAy*. ‘Темучжин опоясал Чжамуху золотым **поясом**, захваченным у Меркитского Тохтоа. <...> А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым **поясом**, добытым у Меркитского Даир-Усуна’.

Слово письм. монг. *büse* ‘пояс, кушак’ общемонгольское (< **büse* ‘пояс’ [Nugteren 2011: 295]). В халха-монгольском и калмыцком языках оно звучит идентично: халх. *бүс(эн)* ‘пояс, кушак, поясной ремень, ремешок’, калм. *бүс* ‘пояс, обруч’; в бурятском же языке звук *s* перешел в гортанный проточный *h*, а мягкий *y*- в некоторых случаях — в гласный *e*: бур. *бэхэ* (есть вариант *бүхэ*) ‘пояс, кушак’.

Что касается обуви, то в «Сокровенном сказании» она обозначается словом *үдусу(n)* ‘обувь, сапог, башмак’:

§ 114. *Uduyi+d Merki+d dürbe=rün buluqan maqalay-tu maral-un qodun qudusu-tu ilkin~ jarqaq usun-u buluqan jalqa=qsan deel-tü tabun nasu-tu Kücü nere-tü nidün-dür-iyen qal-tu köüken-i bidan-u ceri+üd nuntuqtur qocor=uqsan-i ol=jü abcira=jü Höelün eke-de sawqa ab=cu od=cu ög=bAy*. ‘Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники выбрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в собольей шапочке, в **сапогах** из маралых лапок и в дэли, подобранной из беленых обрезков соболиных шкур. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ’.

§ 145. *Tende-ce Jelme maqalay qudusundeel~ qubcasun-iyen бүгүде-yi tal=jü* <...>. ‘Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и **сапоги**, и верхнюю одежду <...>’.

Подробно соотношение слов *үдусу(n)* ‘обувь, сапог, башмак’ и *үтүл* ‘обувь, сапог’ рассмотрено в статье [Мазарчук 2017а: 185–186]. В халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках слову *үдусу(n)* ‘обувь, сапог, башмак’ соответствуют халх. *годос* ‘унты из кожи (снятой с ног коня или крупного рогатого скота)’, калм. *hosн* ‘сапоги’, бур. *годоһон* ‘унты’.

Кроме перечисленных видов одежды, в «Сокровенном сказании» используются термины, обозначающие элементы одежды: воротник (письм. монг. *jaqa* — также ‘ворот’ в значении ‘шея’), рукав (письм. монг. *qanču(i)*), подолили пола (письм. монг. *qormoi/qormai*). Строго говоря, слова *jaqa* и *qormoi* имеют более широкое значение: *jaqa* — это край, а *qormoi* — это нижняя часть чего-то. В тексте памятника встречаются эти слова, употребленные как в узком смысле, так и в широком.

Примеры употребления слова *jaqa* со значением «воротник»:

§ 33. <...> *beye teriü-tüdeel jaqa-tu sayin* <...> ‘<...> хорошо, [когда] тело с головой, а дэль с **воротником** <...>’.

§ 140. *Belgütey uqa=n od=cu deere in-u aqdala=ju goyar jaqa+s~ in-u solbi=n megejile=n tata=ju nirui in-u ebüdügle=jü ququl=ju ile:=be*. ‘Бельгутей всё понял, сел сверху, перехватил и зажал оба его **ворота**, изо всей силы рванул, упираясь коленями, и переломил ему позвонок’.

§ 126. *jaqa-ban bu tamtul=udqun* ‘Не обрезайте свой **ворот**’.

Примеры употребления слова *jaqa* со значением «ворот (шея)»:

§ 146. <...> *jaqa-da-ki jarbiyal mudun-i jayila=ul=uqsan ta*

‘<...> вы убрали деревянные колодки, которые были у меня на **вороте (шее)**’.

§ 201. *Jaqa-yin cin-u böesünjahî-un cin-u örgesün bol=qu bi*. ‘Я стану вошью у тебя на **вороте**, колючкой у тебя в подкладке’⁷.

Примеры употребления слова *jaqa* со значением «край»:

§ 229. *Kebteül-ün jaqa^un yabu=tuqay. Kebteül-ün dege^ün yabu=qu+n jaqa^un yabu=qu+n haran-i kebtelbari=tuqay*. ‘Пусть ходят за **краем** [постов] охраны. Пусть стража хватает тех, кто ходит рядом с [постами] охраны и по **краю** [постов] охраны’.

Примеры употребления слова *qormoi* со значением «подол»:

§ 254. <...> *qancu-ban derele=jü qormay-ban debüs=cü* <...> ‘<...> рукав клал вместо подушки, подстилал **полу** <...>’.

§ 266. *Sayi+d öki+d-i an-u ös=ge=jü eme+s-i-yen qormay jasa=ul=udqun*. ‘Воспитывайте благородных девушек, чтобы они чинили **подолы** ваших жен’.

Примеры употребления слова *qormoi* со значением «нижний край, подножие»:

§ 195. *Qacir usun-aca gödöl=jü Tamir huruu yabu=ad Orqon-i ketül=jü Naqu qun-u doronaji qormay daari=n Cakirma+ud gür=cü ayisu=quy-tur Ci^ngis qahan-u qaraul üje=jü* <...> *Nayman Cakirma+ud-aca icu=ju Naqu qun-u ebür aula-yin qormay kiji=n bayi=juuy*. ‘И он тронулся с Хачир-усуна, прошел вниз по Тапиру, переправился через Орхон и, следуя по **нижнему краю** Наху-гуна, подошел к Чахирмаутам. Тут приближение Найманов заметил Чингис-ханов дозор <...> Отойдя от Чахир-маудов, Найманы расположились по южному **подножию** Наху-гуна’.

Слово письм. монг. *qancui* ‘рукав’ имеет только одно значение:

§ 254. <...> *qancu-ban derele=jü qormay-ban debüs=cü* <...> ‘<...> рукав клал вместо подушки, подстилал **полу** <...>’.

§ 244. <...> *Ci^ngis qahan Qasar-un qancu+d huya=ju* <...> *eke öesün Qasar-un huya=qa+d qancu+d dal=ju talbi=ad* <...> ‘<...> Чингисхан связал рукава Хасара. <...> Мать в гневе развязала **рукава** Хасара <...>’.

§ 245. <...> *jirgoan Qo^qota+n köü+d in-u eüten boso=ju qolumta toori=n bayi=ju qancu+d-ıyan şimalıqa=qda=run* <...>. ‘<...> шестеро сыновей-хонхотанцев, загородив дверь, стали кругом очага, засучив **рукава** <...>’.

§ 131. *Büri_bökö tere güü-ben hoyimas=cu Belgütey nasu-da abaldu=run baraun qancu-ban mültül=jü nicügün yabu=qu bü=lee*. ‘Бури-Бокó стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутей, по привычке к борьбе, спустил правый **рукав** и обнажил плечо’.

§ 154. *Güün tutum qancun-dur-ıyan kituqay qancula=ju dere ab=un ükü=ye*. ‘Умрем, спрятав в своем **рукаве** нож’.

Все три термина общемонгольские. Письм. монг. *jaqa* ‘ворот’ восходит к **jaqa* ‘воротник, край’ (ср. общетюрк. **yaka* ‘воротник’) [Nugteren 2011: 380]. Формы и значения в современных монгольских языках: халх. *зах* ‘1. край, окраина, граница; 2. во-

⁷ В разных переводах дается разное значение слова *jahing* (написание в транскрипции [Rachewiltz 1972: 112] — строка 7610) или *jahî* (написание в транслитерации [Street 2013] — строка 8188): [Козин 1941: 275] — ‘подкладка’, [Палладий 1866: 113] — ‘внутренний ворот’, [Cleaves 1982: 139] — ‘внутренний отворот’ (‘inner lapel’), [Дамдинсүрэн 1957: 172] — ‘ключица’ (монг. *эгэм*).

рот, воротник; 3. рынок, базар; 4. штука, рулон', бур. *зах* '1. край, кончик; 2. ворот, воротник'; калм. *зах* '1. край, кончик; 2. ворот, воротник'. Письм. монг. *qormoi* 'подол' восходит к **kormaï* 'подол' [Nugteren 2011: 421]. В современных монгольских языках слово звучит аналогично: халх. *хормой* '1. подол, пола (одежды), нижняя часть чего-либо; 2. подножие, подошва (горы); 3. подвал (нижняя часть газетного листа)', бур. *хормой* '1. подол, пола (одежды); 2. основание, подошва, подножие (горы)', калм. *хорма* '1. пола, подол; 2. подножие, подошва (горы)'.

Письм. монг. *qanči* 'рукав' восходит к **kamčui* ~ **kamčun* 'рукав' [Nugteren 2011: 403]. В современных монгольских языках фонетический облик слова несколько отличается: халх. *ханцуй* 'рукав', бур. *хамсы* 'рукав', калм. *ханцн* 'рукав'.

В «Сокровенном сказании монголов» встречается также общемонгольское слово со значением «шапка» — *maqalay*:

§ 114. *Uduyi+d Merki+d dūrbe=rün buluqan maqalay-tu maral-un qodun qudusu-tu ilkin~ jarqaq usun-u buluqan jalqa=qsan deel-tü tabun nasu-tu Kücü nere-tü nidün-dür-iyen qal-tu köüken-i bidan-u ceri+üid nuntuqtur qocor=uqsan-i ol=ju abcira=ju Höelün eke-de sawqa ab=cu od=cu ög=bAy*. 'Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в собольей **шапочке**, в сапогах из маральих лапок и в дэли, подобранной из беленых обрезков соболиных шкур. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ'.

§ 145. *Tende-ce Jelme maqalay qudusundeel~ qubcasun-yan bügüde-yi tal=ju <...>*. 'Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и **шапку**, и сапоги, и верхнюю одежду <...>'.

§ 255. *Ögödey qan ecige-yin dergede a=ju baraa yeke maqalay-in bawliya tani=ul=uasu bol=u~ @je* 'Пусть Угедей-хан будет рядом с отцом, и пусть будет ему преподано наставление о Великой **шапке**'.

§ 103. *naran esergü büse-ben güjüün-dür-iyen erigele=jü maqalay-ban qar-tur-yan seejigele=jü qar-yan ebceün-dür-iyen möeled=cü naran jüg yisün-te sögöd=cü saculi öciüli ög=BA*. 'Он обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку **шапку** свою и, расстегнув свою грудь, девятикратно

поклонился солнцу и совершил кропление и молитву'.

§ 244. *Eke mede=ed söni bö=ed udaara=n caqaan temeen köl=jü qarau-tay terge-tey söni-de düli=n yorci=ju naran urqu=quy-lua güre=üesü Ci'gis qahan Qasar-un qancu+d huya=ju maqalay büse in-u ab=cu üge in-u asaq=un bü=küy-tür eke-de güre=te=jü Ci'gisqahan geyeg=cü eke-dece emie=BA*. *Eke aurla=ju güre=cü tergen-ece bawu=ad eke öesün Qasar-un huya=qsa+d qancu+d dal=ju talbi=ad maqalay büse in-u Qasar-a ög=cü <...>* 'Мать, узнав, запрягла белого верблюда в крытую телегу. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингисхана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него **шапку** и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингисхан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава и отдала ему **шапку** с поясом <...>'.

В аналогичной форме слово осталось в калмыцком языке — *махла* 'шапка, головной убор'. В халха-монгольском и бурятском языке развилась метатетическая форма *малгай*. Подробно об этом слове — [Мазарчук 2017б: 95–96].

Тем, кто впервые знакомился с текстом «Сокровенного сказания монголов», читая перевод С. А. Козина, наверняка запомнилось название головного убора, которое звучит в русском переводе как «буденная шапочка». По-видимому, С. А. Козин под словом «буденная» подразумевал «повседневная, рабочая», ведь мать Темуджина Оэлун занималась в ней тяжким трудом, ища пропитание для своих детей. Если сличать перевод с оригиналом, то как такового названия этой «шапочки» на монгольском языке мы не обнаружим. В оригинале есть только глагольная (деепричастная) форма, образованная от названия головного убора — *boqtalaju* 'надевать *богмог*'. *Богмог* — это головной убор с высокой, шпильеобразной тульей, который носили знатные замужние женщины. Слово есть в халха-монгольском языке, но отсутствует в бурятском и калмыцком языках, вероятно, потому, что этот головной убор не являлся частью национального костюма этих этнических групп. Слово письм. монг. *boyta*, по всей видимости, тюркского происхождения [Räsänen 1969: 78b].

Названия украшений почти не упоминаются в «Сокровенном сказании монголов». Единственное, что можно было бы отнести к данной семантической группе — это золотые кольца на жилетке найденыша:

§ 135. *Altan eemeg dōrebci-tū dasi torqan buluqa-ar dotorla=qsan heligebci-tüüciügen köiken-i abcira=ju <...>*. 'Привезли маленького мальчика в подбитой соболем парчовой жилетке на шнурах с **ЗОЛОТЫМИ КОЛЬЦАМИ** <...>.'

В переводах архимандрита Палладия (Кафарова) и Ф. Кливза золотое кольцо было не элементом отделки жилетки, а украшением в носу мальчика [Палладий 1866: 67; Cleaves 1982: 63]. Если разбирать фразу *eemeg dōrebci-tū* пословно, то термин *eemeg* в целом понятен. В словаре О. Ковалевского можно найти следующую словарную статью: письм. монг. *egemeg/egemüg* 'ушное колечко вместо серьги' < **eemeg* 'серьга' [Nugteren 2011: 148].

Встречается это слово в современном халха-монгольском языке — халх. *ээмэг* 'серьги, сережки' (но в словосочетании *сүйхэн ээмэг* 'дужка серьги', где *сүйх* — 'длинные серьги, ушные серьги, ушное кольцо (у мужчин), привески', слово *ээмэг* употреблено, скорее, в своем исконном значении — 'ушное кольцо'). В бурятском языке произошел метонимический сдвиг семантики рассматриваемого термина — зап. бур. *ээмэг* 'провода'. В словаре современного калмыцкого языка отмечено только словосочетание *сиикин ээмэг* 'дужка серьги'. Отдельно слово *эм'г* 'круглое кольцо в сереге' зафиксировано в [Ramstedt 1935: 130b]. Таким образом, слово *eemeg*, употребленное в «Сокровенном сказании монголов», можно интерпретировать как «ушное кольцо».

Слово *dōrebci* вызывает больше вопросов. Разнообразие возможных значений, отмеченных в словаре О. Ковалевского для письм. монг. *döröbci*, не проясняет ситуацию. Это и 'веревочка, на которой носят что-либо на плечах', и 'корзинка плетеная', и 'башмаки с деревянными подошвами'. Наиболее вероятным из предложенных представляется первый вариант, поэтому, вероятно, С. А. Козин и посчитал, что *dōrebci-tū* — это определение к жилетке: «на шнурах», или, следуя дефиниции из словаря О. Ковалевского, «с веревочкой». Корень

этого слова — письм. монг. *dörü* — имеет значение: '1. палочка в ноздрях волов; 2. кольцо, соединяющее ремни под хвостом у лошади; 3. конец сошника; 4. рукоятка, ушко у корзины, ведра'. В переложении «Сокровенного сказания монголов» на современный монгольский язык при описании внешнего облика мальчика используется именно это слово: халх. *дөр* 'кольцо (обычно волосное, вдеваемое в ноздри быка)': *дөртэй алтан ээмэг зүүсэн* [Дамдинсүрэн 1957: 83].

Если вспомнить, что *heligebci* — это всё же набрюшник, а не жилетка, и он может крепиться с помощью тесемок, веревочек или ремней, если принять во внимание тот факт, что общая семантика всех вариантов перевода слова письм. монг. *döröbci* и халх. *дөрөвч* 'недоуздок, оброть' — это нечто, скрепляющее два края, два кольца, то можно предположить, что перевод С. А. Козина наиболее близок к оригиналу. Возможно, набрюшник, описываемый в «Сокровенном сказании», представлял собой прямоугольный кусок парчи, подбитый соболем мехом, с золотыми кольцами, пришитыми по углам. Вероятно, эти кольца стягивали ремни или тесемки, которые и обозначены в тексте словом *dōrebci*. Если это предположение верно, то *dōrebci* не относится к семантической группе «Украшения».

Итак, в данной статье мы рассмотрели лексику, обозначающую предметы одежды и украшения, встретившуюся в самом раннем монгольском литературном памятнике, датируемом XIII в., — «Сокровенном сказании монголов». Это слова: *deel/degel* 'монгольский национальный халат, одежда', *qubčasun/qubča* 'одежда', *emüsgel* 'одеяние, одежда', *daqu* 'доха', *örmüge/örmege* 'армяк, сукно', *nemürge* 'плащ (от дождя)', *heligebci* 'набрюшник (род жилетки)', *emüdüin* 'штаны', *čamča* 'рубашка, сорочка', *dotoaji* 'исподнее', *büse* 'пояс, кушак', *γudusu(n)* 'обувь, сапог, башмак', *jaqa* 'ворот, воротник', *qancu(n)* 'рукав', *qormoi* 'подол, пола', *maqalay* 'шапка, головной убор', *eemeg* '(ушные) кольца'. Выяснилось, что не все перечисленные лексические единицы дошли до наших дней и используются в современных монгольских языках, но по крайней мере корни всех перечисленных слов относятся к общемонгольской лексике.

Литература

- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х-Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Бобровников 1849 — *Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университетск. тип., 1849. 403 с.
- БРС — Бурят-монгольско-русский словарь. Составил К. М. Черемисов, под ред. Цыдендамбаева Ц. Б. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1951. 852 с.
- Владимирцов 1929 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд. Ленинградского Восточного Института им. А. С. Енукидзе, 1929. 436 с.
- Дамдинсүрэн 1957 — Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1957. 251 с.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание монголов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.
- Мазарчук 2017а — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «Одежда и обувь» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 180–189.
- Мазарчук 2017б — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 94–102.
- МТ — Монгол хэлний их тайлбар толь [электронный ресурс] // URL: <https://mongoltoli.mn> (дата обращения: 17.11.2018).
- Мультитран — Онлайн-словарь Мультитран [электронный ресурс] // URL: <https://www.multitrans.ru/> (дата обращения: 07.12.2018)
- Муниев 1977 — Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Палладий 1866 — Старинное Монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Том IV. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1866. С. 3–258.
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л.: изд-во Академии наук СССР, 1938. 452 с.
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Cleaves 1982 — *Cleaves F. W.* The Secret History of the Mongols. Vol. I. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1982. 277 p. (In Eng.)
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Rachewiltz 1972 — *Rachewiltz I.* Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University, Bloomington, 1972. 347 p. (In Eng.)
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch [A dictionary of Kalmyk]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)
- Räsänen 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen [An etymological dictionary of Turkic languages]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1969. 533 p. (In Germ.)
- Street 2013 — *Street J. C.* Street's Text Of The Secret History Of The Mongols. Version 24 of 10 October 2013. Available at: http://altaica.ru/SECRET/e_street.php (accessed: 23 November 2018). (In Eng.)

References

- Bobrovnikov A. A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [A Kalmyk-Mongolian grammar]. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1849. 403 p. (In Rus.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 4: Х-Я. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 532 p. (In Mong. and Rus.)
- Buryat-mongol'sko-russkii slovar'* [Buryat-Mongolian-Russian Dictionary]. K. M. Cheremisov (comp.), Ts. B. Tsydendambaev (ed.). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1951. 852 p. (In Rus.)
- Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Rus.)
- Kalmytsko-russkiy slovar'* [A Kalmyk-Russian dictionary]. B. Muniev (ed.). Moscow, Russkiy Yazyk, 1977, 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1941. 619 p. (In Rus.)
- Mazarchuk A. V. Common lexis for headgears and adornments in Khalkha, Buryat, and Kalmyk.

- Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. Is. 6. Pp. 94–102. (In Rus.)
- Mazarchuk A. V. The Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk languages: common clothes and footwear denoting lexis. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. Is. 5. Pp. 180–189. (In Rus.)
- Mongol helniy ih tailbar tol'* [Unabridged Mongolian Dictionary]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 17 November 2018). (In Mong.)
- Mongolyn nuuts tovchoo* [The Secret History of the Mongols]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1957. 251 p. (In Mong.)
- Onlayn slovar' Mul'titran* [Multitran Online Dictionary]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 07 December 2018). (In Rus.)
- Poppe N. N. *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab* [*Mukaddimat al-Adab*: a Mongolian dictionary]. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1938. 452 p. (In Rus.)
- Sevortnyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obschetyurkskie I mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic stems beginning with vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Rus.)
- Starinnoe Mongol'skoe skazanie o Chingishane* [An Ancient Mongolian Tale of Genghis Khan]. *Trudy chlenov Rossiyskoy duhovnoy missii v Pekine* Vol. 4. St. Petersburg: V. Bezobrazov & C°, 1866. Pp. 3–258. (In Rus.)
- Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i halhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika* [A comparative grammar of written (Classical) Mongolian and the Khalkha dialect: introduction and phonetics]. Leningrad: Erukidze Leningrad Inst. of Oriental Studies, 1929. 436 p. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 69–77, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-69-77
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.141: 81'373.21

Башкирские фамилии от этнонимов: историко-этимологический анализ

Резида Ахметьяновна Сулейманова¹

¹ Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
 (д. 71, пр. Октября, г. Уфа 450054, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел языкознания
 ORCID: 0000-0002-2714-5950. E-mail: suleimanova-r@mail.ru

Аннотация. Природа антропонимикона башкирского народа, прошедшего длительный исторический путь формирования и развития, привлекала и продолжает привлекать внимание немалого числа исследователей. Однако, несмотря на довольно большое количество трудов, освещающих этимологические основы башкирского имяназвания, остаются не до конца разрешенными и требуют специального дальнейшего изучения вопросы, связанные с образованием башкирских фамилий. Отдельного внимания при исследовании фамилий заслуживает то, что немалую долю в их формировании сыграли этнонимы, в связи с чем и возникает необходимость историко-этимологического анализа башкирских фамилий с этнонимической основой. Актуальность вышеописанной проблемы обозначила *цель* данной статьи — исследование происхождения и функционирования башкирских фамилий, образованных от этнонимических наименований. В работе были использованы следующие лингвистические *методы*: описательный, этимологический, сопоставительный, статистический. *Методологической базой* исследования явились труды исследователей, в которых раскрываются: природа антропонимической лексики, классификация антропонимов, историко-этимологический анализ. *Объектом* исследования явились фамилии, восходящие к этнонимам — названиям народов, а также башкирских родов и родовых подразделений. Следует отметить, что анализируемые в статье фамилии были рассмотрены на основе материалов из научного издания «Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842). Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы». Так, историко-этимологический анализ фамилий на основе онимов *калмак / калмык, казах, суваш / чуваш, татар, кунгур, узбек, киргиз, истяк* в сопоставлении их с созвучными этнонимами — названиями народов, а также башкирских родов и родовых подразделений — позволил сделать *выводы* о значимой роли в формировании башкирской ономастики, в том числе и антропонимики, историко-культурных связей башкир с другими народами. Рассмотрение онима *ногай* 'нугай' как антропонимической основы, к примеру, позволило выявить такие версии относительно его происхождения: во-первых, широкое распространение этнонима *ногай* среди названий башкирских родов и родовых подразделений в связи с довольно длительным нахождением башкир под властью Ногайской Орды, во-вторых, восхождение созвучного ему онима *нагаи* к личному имени Нагайбак. На распространение в башкирском антропонимиконе фамилий *Калмакаев, Калмаков, Калмаккулов*, а также других их фонетических вариантов (*Калмыков, Колмаков, Колмычков*) оказало влияние нашествие татарско-монгольских завоевателей. Автор, ссылаясь на мнение Ф. Г. Хисамитдиновой,

не исключает возможность восхождения данного антропонима к личному имени на основе исторического факта — наречения сына легендарного Мамыта Калмаком и наименования его потомков — калмаками, а также связь этнонима *калмак* с глаголом *калыу* ‘остаться’ или ‘оставить’ в тюркских языках. Следствием тесного взаимодействия башкирского и казахского народов являются антропонимы на основе этнонимов *истэк* ‘истяк/иштяк’, *казак* ‘казах’: *Истаков* (*Истэк*ов), *Истягулов* / *Истякгулов*, *Иштакаев*, *Казакаев*, *Казакбаев*, *Казаккулов*, *Байказаков*. Этноним *истяк* был широко распространен среди казахского народа для обозначения юго-восточных, или «внутренних», башкир, с которыми они жили по соседству и тесно контактировали. Происхождение фамилий на основе этнонимов *суваши* / *чуваши*, *татар*, *кунгур*, *узбек*, *киргиз* также объясняется тесными историко-культурными связями между башкирским и чувашским, татарским, узбекским, киргизским народами, а также кунгурскими татарами. Изучение башкирских фамилий с этнонимической основой в историко-этимологическом плане составляет научную новизну данного исследования. Практическая значимость работы заключается в том, что материалы, анализируемые в данной работе, могут быть использованы при углубленном изучении антропонимов (фамилий) в тюркских языках, в том числе и в башкирском языке.

Ключевые слова: башкирская ономастика, этнонимия, родовое подразделение, антропонимика, фамилия

Для цитирования: Сулейманова Р. А. Башкирские фамилии от этнонимов: историко-этимологический анализ. *Oriental Studies*. 2019;(1):69-77.

DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-69-77

UDC 811.512.141: 81'373.21

Bashkir Family Names Derived from Ethnonyms: a Historical and Etymological Analysis

*Rezida A. Suleimanova*¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the RAS (71, Octyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)
Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Linguistics
ORCID: 0000-0002-2714-5950. E-mail: suleimanova-r@mail.ru

Abstract. Bashkir onomastics has experienced a number of stages in its development, and is still of essential academic interest. However, despite the wide range of available works dealing with personal names, the issue of etymology of Bashkir family names remains understudied and requires further consideration. Special attention should be paid to the fact quite a number of them have been derived from ethnonyms, which makes it necessary to analyze ethnonym-stemmed Bashkir family names in historical and etymological perspectives. So, this is what the article actually deals with. The work applies a number of linguistic research methods, such as descriptive, etymological, comparative, and statistical ones. Works by researchers providing insights into the nature of anthroponymic lexis, classification of anthroponyms, and historical-etymological analyses have served as a methodological basis for the study. The paper studies family, clan and clan branch names derived from ethnonyms — names of nations. It is noteworthy that the analyzed family names have been borrowed from the academic publication *Documents and materials on Bashkir history (1836–1842): records of service of officials within the Bashkir-Mishar Host between 1836 and 1842*. The historical-etymological analysis of family, clan and clan branch names derived from the onyms *Kalmak* / *Kalmyk*, *Kazakh*, *Suvash* / *Chuvash*, *Tatar*, *Kungur*, *Uzbek*, *Kyrgyz*, *Istyak* and compared to respective ethnonyms makes it possible to conclude that historical and cultural ties between the Bashkirs and neighboring peoples largely contributed to the national onomastics (including anthroponymy). For example, our insight into the onym *Nogai* ‘*Nugai*’ viewed as a respective stem-word has resulted in a number of versions of its origin, namely: firstly, the wide presence of *Nogai*-stemmed clan and clan branch names might be due to the fact the Bashkirs lived long under the hegemony of the *Nogai* Horde; secondly, those

might stem from the similar name *Nagaibak*. The invasion of Tatar-Mongols resulted in the emergence of the family names *Kalmakaev*, *Kalmakov*, *Kalmakkulov* and their phonetic variants (*Kalmykov*, *Kolmakov*, *Kolmychkov*). The paper also accepts the hypothesis set forth by F. G. Khisamiitdinova and suggests the anthroponym might have stemmed from a personal name which is based on historical evidence: the legendary Mamyt was given the name ‘*Kalmak*’, his ancestors thus being referred to as ‘*Kalmaks*’; it might also be tied to the Turkic verb *калыу* ‘stay’ or ‘leave’. Close relations between the Bashkir and Kazakh peoples gave rise to anthroponyms stemmed from the ethnonyms *истәк* ‘*Ishtyak*’, *казак* ‘*Kazakh*’: *Istakov* (*Istäkov*), *Istyagulov* / *Istyakgulov*, *Ishtakaev*, *Kazakaev*, *Kazakbaev*, *Kazakkulov*, *Baikazakov*. The ethnonym *Istyak* was widely used by the Kazakhs to denote southeastern, or ‘internal’, Bashkirs who had lived next to them and sustained close contacts. The emergence of family names derived from *Suvash* / *Chuvash*, *Tatar*, *Kungur*, *Uzbek*, *Kyrgyz* are also due to close historical and cultural contacts with respective populations. The investigation of Bashkir family names in this perspective establishes a new trend in terms of history and etymology research. The materials can also be used for further studies of Turkic — including Bashkir — anthroponyms.

Keywords: Bashkir onomastics, ethnonymy, clan branch, anthroponymy, family name

For citation: Suleimanova R. Bashkir Family Names Derived from Ethnonyms: a Historical and Etymological Analysis. *Oriental Studies*. 2019;(1):69-77. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-69-77

Введение

Особый интерес в ономастике башкирского языка представляют вопросы взаимопроникновения антропонимов и этнонимов, являющихся носителями ценнейшей культурно-исторической и языковой информации. Вопросам взаимосвязи антропонимов и этнонимов в области башкирской ономастики посвящено немало исследований. Так, например, З. Г. Ураксин в своей статье «Башкирские антропонимы из этнонимов» отмечает, что этнонимы и личные имена неразрывно и двусторонне связаны между собой в том плане, что антропонимы употребляются в качестве названий родов и родовых подразделений, а этнонимы — родовые названия — восходят к именам родоначальников, поэтому судить о первичности этнонимов и антропонимов представляется сложной проблемой. Как предполагает ученый, на каком-то этапе развития родового объединения этнические и личные имена, по-видимому, не различались [Ураксин 1973: 86].

В классификации башкирских имен Т. Х. Кусимовой антропонимы, связанные с этнонимами, рассматриваются как отдельная группа [Кусимова 2000: 161].

Научный интерес представляет и со-держательная статья Ф. Г. Хисамитдиной

в отношении этнонима *калмык*, в которой исследователь подчеркивает особо ценную значимость этнических названий как древнейшего пласта лексического строя любого языка в плане определения степени участия как более ранних, так и поздних этнических компонентов в становлении и формировании того или иного этноса, выявления контактов этнических групп с теми или иными народностями и восстановления важнейших событий в жизни этноса и его языка, а также восхождение башкирских этнонимов преимущественно к патронимам (прозвищам, личным именам), этнонимам, топонимам и тотемным названиям [Хисамитдинова 2017: 207].

Проблема взаимосвязи антропонимов и этнонимов нашла отражение и в статье Р. З. Шакурова «Нагайбак: Антропоним — топоним — этноним», где анализируется оним *Нагайбак*, о котором речь пойдет ниже.

В числе современных исследований немалый интерес представляет диссертация Р. А. Сиражитдинова «Башкирские этнонимия», в разделе «Отражение башкирских этнонимов в антропонимии» которой делается вывод о том, что 525 этнонимов восходят к антропонимам, а 259 — к этнонимическим названиям [Сиражитдинов 1999: 20].

Несмотря на некоторую степень изученности проблемы взаимосвязи антропонимов и этнонимов башкирского языка, отдельные вопросы в данной области остаются не до конца разрешенными и требуют специального дальнейшего изучения.

Целью же данной статьи является исследование происхождения и функционирования башкирских антропонимов с этнонимической основой. Следует отметить, что большинство из них сохранилось лишь в фамилиях, поэтому источником данного исследования послужили башкирские фамилии, зафиксированные в сборнике документов «Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы, вышедшем в двух книгах (2012, 2014 гг.), в котором опубликованы документы второй четверти XIX в., в первую очередь формулярные списки чиновников Башкирско-мещеряцкого войска. Формулярные (послужные) списки — это форма систематического и регулярного учета российского военного и гражданского чиновничества, существовавшая с середины XVII в. до 1917 г [ДМИБН 2012: 924].

Этническая система башкирского народа имеет довольно длительную историю. Башкирский народ прошел очень сложный путь исторического развития. Этнический состав башкир сложился не только из чисто башкирских племен, в состав башкирского народа вошли отколовшиеся роды и племена других тюркских народов, угро-финнов, монголов-кочевников и др. Они оставили глубокий след в истории Башкирии. Тщательный анализ антропонимов (фамилий) даст возможность проследить влияние соседних (и других) народов на антропонию башкир, найти их «следы» в историческом башкирском именнике.

Антропонимы с этнонимическими основами можно подразделить на следующие группы.

1. Антропонимы на основе собственно башкирских родоплеменных названий, к которым относятся названия тотемных птиц, животных, растений, являющиеся одновременно и этнонимами, и антропонимами, например, *Тойгон*, *Тургай*, *Арыслан*, *Тәкә*, *Бүре* и др.

2. Антропонимы на основе названий башкирских родов и родовых подразделений, например, *Дыуан*, *Дыуанай*, *Ғәйнә*, *Кыпсак*, *Кыпсакбай*, *Һарт*, *Һартай*, *Һарбай*, *Тиләу* и др.

3. Антропонимы на основе названий родов, племен и народов, относящихся к тюркской и общеалтайской семье языков: *Алтай*, *Гәрәй*, *Казак*, *Казакбай*, *Казаккол*, *Мишәр*, *Төрөкмән*, *Үзбәк*, *Сыуаш*, *Сыуашай*, *Сыуашбирзе* и др.

4. Антропонимы на основе этнических терминов: *Илбай*, *Илсе*, *Илбәк*, *Илгилде*, *Илеш*, *Илсебай*, *Илсегол*, *Аракай*, *Түбә*, *Түбәкәй*, *Түбән*, *Током*, *Токомбай*, *Нәселбикә* и др.

Основная часть

Наибольший научный интерес представляют антропонимы третьей группы в связи с тем, что названия некоторых народностей настолько переплетены с названиями башкирских родов и родовых подразделений, что без детального исследования и глубокого анализа исторических фактов восхождение того или иного антропонима к какому-либо этнониму — названию народа или названию башкирского рода, родового подразделения — очень трудно объяснить.

1. Антропонимы (фамилии), образованные от этнонима *ногай* ‘нугай’

Наибольший интерес в этом плане вызывают фамилии на основе этнонима *ногай* ‘нугай’. Так, в исследуемом нами источнике зафиксированы фамилии *Нугаев*, *Нугайгулов*, *Нугайчурин*.

Происхождение в башкирской среде вышеуказанных фамилий связано с общеизвестным историческим фактом влияния Ногайской Орды на судьбу башкирского этноса вплоть до конца первой половины XVI в. Данная разновидность онимов, возможно, непосредственно связана с названием представителя ногайского народа.

О судьбоносной значимости ногайцев для башкирского этноса свидетельствует, например, народное предание, зародившееся и бытовавшее в Альшеевском районе, повествующее о том, как ногайцы после захвата города Казани Русским государством, оставляя свои бывшие владения, намереваясь увести часть башкир, подверглись оже-

сточенному восстанию со стороны башкирского народа во главе батыра Канзафара. Выжившего после восстания и оставшегося у башкир единственного ногойца называли именем *Туган* (Родной), от него и пошел род Тугановых. В исследуемом нами источнике зафиксирована фамилия *Туганаев*.

Господство Ногайской Орды на территории Башкортостана даже после её распада оставило свой яркий след и в этнонимии башкир, онимом *ногай* было названо 10 родовых подразделений в составе башкирских племен *юрматы*, *усерган*, *кыпсак*, *кудей*, *байлар*, а в составе племен *бурзян* и *мин* зафиксировано по 2 и 3 родовых подразделения с этим названием.

Происхождение самого названия ногойского народа, по нашим предположениям, связано с именем Ногай, восходящим к монгольскому слову *нохай* ‘собака’.

В источнике нашего исследования четырежды упоминается фамилия *Нагайбаков*: из 15-й юрты 7-го башкирского кантона (д. Кусяпкул Ишембайского района) Байрамгул Нагайбаков, а также из 1, 2-й юрт 12-го башкирского кантона (Бугульминский уезд, современный Татарстан) юртовой старшина Афлятун Курмекеев сын Нагайбаков, урядник зауряд-хорунжа Бадукшан Курмекеев сын Нагайбаков, юртовой старшина Аичувак Нагайбаков [ДМИБН 2014: 645, 755, 757, 760]. Все носители данной фамилии были башкирами.

Как отмечает Р. З. Шакуров по поводу крещеной этнической группы *Нагайбаки*, расселенной прежде в Нагайбакском районе Челябинской области, на территории которого были одноименные поселок Нагайбакский и ж/д платформа Нагайбаки, они — выходцы из Бакалинского района, в прошлом славившегося одним из древних и знаменитых селений — Нагайбакской крепостью — пришли в эти места сравнительно недавно [Шакуров 1986: 119].

Далее исследователь приводит предположения относительно того, что становление этнонима как названия группы кряшен, выходцев из района села Нагайбак, произошло на новом месте, в процессе расселения их вместе с кряшенами окрестных селений, в Зауралье — в бывшем Верхноуральском уезде Оренбургской губернии в 40-х гг.

ХIX в., так как в современном Бакалинском районе Башкирии имеется целая группа селений, в которых проживают кряшены, но в этом регионе они не именуются этнонимом *нагайбак*.

Сведения по истории возникновения Нагайбакской крепости имеются в труде П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», который связывал происхождение названия данного селения с жившим на том месте башкирцем Нагайбаком, юрт которого также был именован деревней Нагайбаково [Рычков 1887: 379].

На основе вышеприведенной информации можно сделать вывод о том, что фамилия Нагайбаков восходит не к этнониму, а к личному имени Нагайбак. Личное имя Нагайбак, в свою очередь, возможно, происходит от ногойского этнонима *ногай* с присоединением к нему слова *бэк* ‘бей’, только на русском письме дается как *Нагайбак*, без учета того, что при переходе на русское звучание фонема ‘о’ обычно заменяется фонемой ‘у’ (*Ногай* / *Нугай*). Есть вероятность предполагать и об образовании данной фамилии от устаревшего варианта данного этнонима *нагаи*.

2. Этноним *калмык* ‘калмык’ в составе башкирских фамилий

Исторически значимым моментом для дальнейшего процесса становления башкирского антропонимикона явилось монголо-татарское нашествие в XII–XIV вв., повлекшее за собой появление на башкирских землях большого числа тюркских и монгольских племен. Так, историческими фактами заселения части северо-восточного Башкортостана, помимо тюркских племен, и *сальютами*, этнически восходящими к монголам, можно, к примеру, объяснить присутствие в антропонимиконе башкир племен *айле* и *катай* довольно значительного монгольского этнического компонента.

Ярким примером вышесказанному являются фамилии *Калмакаев*, *Калмаков*, *Калмаккулов*, а также другие их фонетические варианты (*Калмыков*, *Колмаков*, *Колмычков*), зафиксированные в количестве более двух десятков единиц в нашем исследуемом источнике. В плане происхождения названных фамилий Ф. Г. Хисамитдиновой отра-

батываются две версии, согласно первой из них эти антропонимы восходят к личному имени *Калмык / Калмак*, доказательством чему является и народная легенда «Мамыт», повествующая о рождении от Мамыта, — мальчиком попавшего к башкирам, лицом походившего на калмака и поэтому прозванного в данной среде калмаком, впоследствии назначенного главой тангаурского рода, — ребенка, нареченного Калмаком, от которого и пошел род калмаков в деревне. Ученый делает вывод о не совсем категоричном восхождении ономастики, связанной с этнонимом *калмак* ‘калмак / калмык’, к монголоязычным калмыкам, а скорее всего происходящей от личных имен, прозвищ самих башкир, ярким примером которому называет наречение сына легендарного Мамыта Калмаком, а наименование его потомков — калмаками.

Ссылаясь на мнения ученых А. С. Аманжолова и Ц.-Д. Номинханова, ученый подчеркивает связь этнонима *калмак* с глаголом *калыу* ‘остаться’ или ‘оставить’ в тюркских языках, отмечая при этом возможность обозначения этнонимом *калмак* не только монголоязычных калмыков, но и оставшихся или отставших групп как самих башкирских родов и племен, так и других тюркоязычных номадов.

По второй версии антропоним *Калмык / Калмак* восходит к этнониму — названию монголоязычного народа, начиная с XVII в. расселившегося в степях в низовьях Волги, связи с которыми, как отмечает Ф. Г. Хисамитдинова, не всегда носили враждебный характер [Хисамитдинова 2017: 208–209].

Данный этноним очень широко распространен в названиях родовых подразделений таких башкирских родов, как катый, бурзян, табын, кыпсак, юрматы, мин, усерган, калмак, а также тангаур, ай, кудей, кушсы, сызгы, балыксы, тамьян, канглы, кувакан, кубалаяк, что свидетельствует о довольно интенсивных башкирско-калмыцких связях, наложивших значительный отпечаток на формирование башкирской ономастики.

Этноним *калмак* ученые обычно возводят к тюркскому слову со значением ‘остаток’, ‘оставаться’. «Современные калмыки являются потомками кочевых западномонгольских племен, входивших в союз дер-

бен-ойратов, переселившихся из Западной Монголии и Джунгарии в Казахстан, Южную Сибирь, а затем на Волгу в первой половине XVII в.» [Дремов 2015: 63].

3. Фамилии от этнонимов *истак* ‘истяк / иштяк’, *казак* ‘казах’, *татар*, *көнгөр* ‘кунгур’, *сыуаш* ‘чуваш’, *узбек* ‘узбек’, *кыргыз* ‘киргиз’

3.1. *Истак / иштак* ‘истяк / иштяк’

Исторического обоснования требует вопрос о происхождении фамилий на основе слов-этнонимов *истак / иштак*, свойственных жителям Абзелиловского района (Истак (Истак), Истягулов (вернее, *Истак + гол* — Истягулов) — д. Рахмет, Иштакаев — д. Кускар). В этом плане огромную ценность имеют суждения З. Г. Аминев по поводу разделения башкир на «внутренних» (проживающих в восточной и южной части) и «внешних» (представляющих северную и западную части башкирских земель), упоминавшихся еще в записях великого путешественника-исследователя Ибн-Фадлана. По утверждениям исследователя, предки казахского народа *кимаки* и *кипчаки*, поддерживающие тесные контакты с «внутренними» башкирами, называли их «иштяге», или как звучит на башкирском — *эстэге*, что значит ‘внутренний’. Передаваясь из поколения в поколение, это понятие закрепилось в среде казахского народа в качестве этнонима — названия всего башкирского народа [Аминев 2008: 196].

3.2. *Казак* ‘казах’

Значительную группу в антропониристической системе башкир составляют фамилии на основе онима *казак* ‘казах’ — названия этноса, с представителями которого башкирское население имело очень тесное взаимодействие. Исследуемый нами источник изобилует такого рода антропонимами, как личными именами, так и фамилиями *Казакаев*, *Казакбаев*, *Казаккулов*, а также *Байказаков*. Зафиксированы в большом количестве и фамилии *Казаков*, по нашим предположениям, восходящие уже к другому слову — этнониму *казак*.

Этноним *казак* в качестве названий башкирских родовых подразделений фиксируется в количестве 20 единиц (помимо этнонима *казак*, у племен кыпсак, мурзалар,

юрматы, а также *бысаксыз казак* у кыпсаков) в составе таких племен юго-восточных и северо-восточных башкир, как бурзян (4), усерган (5, есть здесь и подразделение аргын казах), тангаур (1), тамъян (1), кыпсак (2), ай (2), катый (2), табын (3), что еще раз свидетельствует о тесных башкирско-казахских связях и взаимопроникновении языка и культуры этих двух народов.

3.3. Татар

Немаловажный интерес вызывают и фамилии, образованные от этнонима *татар*. Вопреки наблюдениям Т. Кусимовой, утверждающей, что, несмотря на тесное общение башкир с татарами, этнонима *татар* в составе башкирских антропонимов обнаружить не удалось [Кусимова 1975: 26], в исследуемом нами источнике дважды фигурирует фамилия Татаров, что свидетельствует о необходимости исследования древних башкирских имен путем изучения фамилий. Единичные случаи документальной фиксации вышеназванной фамилии, конечно же, не является доказательством того, что эти Татаровы были вотчинными башкирами, вполне вероятно, что в рассматриваемых нами списках числились представители других народов-переселенцев.

Этноним *татар*, происходящий от названия одного из монгольских племен и появившийся в VI в. на севере Китая, а в XIII в. ставший названием всего золотоордынского населения — как монголов, так и захваченных ими тюрок, в XIX в. же применявшийся в качестве названия по отношению ко всем тюркам, независимо от их национальности, является основой также и таких, возможно, русских, фамилий, как Татаренко, Татаренков, Татаринов, Татаринцев, Татаров, Татарович.

3.4. Көнгөр 'кунгур'

Наложившим отпечаток на формирование башкирского антропонимикона считаются и кунгурские татары или кунгуры (названные так северными — башкирами, обитающими по соседству), изначально формировавшиеся в отдельную группу в золотордынский период в Сылвенском по-речье, позднее ставшим известным под названием Кунгурский уезд.

Массовое бегство кунгуров в связи с насильственной попыткой властей перевести их в разряд государственных крестьян и наложить на них рекрутскую повинность и переселение их на башкирские земли сугубо негативно скажется на дальнейшей судьбе башкирского народа, в частности, широкой татаризации жителей как этнически смешанных поселений, так и чисто башкирских населенных пунктов [Кунгурские татары]. Исторические факты, свидетельствующие о связях башкир с кунгурскими татарами, по нашим предположениям, не могли не сказаться на появлении в башкирском антропонимиконе фамилий Кунгурбаев / Кункурбаев.

Вполне вероятным представляется и предположение о том, что антропонимом *кунгур* от слова *куңыр* 'бурый' могли называть смуглого человека.

3.5. Сьуаш 'чуваш'

Очень большое число (около трех десятков единиц) антропонимов на основе онима *сьуаш* 'чуваш' зафиксировано нами в «Формулярных списках о службе чиновников Башкирско-мещеряжского войска...», например: Чувашев, Чувашаев, Чувашбаев / Чуважбаев. Столь широкое распространение фамилий на основе данного онима также объясняется процессом тесной взаимосвязи башкирского и чувашского населения. Этноним *сьуаш*, как и *калмак* / *калмык*, является основой названий большого количества родовых подразделений *суваш* / *чуваш*, *сувашай* / *чувашай*, *чувашбай* в составе башкирских племен *мин* (5 единиц), *бурзян* (3 единицы), *табын* (3 единицы), *кыпсак* (2), *ай* (2), *юрматы* (1), *тангаур* (1), а также родового подразделения *сувашбердэй* в составе племени *табын*.

3.3. Ўзбек 'узбек', кыргыз 'киргиз'

Наличие башкирских фамилий *Узбеков* и *Узбекин* в исследуемом источнике, по всей вероятности, связано с этнонимом *узбек* — названием башкирских родовых подразделений племен *юрматы*, *ай* и *кувакан*, а фамилий *Киргизбаев* и *Кыргызов* — с одним из многочисленных названий родовых подразделений *киргиз* / *кыргыз* племен *бурзян*, *тамъян*, *ай*, *кудей*, *табын*, *кувакан*, *мин*, а также самого племени *киргиз*.

Заключение

Всё вышеизложенное позволяет заключить о том, что значение этнонимов — названий башкирских родов и родовых подразделений, образовавшихся вследствие тесного контактирования башкир в процессе своего этногенеза с другими народами, в частности, с ногайцами, калмыками, казахами, чувашами, татарами, кунгурскими татарами, узбеками, киргизами, — в формировании башкирского антропонимикона очень велико.

В процессе исследования также было выявлено восхождение рассмотренных фамилий и к антропонимам, в частности, к личным именам Нагайбак, основателя поселения Нагайбаково, и Калмак, сына главы тангаурского рода Мамыта. В плане объяснения этимологии последнего онима,

который использовался для обозначения не только монголоязычных калмыков, но и оставшихся или отставших групп как самих башкирских родов и племен, так и других тюркоязычных номадов, не исключается возможность связи этнонима *калмак* с глаголом *калыу* 'остаться' или 'оставить' в тюркских языках.

Происхождение фамилий на основе этнонима *истяк* и *казах*, как выяснилось, явилось следствием тесного взаимодействия башкирского и казахского народов. Массовое расселение на территории Башкортостана других народов также оказало значимое влияние на формирование башкирского антропонимикона, о чем свидетельствует распространение фамилий на основе этнонимов *татар*, *суваш* / *чуваш*, *кунгур*, *узбек*, *киргиз*.

Литература

- Аминев 2008 — Аминев З. Г. Этимология башкирского этнонима «Иштык» // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность. Информационно-аналитический бюллетень. № 7–8. Уфа. 2008. С. 194–196.
- ДМИБН 2012 — Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы: В 2 кн. / сост.: А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 924 с.
- Дрёмов 2015 — Дрёмов И. И. Происхождение и распространение этнонима «калмак» [электронный ресурс] // Primus inter pares: сб. ст. к 175-летию В. В. Радлова. М.: МАЭ РАН, 2015. С. 62–81. Онлайн-библиотека Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера). URL: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-291-3/978-5-88431-291-3_05.pdf (дата обращения: 22.12.2018).
- Кунгурские татары — Кунгурские татары [электронный ресурс] // Википедия. URL: <http://www.millattashlar.ru/index> (дата обращения: 15.12.2018).
- Кусимова 1975 — Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975. 56 с.
- Кусимова 2000 — Кусимова Т. Х., Биккулова С. А. Башкирские имена. Уфа: Китап, 2000. 176 с.
- Рычков 1887 — Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. Оренбург, 1887. С. 379–380.
- Сиражитдинов 2000 — Сиражитдинов Р. А. Башкирская этнонимия: Семантическо-словообразовательный анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 260 с.
- Ураксин 1973 — Ураксин З. Г. Башкирские антропонимы из этнонимов // Ономастика Поволжья. Мат-лы конф. по ономастике Поволжья. Уфа, 1973. С. 86–89.
- Хисамитдинова 2017 — Хисамитдинова Ф. Г. Этноним *калмак* 'калмак/калмык' в башкирской ономастике // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 206–210.
- Шакуров 1986 — Шакуров Р. З. Нагайбак: антропоним — топоним — этноним // Башкирская этнонимия. Уфа, 1986. С. 119–127.

References

- Aminev Z. G. Etymology of the Bashkir ethnonym 'Ishtyak'. *Natsional'nye i yazykovye protsessy v Respublike Bashkortostan: istoriya i sovremennost'*. Is. 7–8. Ufa, 2008. Pp. 194–196. (In Rus.)
- Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (1836–1842): Formulyarnye spiski o sluzhbe chinovnikov Bashkiromescheryakskogo voyska za 1836–1842 gody* [Documents and materials on Bashkir history (1836–1842): records of service of officials

- within the Bashkir-Mishar Host between 1836 and 1842]. In 2 books. A. Ya. Ilyasova, Z. G. Gatiyatullin (comps.). Ufa: Inst. of Hist., Lang. and Liter (Ufa Res. Center of RAS), 2012. 924 p. (In Rus.)
- Dremov I. I. Origins and distribution of the ethnonym 'Kalmak'. *Primus inter pares*. Coll. papers. Moscow: Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, 2015. Pp. 62–81. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 22 December 2018). (In Rus.)
- Khisamitdinova F. G. The ethnonym *Kalmak* in Bashkir onomastics. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. Is. 5, 2017. Pp. 206–210. (In Rus.)
- Kungurskie tatary* [The Kungur Tatars]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 20 December 2018). (In Rus.)
- Kusimova T. Kh. *Drevnebashkirskie antroponimy* [Ancient Bashkir anthroponyms]. A PhD thesis abs. Ufa, 1975. 56 p. (In Rus.)
- Kusimova T. Kh., Bikkulova S. A. *Bashkirskie imena* [Bashkir names]. Ufa: Kitap, 2000. 176 p. (In Rus. and Bash.)
- Rychkov P. I. *Topografiya Orenburgskoy gubernii. Sochinenie 1762 goda* [Topography of Orenburg Governorate: a writing of 1762]. Orenburg, 1887. Pp. 379–380. (In Rus.)
- Shakurov R. Z. *Nagaybak*: anthroponym — toponym — etnonym. *Bashkirskaya etnonimiya*. Ufa, 1986. Pp. 119–127. (In Rus.)
- Sirazhitdinov R. A. *Bashkirskaya etnonimiya: Semanticheskoe-slovoobrazovatel'nyy analiz* [Bashkir ethnonymy: semantic and word-formations analysis]. A PhD thesis. Ufa, 2000. 260 p. (In Rus.)
- Uraksin Z. G. Bashkir anthroponyms derived from ethnonyms. *Onomastika Povolzh'ya*. Conf. proc. Ufa, 1973. Pp. 86–89. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 78–86, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-78-86
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37

О происхождении некоторых топонимов в эпосе «Джангар»*

Буудангийн Менгкай¹

¹ Институт монгольской филологии и культуры, Северо-Западный университет национальностей
 (д. 1, Северо-Западная Нью Виллидж, г. Ланьчжоу 730030, Ганьсу, КНР)
 доктор филологических наук (Ph.D.), профессор
 ORCID: 00000000. E-mail: mengke64@163.com

Аннотация. В статье поднимаются актуальные вопросы, касающиеся проблемы эпической топонимики в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Рассматриваемые аспекты проблемы представляют особый интерес для выявления исторического содержания эпического текста. В эпических песнях «Джангара» многие названия природных объектов связаны с исторической средой обитания ойратов (калмыков) — Алтаем. Алтайская топонимика является универсальной особенностью для всех эпических сказаний монгольских народов. Вместе с тем в песнях «Джангара» также обнаруживается топонимическая лексика, которая могла войти в текст эпического сказания калмыков после их переселения на Волгу в начале XVII в. По мнению некоторых эпосоведов, именно в эпической традиции калмыков произошла циклизация песен «Джангара». Автор статьи рассматривает в «географии» калмыцкого эпоса возможные восточноевропейские и среднеазиатские элементы топонимики.

Ключевые слова: «Джангар», Бумба, оронимы, гидронимы, топонимы, потамонимы, этнонимы

Для цитирования: Б. Менгкай. О происхождении некоторых топонимов в эпосе «Джангар». Oriental Studies. 2019;(1):78-86. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-78-86

UDC 811.512.37

The *Jangar* Epic: Origins of Some Toponyms Revisited

B. Mengkai¹

¹ Institute of Mongolian Philology and Culture, Northwest University for Nationalities (1, Northwest New Village, Minyin Rd, Chengguan, Lanzhou 730030, Gansu, People's Republic of China)
 Ph.D. in Philology, Professor
 ORCID: 00000000. E-mail: mengke64@163.com

Abstract. The article deals with epic toponymy which is of particular interest to clarify the history of the Kalmyk heroic epic *Jangar*. Names of natural objects remain preserved for thousands of years, so they are of high historical value. The analysis of epic place names makes it possible to trace the ethnic and migration processes in a certain area, to identify cultural contacts between different ethnic groups

* Данная работа публикуется в целях дискуссии на обозначенную тему. Редакционная коллегия не разделяет мнение автора. — *Прим. ред.* [The work is published to facilitate to further research discussions on the topic mentioned. The Editorial Board does not share the author's view.]

and to recreate the ethno-cultural background. In *Jangar* epic songs, some names of natural objects are associated with the Altai which is a characteristic feature of the entire epic of Mongolic peoples. Those also contain toponymic vocabulary that could have been included into the text of the epic tale of the Kalmyks in the Volga Region already where, according to the assumption of authoritative experts in epic studies, the cyclization of *Jangar* songs could have taken place. The paper attempts to substantiate into the 'geography' of the Kalmyk epic using the Eastern European and Central Asian toponymic elements.

Keywords: *Jangar*, Bumba, oronyms, hydronyms, toponyms, potamonyms, ethnonyms

For citation: Mengkai B. The *Jangar* Epic: Origins of Some Toponyms Revisited. *Oriental Studies*. 2019;(1):78-86. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-78-86

«Жангар» туулийн олонх бүлгүүдэд 'Ар Бумбын орон'-ы хил хязгаар, дүрс байдал, орчин тойрны тухай маш нарийн дүрслэн танилцуулахаас алдар ноён Жангарын хаан ордны бэлгэдэл болсон 'Арван давхар, есөн өнгийн алтан торлог байшин'-гийн орчин тойрон дахь уул ус, гол мөрөн, нуур тэнгисийн тухай дэлгэрэнгүй танилцуулдаг. Ер нь, зүг чиглэлийн нарийн тодорхой заалттай, нутаг усны үнэн бодитой нэрлэлттэй байдаг нь «Жангар»-ын бусад туульсаас ялгагдах чухал нэг онцлог мөн.

Жишээлбэл: *Өлө Маңхын Цаһан уулни / Газыр, тэңгер хойрин киисен болад, / Өрүн хархь нарни көл дорь / Маңхаһад бээдег гинэ. / Өргөн Шартыг гидег далани / Өрү, сөрү хойыр урьсхьлта, / өнгөтэ бадмиин гэрел һарад бээдег гинэ. / Эзен Жаңһыр эврэн бийни уудыг / Киитн харь Домбь һолни / Өвөл зуун уга урьсхьлта, / Үргелжэи гадьр эрген балвълън / Бульгълъсн бээдег. / Эркен Бумбан Цаһан өргэ дотран / Шаран зурһан миңһен / Арвэн хойыр баатърни / Сууһад күүндегсен үгени эне: / — Эзен нойһн Жаңһыртан/ Энэ нарһн дорьуга / Бээшөң бэрүлейе! — гисен суудыг. / Дөрвөн төвиини / Дөчин хойыр хаһан цуглулжэи ирэд, / — Йамьр дүңгәһазьртъ бэрейе? — гижэи / Зөвчилжэи күүндегсен. / — Нарһн һархиин аръ бийе талъ, / Артъ арвэн хойыр далан цутхълъндъ, / Бумбъ дала гидег далан көвөде, / Өлө Маңхын Цаһан уулыын / Барун өргөн дорь, / Тальвинцаһан ташудь, / Тавънзуун һалвэр зандън уласни сүүдрииге / Дахулъй, — гижэи күүндегсен болна [Жаңһыр 1978: 369–370] — хэмээн нэлээд олон бүлгийн эхэнд бараг адил зарчмаар хэлэгддэг. Үүнээс гадна бас догшин Хар тэнгис, Цагаан тэнгис, Хойт мөсөн далай, Авхай балгад далай, Эрчис Бумба буюу*

Эрчис гол, Шихэрлуу, Мин уул зэрэг олон арван нуур далай, гол мөрөн, уул усны тухай дахин дурдагдана.

Халимагийн алдарт эрдэмтэн А. Ш. Кичиков «Жангар» дуулврин харлһин тухай зохиолдоо: «Жаңһрахн уулта, модта, усн далата һазрт, эргн ик мөрн һолта орнд бүүрлсэр үзүлгднэ. Нег миңһн тавн зун жилин хооран хальмг улсин хол урдкэ сәнби татаби, шивей, татар гих нертэ, монһл келтэ нутгуд ик хол дорд үзгт, Амур һолас өмөрөн, ода цагин Корей орна ар захар йовцхасн бээж. Ода карт аһад хөлөхлө, тедн Хинган гидг уулын нуру дор, Дала-нуур гилг уста, оһн һолта һазр алднд бүүрлэд йовдг чигн бээсн бээдлтэ» [Кичгэ 1974: 6] гэж тэмдэглэсэн байна.

Эдгээр уул ус газар орны бодитой байршлын тухай цөөн хэдийг нь тодруулж эс чадавч олонхийг нь бүр нэг нэгээр тодорхойлж болох юм.

1. Өргөн Шарт далай

«Жангар»-т 'Өргөн Шартыг гидег далани' [Жаңһыр 1978], 'Өргөн Шарт гэдэг хоёр далай', 'Өргөн Шартаг далай', 'Өргөн Шарт гэдэг хоёр гол' [Жангар 1958; Жангар 1986] гэх мэтээр олон дахин тохиолдоно. Энэ нь нэрийн талаар ч гэсэн гол мөрний онцлогоороо ч гэсэн одоогийн Ижил мөрний дээд доорд хоёр урсгалын хэсгийг зааж байгаа гэдэг нь тов тодорхой байна. Нэрийнх нь талаар авч үзэхэд халимагууд одоогийн Ижил мөрнийг 'өргөн их Ижил мөрөн' гэж нэрлэдэг заншилтай байв. Үүнээс Ижилийн халимагууд ба Шинжааны ойрадуудын дотор одоо хүртэл уламжлагдан дуулагдаж байгаа 'өргөн их Ижил мөрөн' гэж нэрлэдэг заншилтай байв. Үүнээс Ижилийн халимагууд ба Шинжааны ойрадуудын дотор одоо хүртэл уламжлагдан

дуулагдаж байгаа «*Өргөн их Ижил Зай*» гэдэг ардын дуугаас тодорхой мэдэж болно. Ижил мөрөн үнэхээр өргөн уужим далай мэт томгол болохыг үзсэн бүхэн гэрчилнэ. Зай мөрөн (өдгөө Урал мөрөн) 2428 км урсхлта. Зай хэмээн тюрк хэлни *jayik* 'өргөн, уужим' гэсэн үг.

Тэгвэл «Жангар»-т энэхүү Ижил мөрнийг яагаад «*Өргөн Шарт гэдэг хоёр далай*» (зарим бүлэгт гол гэж хэлэгдэнэ) хэмээн салган хэлж байна вэ?

Үүнийг одоогийн газрын зураг дээрээс үзвэл тодорхой мэдэж болно. Даруй Ижил мөрний дундад урсгалын хэсэг нь одоогийн ОХУ-ын Саратов мужийн тал дундуур өнгөрөхдөө нэгэн нарийхан хоолой болон «*Өргөн Шарт хоёр далайг*» хэлхэж байдаг бөгөөд энэхүү нарийхан хоолойн хэсэгт нь зүүн хойт зүгээс нь Их Эрчис мөрөн цутгаж, баруун хойт зүгээс нь Ульяновск мужийн дунд хэсгээс эх аван урссан нэгэн гол ирж цутгадаг байна. Энэ орчимд өдгөө Саратовын усан цөөрөм (нарийхан хоолойн дээд хэсэгт буй) гэж байдаг ба 1590 онд байгуулагдсан энэхүү Саратов (халимагууд одоо ч Шарту балгасан гэдэг) хот нь оросын хилийн сэргийлэлтийн чухал боомтын орон байжээ.

Иймээс «Жангар»-т энэхүү нарийхан хоолойгоос дээших хэсгийг «*Шарт*» буюу «*Шартаг далай*» хэмээн нэрлэж, доорд хэсгийг нь Ижил мөрөн хэмээн нэрлэж байсныг «*Өргөн Шарт гэдэг хоёр далай*» гэдэг нэрийдлэгээр тодорхой илтгэсэн байна.

2. Ардай арван хоёр далайн цутгалан

«Жангар»-т: *Наран гарахын ар бие тал, / Гарбид их шилийн омруун тал, / Ардай арван хоёр далайн цутгалан, / Бумба далай гэдэг далайн хөвөөд, / Өл Манхан Цагаан уулын баруун эрүү доор, / Талбайн цагаан ташууд / / Өл манхан цагаан уулын өлгөнд, / ӨргөнШарт далайн цутгалан, / Алтанарлуудын аараг дунд, / Араат арван хоёр бүслүүртэй / Талибуу цагаан ташуугийн нүүрт* [Жангар 1958: 21] — гэх мэтээр Ардай арван хоёр далайн цутгалангийн тухай их нарийн танилцуулна.

Тодорхойлох нь, халимаг ойрадууд тэнгис далайгаас гадна бас өргөн том гол мөрнийг эртдээ «*далай*» хэмээн нэрлэдэг байсныг Эрдэмтэн А. Ш. Кичиков зохиолдоо: «Дала гисн хуучн цага келнд “океан” биш, урсхлта өргн хол (ик уста болснднь дала гиж келгднэ). Зүнһарин һазр

тиим өргн хол — Эрцс (Иртыш), Или, Хатн (Катунь) гиж бээнэ» [Кичгэ 1974: 62] гэж тэмдэглэсэн байна.

Ингэхлээр энэ «*далай*» гэдгийг гол мөрнөөр үзэх нь зүйтэй. Европ тивийн газрын зургийг үзэхэд алдарт Ижил мөрний доорд урсгалын цутгалангийн хэсэг нь үнэхээр арван хоёр салаа урсгал болж Каспийн тэнгист цутгадаг байна. Иймэрхүү өвөрмөц онцлогтой гол мөрний цутгаланг бид өөр газраас эрээд ер нь олохгүй. Энэ нь «Жангар» дахь «*Ар Бумбын орон*»-ы бодит байршлыг илэрхийлж болохуйц бас нэгэн сүвэгч юм. Үүнээс «Жангар» дахь «*ар Бумбын орон*»-ы уул усны нэрс бол хүслэнгийн буюу санаан дураараа зохиосон зүйлс бус гэдгийг улам нэг алхам бат итгэж болно.

3. Бумба далай

Дээр дурдсан Ардай арван хоёр далай нь «*Бумба далай*» гэдэг далайд цутгах тухай олон газарт адилхан өгүүлнэ. Ингэхлээр энэхүү «*Бумба далай*» гэдэг нь бараг Каспийн тэнгис мөн бололтой гэсэн бодол төрнө. «Жангар»-т энэ «*Бумба далай*»-н тухай:

Бумб дала гидг дала түшлһтә, / Бумб дала гидг дала / ... / Хойр эргән гүвдәд / Дольгалсн бәәдг; / Гүүнәннь кемжәнъ — / Бум нәәмн түмн берә гүн, / Өргәнәннь кемжәнъ — / Тунжур мөңгн толһата, / Улавр мөңгн өрвлһтә, / Эр барсин зүрктә, / Күүкн бүргд шүүрлһтә, / Туулжн шар цоохр итлгн девхләрн, / Йирн берә һазр девдм, / Йир хурдн итлг, / Зууран күүкләж һатлм / Өргн Бумб дала. Хан нойн Жаңһрин дала гиж / Харин долан миңһн хаани зүүдн болв [Жаңһр 1990: 177] — гэж маш тодорхой дүрсэлсэн байдаг.

Үүнд хэдийгээр давуулсан зүйл илхэн мэдэгдэж байвч энэхүү маш өргөн их, гүн устай том далай гэдэг нь Каспийн тэнгисийн бодит байдалтай тохирч байна.

4. Эрчис ол

«Жангар»-т «*Эрчис бумба*», «*Эрчис далай*», «*Эрчис гол*» гэх мэт адил бус нэрээр олонтоо дурдагдана. Алдар Жангарын арван давхар есөн өнгийн алаг шар бамбалай нь энэхүү Эрчис голын баруун хөвөө, «*Өргөн Шарт далай*» болон «*Бумба далай*» гэдэг далайн эх хөвөөд байдаг тухай «Жангар»-ын адил бус бүлгүүдэд үргэлж дурдагддаг.

Энэхүү Эрчис голыг судлаачид бүр Алтай уулаас эх авч, Зайсан нуураар дамжин баруун хойш урсаж, Овь голтой нийлэн, Хойт мөсөн далайд цутгадаг Эрчис мөрөн,

бас Хар Эрчис, Хоо Эрчис, Хөх Эрчис гэж хэд хэдэн хэсэгт хуваадаг мөн хэмээн үзэж байлаа. Энэ нь Ази Еворопод ганцхан л Эрчис мөрөн байна хэмээн дөхөмхөн үзсэнээс болсон болов уу [Козин 1940; Борисенко 2004].

Үнэндээ дээр дурдсан Эрчис мөрнөөс гадна одоогийн Казакстаны Актюбинск мужийн хил дотор бас нэг Эрчис гол [Справочник 1994: 28] гэж байхаас гадна ОХУ-ын Саратов мужийн хил дотор Их Эрчис гэдэг бас нэг гол [Справочник 1994: 326] байдаг аж. Өмнөх нь Турхай голын баруун салаа урсгал байж, Их Эрчис гол нь Ижил мөрний зүүн салаа урсгал болно. Бидний үзэж байгаагаар, «Жангар» дахь 'Эрчис далай' буюу 'Эрчис бумба' гэдэг нь яг энэхүү Их Эрчис голыг зааж буй. Учир нь, энэхүү 'Эрчис бумба' нь яг 'Өргөн Шарт хоёр далай'-н дундах нарийхан хоолойд зүүн хойт зүгээс ирж нийлдэг нэлээд томоохон гол болно. Энэхүү гол нь зүг чиглэлийн талаар Жангарын алаг шар бамбалайн зүүн талд нь байх бодит байдалтай яг нийцэж байна.

5. Үйзэн

«Жангар»-т 'Үйзэн Алдар хааны хөвгүүн үеийн өнчин Жангар', 'Үйзэнгийн орон', 'Үйзэн нуур' зэрэг хэдэн янзаар хэлэгдэнэ. Эндээс: 'Үйзэн' гэдэг нь хүний нэр цол юм уу? Эсвэл газар усны нэр юм уу? — гэдэг асуудал гарч ирнэ. Үүнийг тодлохын тул холбогдол бүхий бичиг материалыг нарийвчлан үзсэнд 'Үйзэн' гэдэг нь газар орны нэр болохыг илэрхийлсэн гурван зүйлийн чухал баримт олдлоо.

Нэгдэх нь, төв Ази хийгээд зүүн Европын газрын зураг болно. Энэхүү зураг дээрээс үзвэл одоогийн ОХУ-ын европын хэсгийн зүүн өмнөд талд байх Их Үйзэн гол болон Бага Үйзэн гол гэдэг зэрэгцэн урссан хоёр гол байдаг байна. Энэ хоёр гол Оросын Саратов мужийн зүүн хэсгээс эх авч Казакстаны или Хасагстаны Уралск мужийн баруун өмнө хэсэг дэх Камыш-Самарские нуурууд цутгадаг байна. Уртынх нь хэмжээ бараг 650 км орчим [Справочник 1994: 95] болно.

Хоёр дахь материал бол «Торгуудын уг язгуур сүлжил» гэдэг түүхэн сурвалж бичиг болно. Тус сурвалж бичигт: «... түүнд ноёны уг дөрвөний цагт суугаад, ноён тавдагч Хээ вангийн цагт сайн хүн болон Туихай ахтай зургаан хүнд ,... чи нүүгүүд ойрадын орны Үзэнд одоод газар

хийгээд ноён тэргүүтэнд харж ирэгтүн» гээд илгээсэн» [Бадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ 1992: 328] хэмээн тэмдэглэж буй. Энд хоёр чухал сураг зангийг илтгэж буй.

Нэгд, цагийн талаар 'дөрвөний цагт' гэдэг нь Торгуудын хаант улс байгуулагдсан анхны цаг үеийг зааж буй. Учир нь «Торгуудын уг язгуур сүлжил» гэдэг сурвалжид: «Хо Өрлөгийн хөвгүүн Шүхэр Дайчин, Шүхэр Дайчны хөвгүүн Дөрвөн...» [Бадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ 1992: 330] хэмээн тов тодорхой тэмдэглэж буй. Олны мэдэгчээр Торгууд хаант улсын уг суурийг тавьсан хоёр гавъяатан бол Хо Өрлөг болон Шүхэр Дайчин эцэг хөвгүүн хоёр болно. Ингэхлээр энэхүү 'Дөрвөний цагт' гэдэг нь бараг XVII зууны тавиад оны орчмын цаг үеийг зааж байх нь мэдэгдэж буй.

Хоёрт, газар орны тухай чухал мэдээ болно. Тухайлбал: «...чи нүүгүүд ойрадын орны Үйзэнд одоод газар хийгээд ноён тэргүүтэнд харж ирэгтүн» гэдэг нь бас л Ижилийн Торгууд хаант улсын нутаг дэвсгэрийг зааж буй. Учир нь, энэ тэмдэглэлээс үзвэл 'Үзэн' гэдэг нь 'Ойрадын орон'-ы доторх нэг газар нутаг аж. Олны мэдэгчээр XVII зууны хориод оны орчмоор «Ойрадын чуулган»-ы зөвшөөрлөөр Ижил зүг нүүсэн торгууд, хошуудууд, ер нь өөрсдийгөө уг нутаг «Ойрадын нутаг»-аасаа салгаж үзээгүй байсныг эрдэмтэд олон талаас нотолсон байлаа [Бадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ 1992: 68]. Тэгж хэлэхэд «Дөрвөний цагт ... ойрадын орны Үйзэнд одоод» гэдэг тэмдэглэлийг хооронд нь холбон үзвэл Торгууд хаант улсын цаг үе хийгээд тэдний нутаг дэвсгэрийг зааж байгаа нь тов тодорхой байна.

Гурав дахь чухал материал бол Энх-Амгалангийн тавин нэгдүгээр он (1712 он)-ы зуны дунд сард бичсэн «Чин улсын Энх-Амгалан хаанаас Торгуудын Аюук хаанд өгсөн бичиг» болно. Тус бичигт: «...Эдүгээ мөрт их хэрэгч элч илгээх учир, Вэ зан дор тэнгэр хүнийг удирдагч» [Бадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ 1992: 455] гэдэг сонирхолтой тэмдэглэл буй. Олны мэдэгчээр 1712 онд 32 хүнээр бүрэлдсэн Чин улсын элчийн бүлгэм нь Энх-Амгалан хааны зарлигаар алс холын Ижилийн Торгууд хаант улсад элч илгээсэн билээ. Дундад улсын түүхэнд хамгийн анх удаа европын улсад элч илгээсэн энэхүү элчийн бүлгэм нь Хаант Оросын харшлалаас болж хоёр жил гаруй хугацаа зарцуулаад 1714 оны 7 сарын 12-ны өдөр Ману тохойд

байсан торгуудын Аюук хааны ордонд хүрч бараалхсан билээ.

Энэхүү Ману тохой гэдэг газар нь их төлөв Астрахан мужаас хойших Волгоград болон Райгород хоорондох Ижил мөрний баруун хөвөө дагуу их тал дээр байсан юм [Ма Дажэн 1991: 105]. Энэ орчим бол мөн ч Жангар хааны ордны байршлын орон байр мөн гэдгийг дээрх хэдэн хэсэгт тодорхойлсон билээ. Чин улсын хааны захидал бичигт хүртэл Торгууд хаант улсын нутаг дэвсгэрийг *‘Вэ зан’* буюу *‘Үйзэн’*-ий орон гэж хэлж байснаас үзвэл Торгууд хаант улсын нутаг дэвсгэрийг үнэхээр *‘Үйзэнгийн орон’* гэж эртдээ хэлж байсан бололтой.

Ингэхлээр «Жангар»-ын тууль дахь *‘Ар бумбын орон’* хийгээд *‘Үйзэнгийн орон’* гэдэг нь адилхан утгатай байж, цөм Торгууд хаант улсын нутаг дэвсгэрийг заасан утгатай аж. Харин *‘Үйзэн алдар хаан’* гэвэл *‘Үйзэнгийн орны хаан’* гэсэн утгатай үг болно.

‘Үйзэн’ гэдэг үг бол гарлын хувьд төвд үг болох бөгөөд Лхасаар төв болгосон өмнөд Төвд орныг заасан *«Үй» (dbus)*, Ригазигээр төв болгосон хойт Төвдийг заасан *«зан» (gtsang)* гэсэн хоёр үгээс нийлэн бүтсэн *‘Үйзэн’* гэдэг үг болох юм. Энэ үг нь Мин улсын сүүлч, Чин улсын эхний үеэр Төвд орныг заасан төлөөний нэр байсан ба XVII зуунаас хойш монголын түүхэн бичигт олонтоо тохиолдох нэр цол болжээ.

6. Хар тэнгис

Эрклүүһин Мөңгн Цаһан / Уул деер һарч гинэ. / Ут занон арман түшэд, / Довтлх шонхрин нүдэр, / Долан орни амтиг, / Энд уга анхрәж гинэ. / Цаад бийдән хэләхнә, / Найн тавн сара / Өргн киитн хар теңс / Өрү-сөрү хойр урсхулта, / Урсхулднә үкрин дүнгә хар чолун / Бий бийән гүвдлән, / Улан һал падрад, / Уулын дүнгә цаһан долган / Унду-сунду цокад бәәв [Жаңһр 1990: 234–235] — хэмээн Хар тэнгисийн тухай дүрсэлсэн дүрслэл нь догшин урсгал, ширүүн давалгаатай Хар тэнгисийн бодит байдалтай нийцэж буй.

Бас: *Киитн хар теңгсин көвәд бәәсн / Гүзән Гүмбиниг би дәәлнәв! — гижә йовна* [Жаңһр 1990: 91] — гэдгээс үзэхэд «Жангар»-ын шилдэг арван гурван баатрын нэгэнд тооцогдох Гүзән Гүмбийн нутаг нь энэ Хар тэнгисийн хөвөөнд байдаг аж.

7. Хойт мөсөн далай

Зургаадагч жилийн адаг сүүлээр, / Хойт мөсөн далай бүслүүртэй / Эргүү хоймостой Догиин Шар мангас [Жангар 1986: 29].

Түүнээс ондоо бас нэг хаан байж гэнэ, / Тэрхааныг хэлдэг болохула, / Эвхэрсэн мөсөн цагаан далай бүслүүртэй, / Эрс цагаан уул түшлэгтэй [Жангар 1986: 53] — гэх мэтээр дүрслэгддэг ба түүний зүг чиг нь *«хойт зүгт байдаг»* [Жангар 1986: 62] аж.

Үүнээс энэхүү *‘Хойт мөсөн далай’* гэдэг нь одоогийн Умард мөсөн далай мөн гэдгийг нэр болон зүг чигийн талаас мэдэж болно.

8. Хүүхэн цагаан тэнгис

«Жангар»-т: *Хүүхэн цагаан тэнгисийн гурван буланг / Хий цовлон гарайдаад, гадацад нь гарав* [Жангар 1986: 225] — хэмээн өгүүлдэг.

Энэ *‘Цагаан тэнгис’* гэдэг нь одоогийн Оросын Мурманск болон Архангельск хоёрын хооронд байдаг, энэ нь «Жангар» дахь *«Ар бумбын орон»*-ы эгц зүүн зүгт (уламжлалт наран зүгээр) байдаг *‘Цагаан тэнгис’* болох болов уу хэмээн бодож байна. Т. Жамцаа гуайгаас тус тэнгисийг одоогийн Турк улсын баруун захад байх Эгийн тэнгис мөн байх [Жамцаа 1997: 156] хэмээн үзсэн болно.

9. Авхуй балгад далай болон Богдын уул

«Жангар»-т: — *Алтан Цээж бава минь, / Зүүн өмнө зүгт / Авхуй балгад далайн хөвөөнд, / Шихэр тавцан гэдэг уулын / Баруунсууд нутагласан / ... / Буурал һалзан морьтой, / Бумбын Хар Санал гэдэг хаан байна* [Жангар 1986: 177–178] — гэж тоочсон байдаг.

Энд хэлж байгаа *‘Авхуй балгад далай’* гэдэг нь чухам хаана байх болов хэмээн *«Ар бумбын орон»*-ы зүүн өмнөд зүгт орших газар нутаг дотроос эрэн хайсанд Чив хэмээн одоогийн Хасагстаны баруун хойт хэсэг, Урал голын дунд урсгалын сав газарт байх Уральск мужийн хил дотор байх зургаан ихцэр нуур тэнгисийн нэгийг “Балгад” хэмээн тов тодорхой бичиж байхыг [Справочник 1994: 93] эрж оллоо.

Бас жишээлбэл: *Хоёрдогч суурьт суудаг нь хэн бэ? гэвэл, / ... / Богдын өндөр уулаа ясаар нь тайгаад, / Булинггар улаан далайгаа цусаар нь тахиад, / Бум сая нутаг нуруугаа / Эр биеэрээ харсан байдаг, / Булинггарын хөвүүн Догиин Хар Санал болно* [ЖЭМ-8 1988: 29] — гэж өгүүлдэг.

Энд хэлж байгаа *‘Богдын уул’* гэдэг нь дээр өгүүлсэн *‘Балгад далай’*-н орчим буюу одоогийн Хасагстаны хил доторх Турхай голын баруунтаа Урал голын зүүнтээ байдаг их Богд уулыг зааж байгаа нь илэрхий.

Харин *‘Буллинггар улаан далай’* гэдэг нь энэ орчимд байдаг 140 гаруй нуур тэнгисийн [Справочник 1994: 93] доторх аль нэг нь бололтой. Энэ Булингарын хөвүүн Догшин Хар Санал сүүлээр нь *«бум түмэн албатаа ноён үгүй орхиод, бурхан сайхан ээжээ үр үгүй хаяад»* Жангарт орж өгсөн байдаг.

Энэ бүхнийг дүгнэж хэлбэл, *«Жангар»* дахь *‘Авхуй балгад далай’* хийгээд *‘Богдын уул’* (үнэхээр Хасагстаны баруун хойт хэсэг дэх хамгийн өндөр уул болно) гэдэг нь одоогийн Хасагстаны баруун хойт хэсэг, Арал тэнгисийн баруун хойт бие, Каспийн тэнгисийн зүүн хойт талд байдаг *‘Балгад далай’* хийгээд *‘Их Богд баявуул’* гэдгийг их төлөв магадлаж болно.

10. Шихирлуу

Энэ Богдын уул хийгээд Балгад далайн орчимд бас нэг Шихирлуу гэдэг томоохон гол байдаг тухай дээрх номд тодорхой тэмдэглэжээ. Энэ нь *«Жангар»*-т олон дахин гараад байдаг *‘Шихирлуу’*-г зааж байгаа болов уу? *«Жангар»*-т:

Шихирлуугийн хөвөөнд байдаг / Шигширгийн өргөөнд хурч, / Араг Улаан Хонгорт, / Энэ бичиги өгө. / Ойроор тавиад бодохула, / Үдийн газар биш үү, / Холоор тавиад бодохула / Хоногийн газар биш үү [Жангар 1986: 221].

Хүчтэй баатар Хонгор / ... / Ингэтэл тэгтэл хүлээлгээд, / Эрчис бумбаараа ороод / Бумба далайн хөвөөнд, / Богд ноён Жангарынхаа / Хас мөнгөн үүдэнд ирж буугаад [Жангар 1986: 221–230] — гэсэн нарийн тоочилт байдаг, үүнээс Хонгорын нутаг бол *‘Шихирлуу’* гэдэг голын хөвөөнд байдаг ба энэ нь Жангарын хаан ордноос дэмий холгүй газар байдаг гэснийг мэдэж болно.

Энд зүг чигийн талаар тодорхой заалт хийсэнгүй боловч *‘Эрчис бумбаараа ороод’* гэснээс үзвэл *‘Шихирлуу’* нь Жангарын хаан ордны зүүнтээ талаар байх бололтой. Олны мэдэгчээр 1771 онд торгуудууд Ижилээс эх улсдаа буцаж ирэхдээ энэхүү *‘Шихирлуу’*-г дамжин өнгөрсөн тухай чухал баримт буй.

Энэ нь даруй торгуудууд Ижилээс буцаж ирэх үе, нүүдэл дайсны цэргүүдтэй тулалдаж баатарлагаар бие үрэгдсэн баатар эр Анай баатарлагийн тухай дахь дурсамж дуу болно. Тус дууны тухай хэд хэдэн хувилбар байдаг боловч газар усны нэрсийн талаар харин бүр нэгдэлтэй байдаг.

Жишээлбэл: *Хармаг луугийн хөвөөнд / Хар саарал нь хазаар эмээлтэйгээ*

хантраатай, / Хайрладаг нутгийнхаа төлөөд / Аанай Бардаанаг хайртай шиг амийгаа өргөв, / Шихирлуугийн хөвөөнд шихирдсэн цахараараа цахардчихлаа, / Шихийгээд ирсэн дайсныг Аанай Бардаанаг, / Шивэлзсэн саарлаараа сөргөв [Зоригтой 1984: 16] гэж дуулдаг.

Үүнээс *«Жангар»* дахь *‘Шихирлуу’* болон тус түүхэн дуу дахь *‘Шихирлуу’* гэдэг нь бүр нэг газрыг зааж байгаа үнэн бодот газрын нэр мөн гэдгийг мэдэж болно. Т. Жамцаа гуай *‘Шихирлуу’*-г одоогийн Монгол улсын Ховд Алтайн орчим буй [Жамцаа 1997: 163] хэмээн үзсэн байна.

11. Шихир дөрвөн далай буюу Баримадын гурван далай

«Жангар»-ын адил бус хувилбарт *‘Шихир дөрвөн далай’*, *‘Баримад гурван далай’* гэж үргэлж гардаг. Жишээлбэл:

Шихир дөрвөн далай гэдэг нь / Баруун зүүн хоёроос нь бүслээд, / Барчид зэтгэр хоёрыг бууж тосоод, / Хорон шоогоор буцалдаг гэнэ [Жангар 1986: 11] — гэх мэтээр дүрсэлдэг.

Үүнээс *‘Ар бумбын орон’* буюу нэн тодруулж хэлбэл Алдар Жангарын алаг шар бамбалайн эргэн тойронд нь гурав буюу дөрвөн далай байдаг юм байна. Энэ нь Торгууд хаант улсын нутаг дэвсгэрийн зүүн баруун биед орших Арал тэнгис, Каспийн тэнгис, Хар тэнгис, Цагаан тэнгис буюу эсвэл Дон мөрний цутгалан болох Азовын тэнгис зэргийг зааж байгаа нь тодорхой. Алтай, Тарвагатайн орчим дахь зүүнгарын нутаг усны зүүн баруун талд нь иймэрхүү том далай тэнгисүүд байдаггүй, үүнийг анхааран үзүүштэй.

12. Өл манхан цагаан уул

Алдар Жангарын алаг шар бамбалай нь энэхүү Өл Манхан Цагаан уулын өлгүүнд байдаг. Энэ тухай: *Өл Манхан Цагаан уул нь / Газар тэнгэр хоёрын хүйсэн болоод, / Өглөө гарах нарны хөл доор / Манхайгаад байдаг гэнэ / ... / Эзэн ноён Жангартая, / Энэ наран доор үгүй байшин бариулъя / ... / Наран гарахын ар бие тал, / Гурваних иилийн омруун тал, / Артай арван хоёр далайн цутгаланд, / Бумба далай гэдэг далайн хөвөөнд, / Өл Манхан Цагаан уулын баруун эрүү доор, / Талбайн цагаан ташууд / Таван зуун галбир зандан улиасыг / Дагуулъя гэж хүүрнэлдсэн болно [Жангар 1958: 20]* — гэж өгүүлдэг буюу.

Өл Манхан цагаан уулын өлгүүнд, / Өргөн Шарт далайн цутгаланд, / Алтан арлуудын

аараг дунд, / Араат арван хоёр бүслүүртэй / Талбиу цагаан таиуугийн нүүрт, / Таван мянган галбир занданы / Сүүдэр дагуулья гэж зөвшилдөөд [ЖЭМ-8 1988: 39–40] — гэх мэтээр нарийн дүрслэн тушаасан байдаг.

Энэ уулын зүг чигийн талаар ‘Бумбын орон’ буюу Жангарын хаан ордны аль зүгт нь байх болов хэмээн «Жангар»-ын туулийг нарийн шүүж үзсэнээ «Алтан Цээж Жангар хоёрын байр барилдсан бүлэг»-т энэ асуудлыг тодорхой тушаасан байна. Даруй Алдар ноён Жангарыг эрхэм таван настайд нь Түвшин ширгийн хөвгүүн, Бөх Мөнгөн Шигширгэ олзод авдаг ба сүүлээр нь түүнийг бусдын гараар хороож алуулахын төлөө, Алтан цээжийн адууг хөөлгөхөөр явуулна. Тэгээд Алдар Жангар:

Дэжн нурвн сара нэзрт гүүлсэн цагт, / Эл Манхн Цаган уулын ора харһад ирв. / Күрс-күрсэр күрч ирэд, / Шүһл мөңгн цулвран суңһж бэрэд, / Дэрсин хар елдңгэн чирэд, / Киитн хар нүдэрн дөрвн талан хэлэв. / Байн Күңкэн Алтн Цеежсин / Барвад алтн бээшн бас чиг харгдв [Жаңһр 1990: 17] — гэж тодорхой тушаасан байдаг.

Дээрх хоёр жишээнээс доорх мэт хэдэн сүвэгч илэрч байна. Нэгд, энэхүү ‘Өл манхан цагаан уул’ гэдэг нь тэнгэр газрын хүйс болсон маш өндөр уул юм. Хоёрт, энэ уул нь Алдар Жангарын ‘Ар Бумбын орон’-ы баруун буюу баруун хойт зүг болох «наран суух үд хоёрын хооронд» байдаг байна. Гуравт, Жангарын хаан ордон нь энэхүү өндөр уулын өлгүүн омруун талд, Бумба далайн хөвөөнд байдаг байна. Энэхүү чухал хэдэн сүвэгчид тулгуурлан Ижил, Дон, Урал зэрэг гурван мөрний өргөн уудам сав газруудын хоорондох уул нуруудыг ажиглан үзэхээр ихэнх газар нь бүр үзүүр хязгааргүй тэгш тал байж, харин ‘тэнгэр газрын хүйс’ болмоор өндөр уул нэг ч харагдсангүй.

Гагцхүү ‘Ар бумбын орон’-ы баруун зүг буюу баруун хойт зүгт, бүр тодруулж хэлбэл, Хар тэнгис болон Каспийн тэнгисийн хооронд залгалдсан их Кавказын уулын дунд хэсэгт нь үнэхээр нэгэн «Өл Буурал уул» (Эльбрус уул) гэдэг хамгийн өндөр оргил байхыг олж мэдлээ [Селеева 2013: 270]. Тус уулыг хятадаар «*Erbülüshi*» гэж тодорхой тэмдэглэж байдаг бөгөөд энэ уул нь далайн түвшнээс 5633 метр өндөр уул аж. Ингээд нэр усны талаар ч, өндрийн хэмжээгээрээ ч, зүг чиглэлээрээ ч, энэхүү уул нь “Жангар” дахь ‘Өл Манхан Цагаан уул’-ын байдалтай яахын аргагүй тохирч байна.

13. Мин уул

«Жангар»-т Орчлонгийн сайхан Минъян гэдэг олон талын авъяас, эрдэм, арга чадалтай эрхэм сайн сөнчийн дүр гарна. Угтаа тэр бас

Мин гэдэг уулын түшлэгтэй, / Мин гэдэг голын услууртай, / Мянган түмэн өрх албаттай, / Эрх Туг хааны хөвгүүн, / Орчлонгийн сайхан Минъян гэдэг [ЖЭМ 1988: 205] хаан байжээ.

Түүний нутаг усных нь байдал бол

Мин гэдэг уул түшлэг нь, / Мангнуг торгоор бүрхсэн адил / / Мин гэдэг гол тэнгисэд нь / Мунрашаан бүрэдүсэн байна [ЖЭМ 1988: 203];

Дээрээн даранга дажрал үгүй, / Дэргэдээндайн дажсин үгүй, / Орчлондундаа хувьдаа жаргалтай, / Өчүүхэнхааны нутаг гэгсэр / ... / Өчүүхэн байтал яагаад үүнд / Ороннутгаа харсагсан буй? — гэж / Хаан ноён Жангар бодоод, / Омог сэтгэлээр гайхахлаа нь / Өчүүхэн орон болсон болоод байдагаж [ЖЭМ-8 1988: 203];

Гэвч энэхүү «найтаг тивийн өчүүхэн орон билэй, найман үедээн бүрэн бүтэн билэй» [ЖЭМ 1988: 220] байж байгаад, Орчлонгийн сайхан Минъян Жангар хаан лугаа байр барилдах үедээ түүний аугаа их хаан болох тухай хүчин чадал ба хишиг буяныг шинжлэн мэдээд:

Мин гэгч уулаан / Эзэнгүй хаяад, / Мянган түмэн албатаан / Ноёнгүй орхиод, / Цуудай цагаан хатнаан / Ганц биеэр нь хаяад, / Цусан улаан хүүхнээн / Аавгүй орхиод, / Алтан Шаргаараан ирээд [Жангар 1986: 340] алдар ноён Жангарыг дагаж, эрхэм сайн сөнч нь болдог.

Дээрх жишээ бидэнд ийм хоёр чухал сүвэгчийг хангаж буй. Нэгд, Минъяний нутаг бол ‘Мин’ гэдэг уул ба “Мин” гэдэг голтой байдаг, өөрөөр хэлбэл Минъяний нутаг бол ‘Мин’ гэдэг нэртэй байсан байна. Хоёрт, Минъяний энэхүү ‘Мин’ нэртэй улс нь ‘өчүүхэн орон’ болно. Одоо бид дээрх хоёр сүвэгчид нэг нэгээр задлал хийж үзье.

1. ‘Мин’ гэдэг уул ба ‘Мин’ гэдэг улс байсан эсэх тухай. Ази тивд ‘Мин’ гэдэг нэртэй уул ус байх эсэх тухай тодорхой баримт байхгүй, гэвч дундад улсын түүхэнд ‘Мин’ улс гэдэг төр гүрэн тогтож байсан, үүнээс шалтгаалан зарим судлагчид орчлонгийн сайхан Минъянийг ‘Мин улс’-тай ямар нэгэн харьцаатай болов уу гэсэн санаа гаргаж байсан. Бидний бодлоор, «Жангар»-т гардаг энэхүү ‘Мин уул’ гэдэг нь одоогийн Азарбайджаны хойт бие, Оросын европын хэсгийн өмнө тал, Хар тэнгисийн

зүүн хөвөө дагуу байдаг «Гүрж улс»-ын зүүн хойт зүгт байдаг уулыг хэлж буй.

Тус уул далайн түвшнээс 4008 метр өндөр байдаг ба нэр нь «Мингрэлиа» гэдэг аж. Тус уулыг «Орос улсын түүхэн газар зургийн тайлбар» гэх ном дээр хятаар «Minggèlièliya» [Карта России 1995: 76] хэмээн тодорхой тэмдэглэж байна. Харин одоогийн газрын зургууд дээр хятаар /ханз/ гэж дөхөмжлөн тэмдэглэж буй. Хэрвээ орос бичлэгийн уг тэмдэглэлийг олж чадсан бол энэ асуудал улам тодорхой болох байсан. Тэгвэл түүхээс энэ уулын орчимд «Мин» гэдэг улс гүрэн оршиж байсан уу? — гэвэл үнэхээр «Мин» гэдэг улс байсан байна.

Тус улс нь эртний «Гүрж улс» дотроос биеэ дааж тусгаарлан гарсан жижигхэн улс байсан ба түүнийг хятаар «Minggè lièliya gōngguó» хэмээн тэмдэглэж буй. Тус улсыг Хаант Оросоос 1804 онд эрхшээлдээ оруулж 1867 онд жинхнээр нэгтгээд [Карта России 1995: 76] авчээ. Дээрх хоёр баримтаас «Жангар» дахь «Мин» гэдэг уул болон «Мин» гэдэг улс нь даруй түүхэн дэх үнэн бодит «Мин» уул болон «Minggè lièliya gōngguó» улсыг зааж байх нь их төлөв тодорхой байна.

2. Энэхүү «Minggèlièliya» улс нь угийн өчүүхэн бага «Гүрж улс» дотроос салбарлан гарсан нэн бага улс болохоор «Жангар»-т түүнийг «Өчүүхэн орон» хэмээн онцлон тодруулж хэлэх нь түүхэн үнэнтэй нэн ойртож байна.

Олны мэдэж байгаагаар, «Жангар»-ын туульд «Орчлонгийн сайхан Минъян Түрэг хааны шар цоохор агтыг хөөсөн бүлэг» болон «Орчлонгийн сайхан Минъян хүчтэй Хэрэмэн хааныг амьдаар барьж ирсэн бүлэг» гэдэг тусгай хоёр бүлэг байдаг. Энэ хоёр бүлэгт Орчлонгийн сайхан

Минъян Жангарын зарлигаар явж, Түрэг хааны адууг хөөж ирдэг ба хүчтэй Хэрэмэн хааныг амьдаар нь барьж ирдэг үйл явдал өгүүлэгдэнэ. Олны мэдэгчээр дээр дурдсан «Мингрэл улс»-ын нутаг усны байршил нь Чив хэмээн Түрэг ба Крымийн хооронд хил залгалдан оршин тогтнож байсан «Өчүүхэн улс» болно. «Жангар» дахь «Мин улс»-ын байршил нь ч энэхүү түүхэн бодит байдалтай яг тохирч байна. Үүнээс «Жангар» дахь Орчлонгийн сайхан Минъянтэй холбогдсон өгүүлэмж бол нэлээд бат бэх түүхэн үндэс сурвалжтай учир явдал бололтой гэдгийг төсөвлөж болох юм.

Бас цаашилбал, Орчлонгийн сайхан Минъянийг өөр зүгт зарахгүй яг өөрийнх нь нутаг устай зэргэлдээ байсан Түрэг хаан болон Хэрэмэн хааны нутагт элчлэн зарсан явдал нь ч түүнийг тэр орчмын бүх талын нарийн байдлыг илүү тодорхой сайн мэднэ гэж үзэж байсантай шууд холбогдох бус уу? Сонирхолтой нь, алдар Жангар хаанаас Орчлонгийн сайхан Минъянийг зарлигдаж Түрэг хаан ба Хэрэмэн хааны нутаг зүг зарах үед, орчлонгийн сайхан Минъян:

Хариин ик дээсенде / Ганцъ бийе миний юуңгад сөрдегтен энүве? / Өнчин гижси өөсентен энүве? / Өнер болад, эне улъс суусън энүве? / Хәре һазъртъ хатрад йовхъла / Халун хәәсен хот өгдөг / Эгчи, дүүһин оңһа үга л! / Ардъ санжъ кэлдег минь / Ах, дүүһин оңһа үга л! [Жаңһр 1978: 419–420] — гэж хэлдэг, үүнээс Орчлонгийн сайхан Минъян бол Жангар, Хонгор нартай ямар ч төрөл садны харилцаагүй харь овгийн хүн буюу харь үндэстний хүн болох нь их төлөв мэдэгдэж байна. Энэ нь ч Минъянийг түүхэн дэх «Мингрэл улс»-ын хаад ноёдын туульжсан дүр мөн гэдгийг батлах хамгийн сайн дам баримт мөн.

Ном зүй / Литература

Бадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ 1992 — Бадай Х., Алтан-Оргил, Эрдэнэ. Ойрад түүхийн дурсгалууд. Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1992. 496 н.
Борисенко 2004 — Борисенко И. В. Географические реалии эпоса «Джангар» по картографическим источникам // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 августа 1990 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 390–392.

Жамцаа 1997 — Жамцаа Т. Тууль «Жангар»-ын учир. Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1997. 516 н.

Жангар 1958 — Арван гурван бүлэгт «Жангар». Хух-Хот: Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1958. 341 н.

Жангар 1986 — Жангар. 1 боть. Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1986. 861 н.

ЖЭМ-8 — Жангарын эх материал. 8. Урумчи: Дундад улсын ардын аман зохиол урлагийн хэвлэлийн хороо, 1988. 501 н.

- Жаңһр 1978 — Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст). I боти. М.: ГРВЛ, Наука, 1978. 442 с.
- Жаңһр 1990 — Жаңһр. Хальмг баатрлг эпос. Хурвдгч харцнь. Элиста: Хальмг дегтр һарһач, 1990. 286 с.
- Зоригтой 1984 — Зоригтой Н. Ховогсайрын монгол урт дуу. Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1984. 224 н.
- Карта России 1995 — Обоснование исторической карты России. Пекин: Коммерческое изд-во, 1995. 380 с.
- Кичиков 1976 — Кичиков А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1976. 155 с.
- Кичгэ 1974 — Кичгэ Т. Баатрлг дуулвр «Жаңһр» (Баатрлг дуулврин һарлһин, баг бөлгүдин, теднэ һоллгч баатрмудын, утх багтаврин шинжлһн). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1974. 159 х.
- Козин 1940 — Козин С. А. «Джангариада». Героическая поэма калмыков (введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии). М.; Л., 1940. 252 с.
- Ма Дажэн 1991 — Ма Дажэн, Ма Рушэн. Этносы, ушедшие в другие страны. Пекин: Изд-во АОН КНР, 1991. 183 с.
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- Справочник 1994 — Справочник пяти стран Центральной Азии. Урумчи: Изд-во науки и техники Синьцзяна, 1994. 220 с.
- Vol. 1. Moscow: Nauka, GRVL, 1978. 442 p. (In Kalm.)
- Dzhangar* [The *Jangar*]. Vol. 1. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1986. 861 p. (In Mong.)
- Dzhangar. Khal'mg baatrlg epos* [The *Jangar*: a Kalmyk heroic epic]. 3rd ed. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 286 p. (In Kalm.)
- Karta Rossii. Obosnovanie istoricheskoi karty Rossii* [A substantiated historical map of Russia]. Beijing: Commercial Publ. House, 1995. 380 p. (In Chin.)
- Kichikov A. Sh. *Issledovanie geroicheskogo eposa «Dzhangar» (Voprosy istoricheskoy poetiki)* [Investigating the heroic epic of *Jangar*: questions of historical poetics]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 224 p. (In Rus.)
- Kichgä T. *Baatrlg duulvr «Dzhangar» (Baatrlg duulvrin yarlyin, bag bölgüdin, tedne yollgch baatrmudyn, utkh bagtavrin shinzllyn)* [The heroic epic of *Jangar*: an insight into origins of the epic, repertoire cycle, main characters, artistic content]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1974. 159 p. (In Kalm.)
- Kozin S. A. *«Dzhangariada». Geroicheskaya poema kalmykov (vvedenie v izuchenie pamyatnika I perevod torgutskoy ego versii)* [The *Jangariad*: a heroic poem of the Kalmyks (an introduction to epic studies supplemented with a translation of the Torghut version)]. Moscow; Leningrad, 1940. 252 p. (In Rus.)
- Ma Dazhehn, Ma Rushehn. *Etnosy, ushedshie v drugie strany* [Ethnic groups that have left for other countries.] Beijing: Publ. House of China, 1991. 183 p. (In Chin.)
- Seleeva Ts. B. *Ukazatel' tem kalmytskoy i sin'tsyan-oiratskoy versiy eposa «Dzhangar»* [The Kalmyk and Xinjiang Oirat versions of the *Jangar* epic: an index of themes]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2013. 276 p. (In Rus.)
- Spravochnik pyati stran Tsentral'noi Azii* [Five Central Asian countries: a reference book]. Urumqi: Xinjiang Science and Technology Publ. House, 1994. 220 p. (In Chin.)
- Zhamtsaa T. *Tuul' «Zhangar»-in uchir* [The *Jangar* Epic]. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1997. 516 p. (In Mong.)
- Zhangarin ex material. 8* [Original texts of the *Jangar. 8*]. Urumqi: Publ. House for Oral Arts of Peoples of China, 1988. 501p. (In Mong.)
- Zorigtoi N. *Khovogsayryn mongol urt duu* [Lingering songs of Qobuqsar Mongols]. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1984. 224 p. (In Mong.)

References

- Arvan gurban bulegt «Zhangar» [Thirteen chapters of the *Jangar*]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 1958. 341 p. (In Mong.)
- Badai X., Altan-Orgil, Erdene. *Oirad tuukhiyn dursgaluid* [Works on Oirat history]. Urumqi: Xinjiang People's Publ. House, 1992. 496 p. (In Mong.)
- Borisenko I. V. Geographical realia of the *Jangar* epic according to cartographic sources. «*Dzhangar*» i problemy` epicheskogo tvorchestva. Conf. proc. (Elista, 22–24 August 1990). Elista: Dzhangar, 2004. Pp. 390–392. (In Rus.)
- Dzhangar. Khal'mg baatrlg duulvr* [The *Jangar*: a Kalmyk heroic epic]. Texts of 25 chapters.

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 87–98, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-87-98
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37

Семантика и сочетаемость лексемы *богд* (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар»)

Нина Михайловна Мулаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела монгольской филологии
 ORCID: 0000-0001-8395-849X. E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Аннотация. Данное исследование написано в русле работ, в которых апробируются материалы Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Цель работы состоит в раскрытии этимологии и дефиниционном анализе лексемы *богд* ‘богдо’, включенной в словник Толкового словаря. *Материалом исследования* послужили 28 текстов разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Результаты. В рассмотренных лексикографических источниках лексема *богд* приведена в основном в двух значениях, одно из которых является наименованием титула, а второе представлено в качестве эпитета. Лексема *богд* среди титульных лексем по употребительности является одной из высокочастотных и служит высшим религиозным титулом Джангара, главного героя эпоса, наделенного и другими религиозными титулами, которые употребляются в составе выражения: *деед богд* ‘верховный богдо’, *богд гегэн* ‘богдо-геген’. Для обозначения лексемы *богд* в анализируемых текстах будет уместным употребление парного термина *титул-эпитет*. Лексема *богд* в эпосе встречается в глагольных сочетаниях, смысловая нагрузка которых заключается в восхвалении и почитании богдо Джангара. Встречаются эпитеты, где восхваление *богд* включает религиозный смысл. Употребление лексемы *богд* во множественном числе (*богдир*) зафиксировано один раз, в Багацохуровском цикле эпоса. В силу архаичности эпоса значения некоторых религиозных эпитетов с компонентом *богд* не ясны (*такл богд Жаңһр* ‘? богдо Джангар’). Основываясь на исследованиях лексемы *богд* в различных источниках, опираясь, главным образом, на тексты эпоса, мы составили толкования значений и образец словарной статьи в сокращенном варианте с заголовочным словом *богд*. В современном калмыцком языке лексема *богд*, обладая ограниченной сочетаемостью и в результате сужения семантики значения слова, входит в разряд историзмов. Титулатура калмыцкого героического эпоса «Джангар» остается одним из малоизученных пластов эпической лексики, детальное изучение лексем данной тематической группы позволит проанализировать языковые контакты ойратов — предков калмыков, расширить и дополнить словарный состав современного калмыцкого языка.

Ключевые слова: титул-эпитет, лексема, семантика, сочетаемость, калмыцкий язык, эпос «Джангар», толковый словарь

Благодарности: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ 0258-2019-0003, номер госрегистрации: ААА-А-19-119011490036-1)

Для цитирования: Мулаева Н. М. Семантика и сочетаемость лексемы *богд* (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар»). *Oriental Studies*. 2019;(1):96-107. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-87-98

UDC 821.512.37

Semantics and Combinability of the Lexeme *Богд*/*Bogd* (a Case Study of the Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*)

Nina M. Mulaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. of Philological Sc., Research Associate, Department of Mongolian Philology
ORCID: 0000-0001-8395-849X. E-mail: mulaevanm@kigiran.com

Abstract. The study of the lexeme *богд* throughout *Jangar* epic texts makes it possible to draw the conclusions as follows. The lexeme *богд* as titular epithet is a second most frequently used one among respective titles — after the title of *Khan*. In translations, this word is recorded in different meanings, such as ‘Bogdo’, ‘ruler-Bogdo’ or ‘Bogdo-ruler’. The titular epithet *Bogdo* is the highest religious and secular title — that of the main character of the *Jangar* epic; it is only once that the title is used to denote another character in the whole of the epic (*Манхн Богд Хан*). A number of researchers have noted that the characteristic epithet — *богд* ‘most august’ — indicates that *Jangar* is actually compared to deities. The protagonist of the epic is given not only the supreme religious title of *Богд* but is also bestowed other religious titles, namely: *деед Богд* ‘Supreme Bogdo’, *Богд геген* ‘Bogdo gegen’. *Jangarchis* would give *Jangar* titles of supreme rulers of many nations: ‘Noyon *Jangar*’, ‘Khan *Jangar*’, ‘Khan *Jangar* Noyon’, ‘Noyon Khan Bogdo’, ‘Bogdo *Jangar*’, ‘Ruler Bogdo’, ‘Ruler Noyon Bogdo *Jangar*’, ‘*Jangar* the Supreme Bogdo’, ‘*Jangar* the Supreme Ruler Bogdo’, ‘*Jangar* the Supreme Noyon Bogdo’, etc. The title *Bogdo* is used in the epic in the singular only, the plural *богднр* recorded only once in the *Baya Tsokhor* epic cycle. It is also found in verb combinations that aim to praise and worship of *Jangar* Bogdo: *Bogd Talan* (*neg*) *geckk* ‘bow to the Bogdo (once)’, *Bogd yuyān bōl’x* ‘praise the Bogdo Ruler’. The texts of the epic abounds with numerous epithets, praising *Jangar* Bogdo: ‘Bogdo Ruler similar to a dream’, ‘*Jangar* Bogdo Khan who is as marvellous as a dream’, ‘Great Noyon Ruler Bogdo’, ‘Glorious Bogdo’, ‘Proud-Hearted Noyon Bogdo’, ‘Glorious *Jangar* Bogdo’, ‘Baatar Bogdo’, ‘Happiest Bogdo’, ‘Bravest Bogdo’, ‘Proud-Hearted Noyon Ruler Bogdo’, ‘Ruler Bogdo the Celebrating’. There are adjectives where the epithet *богд* includes purely religious meanings: *shažIn deed noyon bogd* ‘Noyon Bogdo destined by Heaven’, *burhn žindmnin XÜvlyān bogd* ‘Bogdo — a manifestation of the divine Cintamani’. In the *Baya Dorbet* and *Baya Tsokhor* epic cycles one can find some fixed combinations with the lexeme *богд*: *kūkēn Bogd* ‘young Bogdo’, *zalū Bogd* ‘young Bogdo’. Due to the archaic nature of the epic meanings of some religious epithets that include *богд* still remain unclear (*Takl Bogd žanyr* ‘? Bogdo *Dzhangar*’). In modern Kalmyk, the lexeme *богд* — with its limited compatibility and narrowed semantics — is classified as a historicism.

Keywords: title-epithet, lexeme, semantics, compatibility, Kalmyk language, Epic of *Jangar*, explanatory dictionary

Acknowledgements: Research was subsidized by the government — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (No. 0258-2019-0003, reg. No. AAAA-A19-119011490036-1)

For citation: Mulaeva N. M. Semantics and Combinability of the Lexeme *Богд*/*Bogd* (a Case Study of the Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*). *Oriental Studies*. 2019;(1):96-107. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-87-98

Как известно, одной из важных задач современного калмыковедения остается сохранение уникального наследия этноса, главного памятника монголо-ойратских народов — героического эпоса «Джангар».

Данное исследование написано в русле работ, в которых апробируются материалы Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»¹ (далее — ТСД), создаваемого на базе 28 текстов разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар», объединенных в репертуарные циклы или представленных отдельными песнями².

В статье предпринята попытка дефиниционного анализа и изучения этимологии лексемы *богд* ‘богдо’, включенной в словарь ТСД.

По мнению известного ученого-джангароведа А. Ш. Кичикова, Джангариада повествует нам о золотом веке ойратов — предков калмыков, о народе-богатыре и его стране, которая носит названия «Бумба», «страна Бумба» или «страна Джангара». Эпическая страна называется страной Джангара потому, что во главе ее богатырского народа стоит августейший (богдо) Джангар-хан — в этом единодушны все версии калмыцкого эпоса [Кичиков 1994: 177].

Анализируя образ эпического властелина Джангара, исследователь отмечает, что неслучайно на первоначальном этапе развития образа—Джангар довольствуется скромным титулом *нойон* (или *эзен нойон*), присвоению которого предшествуют ратные подвиги, принесшие его имени славу: *дуута Жаңһар* ‘прославленный Джангар’, а в последующих главах эпоса, когда власть Джангара утвердилась окончательно, на смену титулу *нойон* приходит благоговей-

но произносимый *богдо* ‘августейший, священный’ или *эзн богд* ‘эзн богдо (августейший государь)’ [Кичиков 1976: 35].

Этимология лексемы *богд*

Этимологический анализ лексемы *богд* осуществлен С. С. Харьковской, которая полагает, что *богдо* имеет следующие значения: 1) *бур.* обычный эпитет в былинах ‘святейший, верховный’, 2) *зап. бур.* бодрый, здоровый; *монг. богд*: 1) святой, премудрый; 2) верховный, августейший восходит к *boga + da* со значением ‘маленький, низкорослый, мелкой кости’, а показатель — *da* — аффикс становления. Ср. *монг. бог мал* ‘мелкий скот’, цит. по: [Монраев 2012: 238].

В «Этимологическом словаре монгольских языков» приводятся *халх. boyda*, *калм. богд*, *бур. богдо* ‘верховный; августейший; святой; бур. (диал.) ‘бодрый, задорный’ [Санджеев и др. 2015: 93].

Лексема *богд* в лексикографических источниках

Рассмотрим значения слова *богд* в лексикографических источниках калмыцкого и родственных монгольских языков.

В словаре О. Ковалевского *богд* (*bogda*) приведено в значениях ‘святой, божественный, достопочтенный, владыка (титул высших лиц)’ [Ковалевский 1846: 78].

В «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедта *богд* (*bogdʰ*) зафиксировано как ‘величество, величественный, небесный, святой; император’, а сочетание *эзн богд* обозначает ‘его Величество император’ [Ramstedt 1935: 49].

В «Калмыцко-русском словаре» А. М. Позднеева лексема *богдо* встречается в одном значении: ‘святой’ [Позднеев 1911: 130].

В «Монгольско-русском словаре» *богд* имеет значения: 1) святой, премудрый; 2) верховный, августейший; *богд хаан* титул монгольских ханов [Монгольско-русский словарь 1957: 71].

В «Толковом словаре традиционного быта калмыков» *богд*: 1) одно из высших званий в иерархии буддийской церкви; 2) святейший, святейшество [Пюрбеев 1996: 151].

¹ См. подробно публикации: [Бачаева 2015; 2017; Бембеев 2018а; 2018б; Куканова 2016; 2018; Мулаева 2015; 2017] и др.

² Перевод текстов эпоса «Джангар» с калмыцкого языка на русский осуществлен авторами публикуемого многотомного «Свода калмыцкого фольклора», выполняемого Калмыцким научным центром РАН (ранее — КИГИ РАН), см. подробно: [Манджиева 2016; 2017].

В «Большом академическом монголо-ско-русском словаре» *богд* представлено в более развернутых значениях: 1) святой, святейший; *Богд уул* ‘гора Богда-ула (находящаяся около Улан-Батора)’; 2) премудрый; верховный, августейший, владыка; *богд гэгээн* ‘верховный святитель (титул Ургинского хутукты)’; 3) повелитель, властелин, властитель; *богд хаан* ‘богдыхан (титул монгольских ханов)’; *богд эзэн* ‘повелитель, властелин; святейший владыка, император (титул китайского императора)’; *хар гэртээ хаан, бор гэртээ богд* ‘досл. в черном доме хаан, в сером доме богдо’ [БАМРС 2001: 245].

В «Словаре языка ойратов Синьцзяна»: 1) богдо — высший сан в иерархии деятелей буддийской церкви; 2) святейший, святейшество [Тодаева 2001: 68].

Таким образом, в рассмотренных лексикографических источниках лексема *богд* приведена в основном в двух значениях, одно из которых является наименованием титула, а второе представлено в качестве эпитета.

Сочетаемость лексем *богд* в эпических текстах эпоса «Джангар»

Лексема *богд* зафиксирована в текстах эпоса 530 раз и среди титульных лексем по частотности является самой употребительной после титула *хан*³.

В калмыцком героическом эпосе Джангар-хан как властелин всей эпической державы выполняет функцию центрального персонажа [Манджиева 2010: 62], вокруг которого происходят все события, и объединяются либо противоборствуют герои. Джангарчи наделяют Джангара титулами верховных правителей многих народов.

Как справедливо отмечает Л. Ц. Санжеева, имена эпических героев представляют собой многосоставную иерархически составленную группу слов: *магическое определение + имя + титул + эпитеты* к ним и т. д. Вариативность имени связана, во-первых, с изменением социального статуса

героя, его эволюцией в ходе развития эпического повествования. Все эти имена обладают магической силой, семантически нагружены всеми признаками, которые свойственны слову в имени [Санжеева 2011: 17].

Так можно проследить и систему имен Джангара: *өнчн Жаңһр* ‘сирота⁴ Джангар’, *баатр Жаңһр* ‘богатырь Джангар’, *нойн Жаңһр* ‘нойон Джангар’, *догшин Жаңһр* ‘грозный Джангар’, *алдр нойн Жаңһр* ‘славный нойон Джангар’, *дуут (дуута) Жаңһр* ‘прославленный Джангар’, *хан Жаңһр* ‘хан Джангар’, *хан нойн Жаңһр* ‘хан нойон Джангар’, *хан нойн богд* ‘хан нойон богдо’, *дала Жаңһр* ‘величественный Джангар’, *богд Жаңһр* ‘богдо Джангар’, *баатр богд Жаңһр* ‘богатырь богдо-властитель Джангар’, *эзн богд Жаңһр* ‘государь властитель-богдо’, *алдр деед богд Жаңһр* ‘славный верховный богдо Джангар’, *эзн нойн богд Жаңһр* ‘государь нойон богдо Джангар’, *деед богд Жаңһр* ‘славный верховный богдо Джангар’, *эзн деед богд Жаңһр* ‘государь верховный богдо Джангар’, *деед нойн богд Жаңһр* ‘верховный нойон богдо Джангар’ и др.

Чаще всего это слово в эпических текстах употребляется, когда идет повествование о главном герое эпоса — Джангаре, и в переводах дается как безэквивалентная лексика ‘богдо’, ‘властитель-богдо’ или ‘богдо-властитель: *Богдын суурнь көдлөд, / Мишхлэгсн бээдг*. ‘Властитель-богдо на престоле шелохнувшись, / Чуть заметно улыбнулся’ [МД: II]. *Богдын үүднд күрэд ирв*. ‘К дверям богдо-властителя пришли’ [МД: I].

Один раз слово *богд* зафиксировано в сочетании: *хан деед богд* ‘хан, верховный властитель-богдо’: *Хан деед богдд цаһа бэрхэр / Гүмб Зан Тавг Хээсн Харан / Тохулгсн бээдг* ‘Хану, верховному властителю-богдо на Цаган подношения преподнести, Гюмбе Зан Тавага Хайсан Хара / Седлать повелевает’ [МД: III].

Лексема *богд* употребляется в сочетаниях с добавлением эпитета *гегэн* ‘светлейший’: *эзн богдын гегэн* ‘государь властитель-богдо светлейший’, *эзн нойн богдын гегэн* ‘государь нойон, властитель-богдо светлейший’, *алдр нойн богдын гегэн* ‘славный нойон-богд светлейший’. Примеры: *«Күрәһин олн ламһр болад, / Көвчин делкән олн хаадуд болад, / Эзн богдын гегән болад,*

⁴ Слово *өнчн* может иметь и другое значение — одинокий, которое, судя по общему контексту эпопеи, является более подходящим [Михайлов 1976: 15].

³ В текстах героического эпоса «Джангар» можно выделить тематическую группу, лексические единицы которой обозначают титулы, например: *хан* 766 ‘хан’; *богд* 530 ‘богдо’; *нойн* 339 ‘нойон, князь, господин’; *эзн* 258 ‘владыка’; *хатн* 134 ‘ханша’; *аһ* 44 ‘княгиня’; *түшмл* 43 ‘сановник’; встречаются производные титулы *деед эзн* ‘верховный владыка’; *эзлгч нойн* ‘владельческий князь’ и др. [Мулаева 2017: 7].

/ *Эңг-эңг дундан / Цуг менд, амр тавта!*» *гигж*, / *Базг Улан Хоңһр / Балмин улан хурһан / Дерс-дерс гигсн бээдг*. ‘Многочисленные ламы монастырской общины, / Многочисленные ханы со всего мира, / Государь властитель-богдо светлейший, / В своих владениях / Все вы в здравии и благоденствии пребывайте! — сказав, / Воинственный Алый Хонгор, / Пунцово-красные пальцы свои / Перед глазами воздел’ [МД: I].

При обозначении лексемы *богд* будет уместным употребление парного термина *титул-эпитет*, который был введен в диссертационном исследовании А. Ж. Шериева для маркировки некоторых лексем в историко-героическом сказании «Манас». Как считает исследователь, титулы-эпитеты служат в тексте для увеличения числа синонимов в характеристике богатыря; сказитель употребляет их, чтобы избежать монотонности изложения и возвеличить в среде зрителей и слушателей того или иного богатыря [Шериев 1991: 6–7]. Так, например в калмыцком героическом эпосе титул *богд* носит исключительно главный герой Джангар, но в одной из песен Ээлян Овла этот титул встречается и у другого эпического персонажа — *Маңхн хана*, например: *Маңхн богдын ач / Манхжэан Мала Цаһан гидг бөк* ‘Внук богдо Мангхана, / Витязь Манхаджан Мала Цаган’ [ЭО: I].

Следует отметить, что титул *богдо хан* зафиксирован всего три раза: один раз в текстах песен Ээлян Овла и дважды употребляется в Багацохуровской версии эпоса: *Маңхн богд хан келн бээнэ*: «*Богд Жаңһр, тана кишг үлү санж, / Уулын нег нарн минн унв*», — *гидг*, / *Тавн зун залуһан дахулад хэрв*. ‘Богдо Мангхан-хан говорит: «Богдо Джангар, вы счастливей меня. / Одно горное солнце мое закатилось», — сказал, / Пятьсот мужей ведя за собой, отбыл к себе’ [ЭО: I]; *Алдр нойн богд хан / Арвн үзгин хаадудт / Арвн эңг элч тальвв*. ‘Славный нойон богдо-хан / К ханам десяти сторон / Десять групп посланцев отправил’ [БЦ: II].

Слово *богд* в текстах эпоса может употребляться как в сочетании с именем главного героя, так и без: *богд Жаңһрин орн* ‘страна богдо Джангара’, *богдын һучн тавн бодң* ‘тридцать пять богатырей богдо’, *богдын үүднд цервүлх* ‘богдо-властителя у ворот гарцевать’, *эзн богдын өргэ* ‘дворец государя-богдо’ и др.

В Багацохуровском цикле эпоса один раз зафиксировано употребление лексемы *богд* во множественном числе — *богднр*:

Арвн хойр богднрин хээрлгсн / Эрүн цаһан мирдим / Күзүндэн зүүһич! ‘Двенадцатью богдо благословлённый / Священный белый мирде мой / На шею надень’ [БЦ: II].

Тексты эпоса изобилуют многочисленными эпитетами, восхваляющими богдо Джангара: *зүүдн богд* ‘сновидению подобный властитель-богдо’, *зүүдн болгсн богд Жаңһр хан* ‘прекрасный, как сон, богдо Джангар хан’, *дала нойн богд* ‘великий нойон властитель-богдо’, *дуут богд* ‘прославленный богдо’, *дүүвр нойн богд* ‘гордый нойон богдо’, *алдр богд Жаңһр* ‘славный богдо Джангар’, *баатр богд* ‘богатырь богдо’, *кишгтәхн богд* ‘счастливейший богдо’, *күлк⁵ богд* ‘храбрейший богдо’, *дүүвр нойн богд* ‘гордый нойон властитель-богдо’, *елдң богд* ‘празднующий властитель-богдо’, *таңсгс богд* ‘благородный богдо’. Примеры из текста:

– *Укл уга мөңкин орнь дүңгәһэд, / Үвл уга зунн орнь дүңгәһэд / Баатр богдын зергд / Багтмһарн орад, / Балын улан арзин сүүр болв*. ‘Бессмертных, вечных людей страна величественно красуется / Без зим, вечно лето страна величаво простирается / Богатыря богдо-властителя приближенные, / Сколь вместились их [во дворце], / С медовой красной арзой на пиршестве восседали’ [МД: III];

– *Зүүдн болгсн богд Жаңһр хан / Үрглжд һучн һурвн теңгрин жирһлиг / Алдл уга, аль дөрвн цагт / Сээхн жирһв*. ‘Прекрасный, как сон, богдо Джангар хан, / Тридцати трех тенгриев блаженство / Испытывая, во все четыре времени [года] / Счастливо жил’ [БЦ: II];

– *Бумбин цаһан өргән ард / Туң найн хойр зандн һолан / Дүүрэд үлгсн, / Дуңшур таңһч / Дуут богдын өлзэд уняртгсн бээдг*. ‘От Бумбайского белого дворца к северу, / Все [долины] восьмидесяти двух сандаловых рек / Наполнив с избытком, / Бесчисленный народ подданных / Славного богдо, благоденствуя, в туманной дымке виднеется’ [МД: III];

– *Кишгтәхн богдан / Киивин шар-цоохр бумблаг / Киитн хар Самбан / Өргүл деегүр делдвл*. ‘Счастливейшего богдо [Джангара] / Золотисто-расписной, похожий на оперенную стрелу, дворец / Возвели на вершине горы / Китен Хара Самба’ [БМ: I];

– *Күлк богдын мирд шүтәһән / Күзүндэн үмскн залв*. ‘Мирде храбрейшего богдо — святыню свою — На шею надел’ [БЦ: I].

⁵ *Күлк, күлкү* ‘высокий, знатный’ [Тодаева 1976: 320].

В малодербетовском и багацохуровском циклах эпоса встречаются устойчивые сочетания с лексемой *богд*: *күүкн⁶ богд* ‘молодой богдо’, *залу богд* ‘молодой богдо Джангар’:

– *Жилв бах хойран / Ганц күүкн богддан өгий*. ‘Желания и радости свои / Одному молодому богдо своему посвятим’ [МД: I];

– *Замб тивин киисн, / Залу богд Жаңһр гигч нернь, / Дөчн түмн хаани нутгт / Даргдл уга, / Дөрвн үзгт тууж болв*. ‘Замбатива глава / Молодой богдо Джангар — это имя его / Во владениях сорока туменов ханов, / Забвению не предаваясь, / В четырех сторонах сказанием стало’ [БЦ: II].

Лексема *богд* в эпосе встречается в глагольных сочетаниях, смысловая нагрузка которых заключается в восхвалении и почитании богдо Джангара: *богд талан (нег) гекх* ‘в сторону богдо поклониться (раз)’, *богд юуһан буульх* ‘богдо-властителя восхвалять’.

Встречаются эпитеты, где восхваление *богдо* включает религиозный смысл: *шажн деед нойн богд* ‘судьбой предопределенный верховный нойон богдо’, *бурхн жиндмнин хувлһн богд* ‘божественного чиндамани воплощение — богдо’, *такл богд Жаңһр* ‘? богдо Джангар’⁷.

Религиозное происхождение титула-эпитета *богд*

В одной из песен «Джангара», записанной Б. Я. Владимирцовым, Джангар имеет характерный эпитет *богдо* ‘августейший’, что указывает на его отношение к божествам. Закончив повествование о подвигах богатырей, певец уже прямо говорит, что Джангар стал перевоплощением (хубилганом) Махакалы, Савргегеном Чойждоном, Улан Хонгор — гегеном Намсараем, а это — святые буддийского пантеона. Вот как выглядит Джангар в момент отправки в путь в трехлетнем возрасте: «На макушке у него появился Ваджрадара, на челе Махакала, на горле — Хоншим — бодхисаттва, на обоих плечах появилась сила Гаруды и тигра, в костях рук воплотилась сила 33 драконов, в лопатке появилась мощь царственной Гару-

ды» [Борджанова 1993: 9–10].

М. У. Монраев пишет, что неоднократно упоминаются родственные связи богатырей эпоса с небожителями, свидетельствующие о небесном происхождении богатырей. Сам Джангар имел титулы *богдо* (августейший), *нойон* (князь). Поэтому вполне естественно, что в прошлом обожествленные герои «Джангара» не могли быть перенесены на землю, они, по сути, приравнивались к главным божествам буддийского пантеона. Так, в ранних записях «Джангара» часто встречаются мифические образы: Махагал, Ямандаг, Эрлик-хан, Эзн Цаган-Обген. Поэтому вполне естественно, что в прошлом обожествленные герои «Джангара» не могли быть перенесены на землю. Простые смертные избегали этих имен, потому что они подлежали запрету⁸ [Монраев 2012: 50–53].

По мнению Г. И. Михайлова, о связи Джангар-нойона с Небесным миром в калмыцкой Джангариаде прямо не говорится, джангарчи чаще всего при характеристике главного героя используют титулы *богд*, *эзн богд* или *деед богд*, которые свидетельствуют о священности его особы. Исследователь приводит для сравнения титулы высших святителей ламаистской церкви: титул *богд-гэгээн*, который носил Жавзан-дамба-хутагт монгольский и титул *богд Банчин-богд* тибетского. Исследователь акцентирует внимание на том, что со словом *богд* калмыцкие джангарчи познакомились не раньше XVII в. [Михайлов 1976: 14].

Титул-эпитет *богд*, по-видимому, относится к религиозным титулам, подтверждение тому находим в работах ученых-исследователей, посвященных изучению лексики эпоса «Джангар». Так, при исследовании религиозной лексики эпоса «Джангар» в эпическом тексте Н. Б. Бадгаевым отмечается религиозный термин *богд* (высший титул) [Бадгаев 2014: 115].

Б. Х. Тодаева в эпических текстах выделяет один из буддийских санов — *богд гэгэн* ‘богдо, верховный геген’ [Тодаева 1976: 217].

Г. Ц. Пюрбеев в монографии «Эпос „Джангар“: культура и язык» лексему *богд* приводит в значениях ‘светлейший, авгу-

⁶ *Күүкн* I 1) девочка; девушка, девица; 2) дочь, дочка; 3) указывает на пол молодняка животных;

Күүкн II *высок. фольк.* 1) девственный; 2) *перен.* непокоренный; 3) непокорный [КРС 1977: 329–330].

⁷ Значение этого эпитета не ясно.

⁸ Среди калмыцких личных имён в работе М. У. Монраева упоминается имя *Богд* (калм.) *Богда* (рус.) в значении ‘святой, премудрый’ [Монраев 2012: 135].

стейший' [Пюрбеев 2015: 263].

Н. Б. Бадгаев отмечает, что некоторые буддийские термины в эпосе являются вторичными номинациями, например, термин *гегэн*, который употребляется в составе выражения *богд гегэн* — богдо-геген (один из высших санов буддийского духовенства), теонимов — имен буддийских божеств [Бадгаев 2014: 115]. Например: *Алдр Жаңһрин арвн хойр богдын гегэн / Зокаһад өгсн эрүн цаһан мирдэн / Зүркн маңна хойр деерэн тальвад, / Андһаран өгэд дахжэ гинэ; 'Славного Джангара двенадцатью богдо гегенами / Благословенный священный белый мирде, / К сердцу и лбу приложив, / Покаявшись, последовали за ним, говорят'* [БЦ: I].

Религиозное происхождение титула-эпитета *богд* подтверждают и другие источники. Так, например, в работе Болдбаатара указано, что *Богд* — это собственное имя Будды, основателя буддизма, как показывают письменные источники буддизма у уйгуров X–XI вв., имя будды обозначалось как *Buyda*. Собственно слово *Богд* значительно позднее проникло в монгольский язык [Болдбаатар 2008: 278].

С. В. Шойбонова отмечает, что среди монголов имела распространение тибетская форма буддизма, элементы которого, безусловно, отразились в языке, в качестве примеров исследователь приводит реальные онимы — религиозные титулы: *Богд хаан*, *Богдо-гэгээн* (высший духовный и светский иерарх в старой Монголии, с 1911 г. являлся также ханом, главой государства) [Шойбонова 2009].

П. Поуха называет эпос о Джангаре крупнейшим литературным памятником XVII в. и отмечает, что сама фольклорная традиция связывает действие «Джангара» со временем расцвета буддизма (с XVII в.), хотя и признает, что корни эпоса гораздо древнее. По мнению автора, их следует искать в эпохе основания монгольской империи, а имя героя, как он считает, есть модификация той же формы, что и *Чингис*; данное сближение подкрепляется дополнительными аргументами: наличие у обоих титула *богдо* (святой, августейший), борьба юного Чингиса (Тэмуджина) с татарами, а юного Джангара — с мангусами (калм. *мангад* 'татарин') [Poucha 1961: 119–121]. Пример из текста: *Маңһсмуднь / Алдр богдан гегэнд иржэ баралхад, / Андһаран өгэд, хэрв. 'Ман-*

гасы, / К славному богдо гегену прибыв, / Клятву [верности] принеся, отправились к себе' [БЦ: I].

Дефиниция лексемы *богд*

Основываясь на исследованиях лексемы *богд* в вышеизложенных источниках и, главным образом, на текстах эпоса, мы составили толкования значений и образец словарной статьи в сокращенном варианте с заголовочным словом *богд* для ТСД.

БОГД 530 |bogd⁹|

1. ч. н.⁹

святой

деед эркн чинртэ болн чидлтэ болх; бурхна авцта

'обладающий высшим совершенством и силой; божественный'

▪ *Эдэм богдын* зергд бээнэ.

'Так он у величавого *богдо* [во дворце]' [МД: I]

2. б. н.¹⁰

1) в сочетании: верховный богдо

ниилүлһнд: деед богдо (бурхн шажна чонжин деед хуврг)

'в сочетании: верховный богдо (одно из высших духовных лиц в буддийской церкви)'

▪ *Жилв бах хойраһан / Деед богд Жаңһртан өгсн / Долан давхр церг / Маната бээдг билэл.*

'Страсти и помыслы свои / Верховному богдо Джангару посвятили. / Семь раз окружив, / Войско охраняло его' [БМ: I]

▪ *Күнд деед богдын зергд / Күргж орулв, / Көк Самбан ташуднь / Күлгүдинь тальвв.*

'К высокочтимому верховному богдо / Завели их, / На зеленый склон Самба [горы] / Скакунов их [пастись] отпустили' [БЦ: III]

2) в сочетании: богдо геген

ниилүлһнд: богд гегэн (бурхн шажна номин цол)

в сочетании: 'богдо геген (титулование буддийского иерарха)'

▪ *Эдстэ богдан гегэнь заагсн / Арвн эктэ догшн бурхни / Зүркн тэрниг хурв умшад, / Хурв үлэхэд, оһтрһуд цацв.*

'Благословенным богдо гегеном посоветованное, / К десяти гневным бурханам обращенное / Тарни трижды с верой произнеся, / Три раза дунув, вверх, к небесам, подбросил' [БЦ: I]

⁹ Ч. н. — *чинрлгч нерн* 'имя прилагательное'.

¹⁰ Б. н. — *бээлһнэ нерн* 'имя существительное'.

- 3) в сочетании: богдо хан
 ниилүлһнд: богд хан (цолын нег зүсн)
 'в сочетании: богдо хан (титул)'
 ▪ Богд хаани зергд гүн орв.
 'В покои его величества богдо-хана он вбежал' [БЦ: III]

Лексема *богд* в современном калмыцком языке

Т. С. Есенова, анализируя старописьменные тексты, относящиеся к периоду интенсивной переписки хана Аюки и др., среди лексем, вербализующих концепт *русский, Россия*, указывает и лексему *богдо*. Как пишет автор, в эпистолярном наследии калмыков рассматриваемого периода слово *богдо* употребляется в производном значении — 'император', 'самодержец', 'царь'. При этом слова *impra:tor*, *богдо* нередко употребляются в одном ряду, что отражает процесс живого осмысления новых реалий политической жизни калмыков на новой территории [Есенова 2012: 42–44]: *йэкэ богдо иму пэрторооса* 'его императорского величества'; *йэкэ богдо има пэраторойин хайарар* 'по указу великой императрицы' [Сусеева 2003: 38–39].

Возможно, именно это послужило причиной того, что слово *богд* в «Калмыцко-русский словарь» 1977 года издания включено как историзм с пометой *уст.* в двух значениях: 1) 'святейший'; *хальмг богд лам* 'калмыцкий святейший лама'; 2) 'император': *эзн богд* 'император', 'самодержец', 'царь' [КРС 1977: 102].

Как указывается в статье В. Н. Мушаева и С. Н. Абдуллаева, в настоящее время используется форма: *Богдо гегэн* 'верховный лама' и *Богд уул* 'гора Богдо', так как трансформация значения слова *богд* явилась результатом сужения первоначальной семантики этой лексемы [Мушаев, Абдуллаев 2017: 106].

Фразеологизм с компонентом *богд* включен в семантическую группу со значением «сила, власть, влияние, преобладание» [Убушаева, Голубева 2015: 181]: *Бийгэн богд кех, белдк утхан селм кех* 'выдавать себя за Богдо-хана, а нож свой — за меч' [Бардаев и др. 1990: 21].

Компонент *богд* встречается и в пословичном варианте: *Хар гертэн хан, бор гертэн богд* 'досл. В черной юрте хан, в серой юрте — богдо. ≈ Каждый в своем доме господин' [КРС 1977: 575].

Выводы

Таким образом, рассмотрение лексемы *богд* на материале эпических текстов эпоса «Джангар» позволяет сделать нам следующие выводы:

1) лексема *богд* как титул-эпитет является второй по частоте среди титульных лексем, после титула *хан*;

2) титул-эпитет *богд* является высшим религиозным титулом главного героя эпоса — Джангара, только в одной из песен Ээлян Овла титул *богд* носит и другой эпический персонаж (*Маңхн богд хан*);

3) главный герой эпоса наделен не только высшим религиозным титулом *богд*, но и другими религиозными титулами *деед богд* 'верховный богдо', *богд гегэн* 'богдо геген';

4) лексема *богд* употребляется в эпосе только в единственном числе, употребление данной лексемы во множественном числе — *богднр* — зафиксировано один раз в Багацохуровском цикле эпоса;

6) слово *богд* является постоянным титулом-эпитетом главного персонажа эпоса;

7) в силу архаичности эпоса значения некоторых религиозных эпитетов с компонентом *богд* не ясны (*такл богд Жаңһр* '? богдо Джангар');

8) в современном калмыцком языке лексема *богд*, обладая ограниченной сочетаемостью и в результате сужения семантики значения слова, входит в разряд историзмов.

Источники

- МД — Малодербетовский цикл
 БЦ — Багацохуровский цикл
 ЭО — цикл песен из репертуара Ээлян Овла
 БМ — цикл песен из репертуара Баснһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)
 ШД — цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)
 БН — песня из репертуара Балдра Наснк (Насанки Балдырова)

Sources

- Bagatsohurovskiy tsikl* [The Baya Tsokhor (*Jangar* epic) cycle]
Maloderbetovskiy tsikl [The Baya Dorbet (*Jangar* epic) cycle]
Pesnya iz repertuara Baldra Nasnk (Nasanki Baldyrova) [A song from Nasanka Baldyrov's (Balra Nasnk) repertory]
Tsikl pesen iz repertuara Eelyan Ovla [A cycle of songs from Eelyan Ovla's repertory]
Tsikl pesen iz repertuara Basnya MukövÜn (Mukebena Basangova) [A cycle of songs from Mukeben Basangov's (Basnya MukövÜn) repertory]
Tsikl pesen iz repertuara Shavalin Dava (Davi Shavaliyeva) [A cycle of songs from Dava Shavaliyev's (Shavalin Dava) repertory]

Литература

- Бадгаев 2014 — *Бадгаев Н. Б.* Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 113–118.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. М.: Academia, 2001. 520 с.
- Бардаев и др. 1990 — *Бардаев Э. Ч., Пюрбеев Г. Ц., Муниев Б. Д.* Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.
- Бачаева 2015 — *Бачаева С. Е.* Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115.
- Бачаева 2017 — *Бачаева С. Е.* Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: дефиниции, обозначающие возраст // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 170–178.
- Бембеев 2018а — *Бембеев Е. В.* Об употреблении лексемы *ургми* (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 2 (38). С. 79–87.
- Бембеев 2018б — *Бембеев Е. В.* К проблеме семантики некоторых лексических единиц, обозначающих «плеть» (на материале эпоса «Джангар») // *Oriental Studies*. 2018. № 5. С. 132–144.
- Болдбаатар 2008 — *Болдбаатар Ю.* О названиях монгольских гор // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2008. № 1. 275–280.
- Борджанова 1993 — *Борджанова Т. Г.* Держатель Ваджры Мандала // Мандала. 1993. № 3. С. 9–10.
- Есенова 2012 — *Есенова Т. С.* Очерки по лингвокультуре калмыков. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2012. 160 с.
- Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Богатыри «Джангара» (о происхождении образов) // Вестник института КНИИЯЛИ. № 14. Серия джангароведения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 28–61.
- Кичиков 1994 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: Наука; Вост. лит., 1994. 320 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монгольско-русско-французский словарь. Т. II. Казань: Университетск. тип., 1846. 951 с.
- Куканова 2016 — *Куканова В. В.* Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: принципы и проблемы составления словарных статей // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Мат-лы III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15–16 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 7–12.
- Куканова 2018 — *Куканова В. В.* Лексема *билцг*: к вопросу о происхождении и семантике (на материале эпоса «Джангар») // *Oriental Studies*. 2018. № 4. С. 100–121.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Манджиева 2010 — *Манджиева Б. Б.* Символика центра в описании эпической державы (дворец властителя, мировая гора) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 60–63.
- Манджиева 2016 — *Манджиева Б. Б.* О создании базы данных аутентичных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Монголоведение. Вып. 9. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 211–217.
- Манджиева 2017 — *Манджиева Б. Б.* К проблеме составления Свода калмыцкого фольклора // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 82–89.
- Михайлов 1976 — *Михайлов Г. И.* Калмыцкий «Джангар» и мифы // Вестник института КНИИЯЛИ. № 14. Серия джангароведения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 3–27.

- Монгольско-русский словарь 1957 — Монгольско-русский словарь. А. Лувсандэндэв, Н. Наван-Юндэн, Ш. Цэвэг / под общ. ред. А. Лувсандэндэва; Ком-т наук Монгол. Нар. Республики. М.: ГИС, 1957. 715 с.
- Монраев 2012 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. На рус. и калм. яз. Элиста: Герел, 2012. 255 с.
- Мулаева 2015 — Мулаева Н. М. Дефиниции растений в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Урал-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 64–74.
- Мулаева 2017 — Мулаева Н. М. Титульные лексемы *хан*, *хаан*, *хатн* в Толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Монголоведение. Вып. 10. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. С. 5–16.
- Мушаев, Абдуллаев 2017 — Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н. Аспекты многозначности в тюрко-монгольских языках (на материале калмыцкого и уйгурского языков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6 (34). С. 103–110.
- Позднеев 1911 — Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / сост. А. Позднеев, чл. Сов. министра нар. прос., проф. и дир. Практ. вост. акад.; [Предисл.: пред. О-ва востоковедения Н. Шведов]; О-во востоковедения. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1911. [2], IV, 306 с.
- Пюрбеев 1996 — Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Пюрбеев 2015 — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (=Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на русском и калмыцком языках. 2-е изд., перераб. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 280 с.
- Санжеева 2011 — Санжеева Л. Ц. Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 44 с.
- Санжеев и др. 2015 — Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков в 3-х томах / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I. 224 с.
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Тодаева 1976 — Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
- Тодаева 2001 — Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Убушаева, Голубева 2015 — Убушаева Б. В., Голубева Е. В. Лексико-грамматическая характеристика фразеологических единиц в современном калмыцком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). В 2-х ч. Ч. I. С. 180–182.
- Шериев 1991 — Шериев А. Ж. Титулатура в языке киргизского эпоса «Манас»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 19 с.
- Шойбонова 2009 — Шойбонова С. В. Ономастикон монгольских романов (этнолингвистический аспект) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 296–299.
- Poucha 1961 — Poucha P. Zum kalmückischen Epos Dzangar // Central Asiat Journal: Mongolische Miszellen: VI. 1961. Vol. VI, № 3. S. 119–121.
- Ramstedt 1935 — Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch [A dictionary of Kalmyk]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)

References

- Bachaeva S. E. Explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*: definitions denoting age. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. 2017. No. 4 (44). Pp. 170–178. (In Rus.)
- Bachaeva S. E. Lexical compatibility of adjectives denoting size and dimensions (a case study of the *Jangar* epic and Kalmyk National Corpus). *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniya* Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2015. Pp. 103–115. (In Rus.)
- Badgaev N. B. Religious lexis in the Kalmyk heroic epic *Dzhangar*. *Vestnik KIGI RAN*. 2014. No. 4. Pp. 113–118. (In Rus. and Kalm.)
- Bardaev E. Ch., Pyurbeev G. C., Muniev B. D. *Frazeologicheskii slovar kalmyskogo yazika* [A phraseological dictionary of the Kalmyk language]. Elista: Kalm. Book Publ., 1990. 142 p. (In Rus. and Kalm.)
- Bembeev E. V. On the use of the lexeme *ürgmsh* (investigation of Kalmyk heroic epic '*Djanganar*'). *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2018. No. 2 (38). Pp. 79–87. (In Rus. and Kalm.)

- Bembееv E. V. Revisiting the problematic semantics of some lexical units to denote whips (a case study of the *Jangar* epic). *Oriental Studies (Vestnik KIGI RAN)*. 2018. No. 5 (39). Pp. 132–144. (In Rus. and Kalm.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 1–4. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Rus. and Mong.)
- Boldbaatar Yu. About names of Mongolia's mountains. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten*. 2008. No. 1. Pp. 275–280. (In Rus. and Mong.)
- Bordzhanova T. G. *Derzhatel Vadhry* [He Who Holds the Vajra]. *Mandala*. 1993. No. 3. Pp. 9–10. (In Rus. and Kalm.)
- Esenova T. S. *Ocherki po lingvokulture kalmykov* [Essays on Kalmyk linguistic culture]. Elista: Kalm. State Univ., 2012. 160 p. (In Rus. and Kalm.)
- Kalmytsko-russkii slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Rus. and Kalm.)
- Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos «Dzhangar»* [The heroic epic of *Jangar*: a comparative and typological study of the monument]. 2nd ed., reprint. Moscow: Nauka; Vost. Lit., 1994. 320 p. (In Rus. and Kalm.)
- Kichikov A. Sh. Heroes of the *Jangar* (origins of the characters revisited). *Vestnik instituta KNIIYaLI*. No. 14. Ser. 'Jangar Studies'. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. Pp. 28–61. (In Rus. and Kalm.)
- Kowalewski O. M. *Mongol'sko-russko-frantsuzskii slovar'* [Mongolian-Russian-French dictionary]. Vol. 2. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1846. 951 p. (In Rus., Mong. and Fr.)
- Kukanova V. V. The lexeme *biltsg*: etymology and semantics revisited (a case study of the *Jangar* epic). *Oriental Studies (Vestnik KIGI RAN)*. 2018. No. 4 (38). Pp. 100–121. (In Rus. and Kalm.)
- Kukanova V. V. Explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*: principles and problems of compiling dictionary entries. *«Dzhangar» i epicheskie traditsii tyurko-mongolskikh narodov: problemi sohraneniya i issledovaniya*. Conf. proc. (Elista, 15–16 Sept. 2016). Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2016. Pp. 7–12. (In Rus. and Kalm.)
- Mandzhieva B. B. On the creation of a database of authentic texts of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Mongolovedenie*. 2016. Is. 9. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2016. Pp. 211–217. (In Rus. and Kalm.)
- Mandzhieva B. B. Symbolism of the center in descriptions of an epic state (palace of the ruler and the world mountain). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2010. No. 2. Pp. 60–63. (In Rus. and Kalm.)
- Mandzhieva B. B. To the problem of drawing up the Kalmyk Folklore Corpus. *Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri*. 2017. No. 1 (32). Pp. 82–89. (In Rus. and Kalm.)
- Mikhailov G. I. The Kalmyk *Jangar* and myths. *Vestnik instituta KNIIYaLI*. No. 14. Ser. 'Jangar Studies'. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. Pp. 3–27. (In Rus. and Kalm.)
- Mongolsko-russkii slovar'* [Mongolian-Russian dictionary]. A. Luvsandendeв (ed.); A. Luvsandendeв, N. Navan-Yunden, Sh. Tseveg (comps.). Science Committee of the Mongolian People's Republic. Moscow: GIS, 1957. 715 p. (In Rus. and Mong.)
- Monraev M. U. *Kalmytskie lichnye imena (semantika)* [Kalmyk personal names: semantics]. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Rus. and Kalm.)
- Mulaeva N. M. Definitions of plants in the explanatory dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic 'Dzhangar'. *Uralo-altayskie issledovaniya*. 2015. No. 3 (18). Pp. 64–74. (In Rus.)
- Mulaeva N. M. The title lexemes *khan*, *khaan*, *khatn* in the Definition dictionary of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*. *Mongolovedenie*. 2017. Is. 10. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 5–16. (In Rus. and Kalm.)
- Mushaev V. N., Abdullaev S. N. Aspects of polysemy in Turkic and Mongolic languages (evidence from Kalmyk and Uighur languages). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 6 (34). Pp. 103–110. (In Rus. and Kalm.)
- Poucha P. Zum kalmückischen Epos Džangar // Central Asiat Journal: Mongolische Miscellen: VI. 1961. Vol. VI, № 3. S. 119–121. (In Germ. and Mong.)
- Pozdneev A. M. *Kalmytsko-russkiy slovar v posobie k izucheniyu russkogo yazika v kalmytskikh nachalnykh shkolah* [A Kalmyk-Russian dictionary supplemented to a Russian-language study book for Kalmyk primary schools]. A. Pozdneev (comp.) [N. Shvedov (foreword)]. Orientalist Society. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sc., 1911. [2], IV, 306 p. (In Rus. and Kalm.)
- Pyurbееv G. C. *Epos «Dzhangar»: kultura i yazik (=Janyr duulvr: soil boln keln)* [The *Jangar* epic: culture and language]. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Rus. and Kalm.)

- Pyurbeyev G. C. *Tolkovyĭ slovar traditsionnogo bita kalmykov* [Explanatory dictionary of Kalmyk traditional lifestyle]. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 176 p. (In Rus. and Kalm.)
- Ramstedt 1935 — Ramstedt G. J. Kamükisches Wörterbuch [A dictionary of Kalmyk]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar mongolskikh yazikov* [Etymological dictionary of Mongolic languages]. In 3 vols. G. D. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Inst. of Oriental Studies of RAS, 2015. Vol. I. 224 p. (In Rus., Mong. and Kalm.)
- Sanzheeva L. Ts. *Poetika folklornogo teksta (na materiale buryatskogo eposa)* [Poetics of the folklore text: a case study of the Buryat epic]. An ScD thesis abstract. Ulan-Ude, 2011. 44 p. (In Rus. and Bur.)
- Sheriev A. J. *Titulatura v yazike kirgizskogo eposa «Manas»* [Titulary in the language of the Kyrgyz epic of *Manas*]. A PhD thesis abs. Moscow, 1991. 19 p. (In Rus. and Kyrg.)
- Shoibonova S. V. Onomastics of Mongolian novels (ethnolinguistic aspect). *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya*. Conf. proc. (Yekaterinburg, 8–12 Sept. 2009). Yekaterinburg: Ural State Univ., 2009. Pp. 296–299. (In Rus. and Mong.)
- Suseeva D. A. *Pis'ma khana Ayuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.) opyt lingvosociologicheskogo issledovaniya* [Letters by Ayuka Khan and his contemporaries (1714–1724): an effort of linguo-sociological research]. Monograph. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Rus. and Kalm.)
- Todaeva B. Kh. *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya eposa «Dzhangar»* [The Jangar epic: an effort of linguistic research]. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. 530 p. (In Rus. and Kalm.)
- Todaeva B. Kh. *Slovar yazika oiratov Sintszyana (po versiyam pesen «Dzhangara» i polevim zapisyam avtora)* [A dictionary of the Xinjiang Oirat language (according to *Jangar* songs and field data collected by the author)]. Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 493 p. (In Rus. and Oir.)
- Ubushaeva B. V., Golubeva E. V. Lexical and grammatical characteristic of phraseological units in the modern Kalmyk language. *Filologicheskyye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. No. 1 (43). In 2 parts. Part 1. Pp. 180–182. (In Rus. and Kalm.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 99–107, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-99-107
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512

Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках

Елена Александровна Дадужева¹

¹ Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал), Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (д. 152, ул. Трубочеева, г. Улан-Удэ 670031, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

ORCID ID: 0000-0002-2562-7331. E-mail: edadueva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию каузативных глаголов в разноструктурных языках. Цель настоящей статьи — определить некоторые особенности семантики и функционирования каузативных глаголов пермиссивного значения в бурятском и русском языках. Исследование проводилось с использованием сравнительно-сопоставительного метода, метода компонентного и дистрибутивного анализа, а также опроса информантов. Фактическим материалом послужили данные переводных бурятско-русских словарей, примеры, отобранные путем сплошной выборки из бурятской литературы, и сообщения информантов. В работе представлена теоретическая база исследования о семантике пермиссивности, рассмотрены основные способы ее выражения в бурятском и русском языках, также предложены контекстуальные условия актуализации пермиссивности в бурятском языке, их сочетаемостные возможности и некоторые грамматические признаки. Пермиссивность выражает ситуацию, при которой каузатор допускает появление действия, но при этом не заставляет выполнять его. В результате сопоставления имеющегося материала стало ясно, что пермиссивное употребление большинства русских полнозначительных глаголов встречается редко, в то время как бурятском языке полнозначительные глаголы имеют возможность выражать пермиссивное значение в рамках одной лексемы. Также в статье показано, что в русском и бурятском языках существует возможность аналитического выражения пермиссивного значения каузации при помощи полипредикативных конструкций с глаголами волевого воздействия *зүбиөөхэ* 'разрешать', *хориho* 'запрещать', *үгэхэ* 'дать'. При этом указано, что для русского языка данный способ является основным. Далее в статье предложены к рассмотрению контекстуальные условия актуализации пермиссивного значения в бурятском языке. Так, были указаны такие условия, как императивная ситуация с говорящим без отрицания, значение халатности, значение «неприятного» действия, значение допущения. Автор приходит к выводу о том, что для бурятского языка важной представляется контекстуальная интерпретация глаголов фактитивной и пермиссивной каузации с помощью признака «приятности/неприятности» действия для субъекта. Пермиссивность связана чаще всего со значением «приятности» действия. Сочетаемость пермиссивных глаголов достаточно широка, однако отмечено, что ограниченно сочетаются с ними лишь глаголы эмоционального состояния, так как данной сферой сложно управлять и воздействовать на человека путем разрешения или позволения выразить те или иные эмоции. На морфологическом уровне аффиксы в бурятском языке не дифференцируются на аффиксы, выражающие фактитивную

каузацию, и на аффиксы с пермиссивным значением. Одна и та же каузативная морфема может обозначать оба значения. В статье показано, что двойная каузация может быть средством выражения пермиссивности в бурятском языке.

Ключевые слова: каузативность, каузативный глагол, фактитивная каузация, пермиссивная каузация, глаголы волевого воздействия, пермиссивность, полипредикативная конструкция

Для цитирования: Дадueva Е. А. Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках. *Oriental Studies*. 2019;(1):108-116. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-99-107

UDC 811.512

Causative Verbs with Permissive Meanings: a Case Study of the Buryat and Russian Languages

*Elena A. Dadueva*¹

¹ Buryat Institute of Infocommunications (Branch) of the Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (152, Trubacheev Str., Ulan-Ude 670031, Russian Federation)

Cand. of Philological Sc., Associate Professor

ORCID: 0000-0002-2562-7331. E-mail: edadueva@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative study of causative verbs in structurally different languages. The article aims to identify some semantic and functional features of causative verbs with permissive meanings in the Buryat and Russian languages. The main methods applied hereto include the comparative method, method of component and distributive analysis, and survey of informants. The actual materials for the study have been data contained in Buryat-Russian interlingual dictionaries, examples selected through continuous sampling from Buryat-language literary works, messages of informants. The paper presents a theoretical research base dealing with semantics of the permissive, describes its main expressive ways (means) in the Buryat and Russian languages, it also suggests contextual conditions for updating the permissive in the Buryat discourse, combinability and some grammatical signs. The permissive serves to express a situation when the causer permits an action but does not compel anyone to perform it. Permissive patterns revealed for the majority of Russian full verbs are rare enough, Buryat-language full verbs being able to express a permissive meaning within one lexeme only. The Russian and Buryat languages also provide a possibility to express permissive meanings of causation analytically, i.e., with the aid of poly-predicative constructions involving the verbs of volitional influence, such as *зүбишөөхэ* 'permit', *хориho* 'forbid', *үгэхэ* 'give'. And this method is actually central to the Russian language. Furthermore, the article proposes to consider the contextual conditions of actualization of permissive meanings in the Buryat language. Thus, such conditions included the imperative situation with a speaker without denial, the meaning of negligence, meaning of 'unpleasant' action, meaning of assumption. For the Buryat language, contextual interpretations of verbs of factitive and permissive causation with the aid of the sign 'pleasantness / troublesomeness' of action for the subject are important. The permissive is most often associated with the value of 'pleasantness' of action. In the Buryat language there are causative verbs containing — in their lexical meanings — semes of both the permissive and factuality. The compatibility (co-occurrence) of permissive verbs is rather wide, and the latter have limited compatibility with verbs of emotional state only since this sphere is difficult to manage, and to influence an individual through allowing to express certain emotions. At the morphological level, Buryat affixes are not divided into ones to express factitive causation and ones with permissive meaning. The same causative morpheme can serve to denote both the meanings. The article shows that double causation can be a means to express the permissive in the Buryat language.

Keywords: causativity, causative verb, factitive causation, permissive causation, verbs of volitional influence, permissive, poly-predicative construction

For citation: Dadueva E. Causative Verbs with Permissive Meanings: a Case Study of the Buryat and Russian Languages. *Oriental Studies*. 2019;(1):108-116. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-99-107

Введение. В лингвистике каузативность рассматривается как одна из важнейших категорий глагола, а каузативные глаголы образуют «наивысший уровень глагольной лексики» [Кильдибекова 1985: 64].

В теории каузативности важное место занимают рассуждения о семантике каузативных глаголов [Гордон 1981; Дадужева 2011; и др.]. В нашей статье освещается вопрос о глаголах, выражающих пермиссивную каузацию. Целью исследования является определение семантики, функционирования и грамматических особенностей каузативных глаголов пермиссивного значения в бурятском и русском языках. В задачи исследования входит определение семантического класса пермиссивных глаголов, контекстуальных условий актуализации пермиссивного значения, рассмотрение сочетаемостных возможностей, морфологических и синтаксических способов выражения пермиссивных каузативных глаголов.

Для начала необходимо сказать о разграничении глаголов фактитивной и пермиссивной каузации, так как понимание пермиссивности невозможно без понимания значения фактитивности. Надо отметить, что существенных различий при определении данных типов глаголов среди лингвистов не наблюдается. Так, фактитивная каузация понимается как ситуация, при которой субъект-каузатор рассматривается «в качестве основного источника каузируемого действия», т. е. действие целиком исходит от субъекта [Чудинов 1984: 95]. Например: *Я напугал ее своим звонком. Он разбудил меня.* Субъект самостоятельно воздействует на объект, являясь основным организатором воздействия. Следует сказать, что в некоторых источниках фактитивность понимается как каузативность вообще. Так, Т. А. Кильдибекова пишет: «Понятийная категория каузативности (фактитивности, воздействия)...» [Кильдибекова 1985: 13]. Пермиссивная же каузация в лингвистике понимается как ситуация, при которой каузатор не является основным источником каузируемого действия, инициатива здесь обычно принадлежит каузируемому субъекту, а каузатор только допускает, позволяет,

разрешает (не разрешает) объекту воздействия выполнить действие [Чудинов 1984: 95]. Например: *Учитель разрешил детям поиграть — Дети играют. Мать позволила сыну погулять — Сын гуляет.* Как пишет М. Г. Сымулов, пермиссивная каузация выражает не любое действие, а лишь то, которое не требует от агенса большой активности [Сымулов 2005: 23]. Таким образом, пермиссивность выражает ситуацию, при которой каузатор допускает появление некоторого действия, но при этом фактически не заставляет выполнять его. Пермиссивность связана только со значением разрешения или позволения на действие каузируемого субъекта, который в действительности и выполняет дозволенное действие.

Способы выражения пермиссивного значения. Как известно, каузативность в языке может выражаться тремя основными способами: лексическим — без участия словообразовательных средств, морфологическим — с участием словообразовательных средств, синтаксическим (аналитическим) — с участием специальных конструкций. Лексический каузатив является основным в русском языке, однако пермиссивное употребление большинства русских полнозначительных глаголов встречается редко. Например, А. П. Чудинов приводит в качестве примера глагол *отпустить*, значение пермиссивности которого отражается в его словарном толковании: *отпустить — позволить уйти, удалиться откуда-либо или отправиться куда-либо* [Чудинов 1984: 96]. Также можно отметить в словарях некоторые толкования, содержащие пермиссивное значение в русском языке: *выпустить — дать выйти, дать закончить учебное заведение, предоставив соответствующее право; вырастить — дать вырасти.* Например: *выпустить курс, выпустить пар, вырастить дерево* и т. д.

А. Б. Летучий приводит такой пример пермиссивной интерпретации каузативов: *Врач не спас больного* (= ‘позволил больному умереть’) [Летучий 2009: 385]. Глагол *спасать/не спасать* понимается здесь, как пермиссивный «спасать — позволить жить», «не спасать — позволить умереть, погибнуть».

Морфологический каузатив является основным средством выражения в бурятском языке, но участвуют ли каузативные аффиксы в выражении значения пермиссивности? Как указывают лингвисты, каузативные морфемы в разных языках могут выражать как пермиссивность, так и фактитивность [Недялков, Сильницкий 1969: 29].

Анализ контекстуального материала показывает, что аффиксы каузативности в бурятском языке не дифференцируются на аффиксы, выражающие фактитивную каузацию, и на аффиксы с пермиссивным значением. Одна и та же каузативная морфема может обозначать оба значения. Ср.: 1) — *Намайе хаантай уулз-уул-а!* — *гэжэ хүбүүн «тоб» байса харюусаба* ‘Позволь мне **встретиться** с ханом! — четко ответил мальчик’ [Бурятские улигеры 1983]. 2) *Тиш-гээд намайе яагаад хубсал-уул-ха нэм?* ‘Как

же меня теперь **оденут?**’ [Намсараев 1950]. Глаголы *хубсал-уул-ха* и *уулз-уул-ха* имеют одинаковые каузативные аффиксы *-уул*, но глагол *уулз-уул-ха* в первом предложении выражает пермиссивное значение «позволить, разрешить, помочь встретиться», а глагол *хубсал-уул-ха* имеет фактитивное значение ‘одеть’.

Однако следует отметить, что с точки зрения морфологических особенностей выражения пермиссивного значения в бурятском языке выделяется важный момент. Для бурятского языка характерна двойная каузация — использование сразу двух каузативных аффиксов. При анализе глаголов с двойными показателями каузативности было выявлено несколько особенностей их использования, в том числе и то, что двойная каузация в бурятском языке может придавать глаголу пермиссивное значение. Например:

Манай тоодээ тэдээниие хайрлажа гэртээ хон-уул-га-даг

Наша бабушка они-ACC жалеть дом-DAT ночевать-CAUS-CAUS-PRS

‘Наша бабушка, жалея их, **позволяет** им **ночевать** у себя дома’.

Глагол *хон-уул-га-ха* ‘позволять ночевать’ содержит два каузативных аффикса *-уул* и *-лга* и обозначает действие, позво-

ленное сделать объекту. Рассмотрим другой пример:

Тэрэ мяхаа үж-ээ-лгэ-бэ

Он-PRON мясо-ACC гнить-CAUS-CAUS-PST

‘Он **позволил** мясу **сгнить**’.

Глагол *үж-ээ-лгэ-хэ* содержит два каузативных аффикса *-ээ* и *-лгэ*. Двойная каузация придает глаголу пермиссивное значение. Глагол в данном контексте выражает действие, нежелательное, «неприятное» для субъекта. Производящий каузативный фактитивный глагол *үж-ээ-хэ* ‘испортить, заставить сгнить’. При добавлении второго каузативного аффикса меняется фактитивное значение на пермиссивное — *үж-ээ-*

лгэ-хэ ‘позволить сгнить, допустить своей невнимательностью, халатностью «неприятное» действие’.

Если в русском языке мы встречаем ограниченное число глаголов с пермиссивным значением, то в бурятском языке полнозначенательные глаголы обладают богатыми возможностями выражать пермиссивное значение в рамках одной лексемы. Например:

Тишгэд лэ бухаяа шонодо эд-юул-ээш.

Затем бык-ACC волк-DAT съесть-CAUS-PST

‘Ты **позволил (допустил, дал)** волку **съесть** твоего быка’ [Бурятские улигеры 1983].

Глагол *эд-юул-хэ* ‘позволять съесть’ в предложении (1) — маркированный каузативный глагол, производный от глагола *эди-хэ* ‘съесть’. Семантика

пермиссивности имеет значение действия, допущенного в результате халатности, недосмотра со стороны каузатора.

Для выражения семантики пермиссивности в русском языке используются аналитические каузативные конструкции. Аналитический способ реализации пермиссивного значения является основным. Чаще всего все случаи пермиссивного употребления глаголов бурятского языка переводятся на русский язык при помощи конструкций с глаголами волевого воздействия и предикатными актантами. Предикатные актанты в каузативных конструкциях в бурятском языке выражаются причастиями будущего времени с показателями В. п. и притяжения, а в русском языке — инфинитивом. Как считают некоторые исследователи монгольских языков, причастия будущего времени в данных языках омонимичны инфинитиву [Бертагаев 1964: 41].

К глаголам волевого воздействия относятся русские пермиссивные глаголы (*дать / не дать, разрешить / не разрешить, позволить / не позволить, запретить / не запретить*). В бурятском языке такие глаголы также составляют ограниченную группу слов: *зүбишөөхэ* ‘разрешать’, *хориho* ‘запрещать’, *үгэхэ* ‘дать’. Например: 1) *Халуун баяр хүргэхыемни зүбишөөгйт!* ‘Разрешите мне передать горячий привет!’ 2) *Чаур бэхи дүүгээ үгэхые зүбишөөрбэгүй* ‘Чаур-беки не разрешил отдать младшую сестру’ [Сокровенное сказание 1990: 86].

В бурятском языке также необходимо выделить глагол *болгохо*, который может употребляться и в пермиссивном значении в сочетании с причастиями будущего времени:

Шамайе гэртээ табиha бол-го-бо.
Ты-ACC дом-DAT отпустить-PC.FUT делать-CAUS-PST
‘Тебе разрешили отправиться домой’.

Ср.: *хураха болгобо* ‘разрешили учиться’, *һууха болгобо* ‘позволили посидеть’, *орохыем болгобо* ‘разрешили войти мне’ и т. д.

Специфика глаголов волевого воздействия с пермиссивным значением на синтаксическом уровне в русском и бурятском языках состоит в том, что они могут управлять дательным падежом в отличие от других каузативных глаголов, которые предполагают при себе объекты воздействия в аккумулятиве. Данное положение связано с тем, что подобные глаголы

выражают опосредованное влияние. Например: *А вот коров доить им Регина Петровна не разрешила* [Приставкин 1989: 55]. Пермиссивная каузация, как известно, обозначает ситуацию, в которой каузатор лишь препятствует или не препятствует совершению определенного действия. Данное явление связано с семантикой глаголов пермиссивной каузации. Разрешение, позволение или запрет на какое-либо действие «дается» какому-либо объекту, т. е. адресату, который и выполняет каузируемое действие. Ср.:

Чингис хаан-да дуул-га-ба [Сокровенное сказание 1990: 63]
Чингис хан-DAT слушать-CAUS-PST
‘Чингис сообщил (дал узнать) хану’.

Контекстные условия. Пермиссивная каузация в русском языке в основном выражается аналитическим способом и не требует определенных контекстуальных условий. В бурятском же языке актуализация пермиссивного значения требует особых контекстных условий, так как одна и та же глагольная лексема может выражать как фактитивное, так и пермиссивное значение.

Попробуем определить некоторые контекстные условия, актуализирующие пермиссивную каузацию. В «Типологии кауза-

тивных конструкций», например, выделяется несколько условий актуализации пермиссивного значения [Недялков 1969: 30]:

- 1) императивная ситуация с говорящим без отрицания. Например: *Мама, разреши мне купаться*;
- 2) каузируемая ситуация представляет собой «приятное» для субъекта действие: *Эта женщина отпустила свою дочь в гости*;
- 3) ситуация, при которой субъект каузирующего действия совпадает с объектом каузируемого действия.

Пермиссивные глаголы обозначают «неприятные» действия, наносящие субъекту каузации какой-либо ущерб: *Сын позволил ему избить себя.*

Опираясь на существующую теорию «Типологии каузативных конструкций» и анализ собранных примеров из бурятской художественной литературы, фольклора и примеров из разговорной речи, попытаемся определить контекстуальные условия актуализации пермиссивного значения в бурятском языке.

1. Императивная ситуация с говорящим без отрицания. Например: *Намайе хаантай уулзуула! — гэжэ хүбүүн «тоб» байса хариусаба* ‘Позволь мне встретиться с ханом! — четко ответил мальчик’ [Бурятские улигеры 1983].

Глагол *уулз-уул-а* ‘позволь встретиться’ является производным маркированным каузативным глаголом. Он выражает значение пермиссивности. Такие маркированные глаголы бурятского языка мы переводим на русский только с помощью каузативных конструкций.

2. Значение халатности, невнимательности, оплошности, приведшие к возникновению «неприятного» действия: 1) *Тиигэд лэ бухаяа шонодо эдюулээш* ‘Ты **позволил (допустил, дал)** волку **съесть** твоего быка’ [Бурятские улигеры 1983]; 2) *Шии юундэ мунгэе абхуулабши?* ‘Почему ты **позволил (дал, допустил)** украсть у тебя деньги?’

3. Значение «неприятного» действия с пермиссивным значением, по нашим наблюдениям, возможно в ситуациях с отрицанием. В таких случаях каузатором оказывается третье лицо, теми или иными действиями оказывающее отрицательное «неприятное» воздействие. Например: *Муу хүбүүд, муу бэринэр бидэниие амар унтуулхагүй, юундэ айлгажа байна?* ‘Плохие дети и плохие невестки **не дают** нам **спать** спокойно, почему пугают нас?’ [Сокровенное сказание 1990: 92].

4. Пермиссив выражает значение допущения, когда действие интерпретируется как намеренное или ненамеренное допущение какого-либо события или действия, создание условий для его возникновения. Например: 1) *Эртэнэй уг гарбалтай Ван ханиие элдэбээр айлган зугадааж, мэнэ наяхан үхүүлбэ* ‘Ван-хана напугали и **довели до смерти** (допустили, чтобы он умер, дали

умереть)’ [Сокровенное сказание 1990: 101]; 2) *Найманда эд хүрэнгэ, эхэнэр, хүбүүдээ булялгабаб* ‘Я **позволил** найманам **положить** моих жен и детей (допустил, чтобы взяли в плен, увели, не смог защитить)’ [Сокровенное сказание монголов 1990: 84].

Значение допущения возможно и в ситуации, когда каузатор совпадает с объектом каузируемого действия. Каузатор здесь часто ненамеренно или ненамеренно допускает появление определенной ситуации. Например: *Ты позволил победить себя!* (в контексте возможно намеренное действие); *Он дал обмануть себя* (ненамеренное действие).

5. Пермиссив также может выражать в русском и бурятском языках значение «приятности», позволения «приятного» для каузируемого субъекта действия. Каузатор в этом случае лишь позволяет произойти такому действию. Например: *Мама разрешила нам погулять подольше; Учитель позволил сегодня ученикам немного отдохнуть.* Ср. в бурятском языке: *Анхандаа ехэ модошо дархан байһанаа гар хүлөөр муу болоод, залуу дархашуул олон ургаж, энэ үбгэниие амаруулаа юм һэн ха* ‘Будучи хорошим плотником, стал слабеть, когда вырастил себе много молодых учеников, они **позволили** ему **отдыхать**’. Каузативный глагол *амаруулха* в данном контексте имеет пермиссивное значение «приятного» для субъекта действия.

Надо сказать, что в бурятском языке пермиссивность и фактитивность, на наш взгляд, чаще всего дифференцируются в одной глагольной лексеме в контекстуальных условиях «приятности/неприятности» для объекта каузации. Сравним два контекста: *Мать позволила детям прыгать* и *Мать заставила детей прыгать*. В русском языке значение пермиссива в первом случае и фактитива во втором контексте мы замечаем сразу. В бурятском языке: *Эжынь үхибүүдээ собхоруулба*. В таком контексте уловить значение глагола невозможно. Его можно перевести двумя способами: при помощи пермиссивного глагола *позволила* и фактитивного — *заставить*, т. е. значение зависит целиком от контекстуальных условий. Если действие «приятно» для исполняющих его субъектов, то каузация получает пермиссивное толкование *Мать позволила детям прыгать*. Для адекватного толкования в бурятском языке требуется более широкий контекст. Например: *Эжынь*

үхибуудээ **орон дээрэ собхоруулба** ‘Мать **разрешила** детям **прыгать на кровати**’. В таком контексте становится явным пермиссивное значение глагола, так как невозможно было бы представить себе данную ситуацию с фактитивным глаголом. Ср.: **Мать заставила детей прыгать на кровати*¹. Разрешение, позволение субъекту чаще всего дается для «приятных» для него действий, было бы странным, если бы объекту давалось позволение для «неприятного» для него действия. Ср.: **Тэрэ намайе сошордуулба* ‘Он позволил мне огорчиться’.

Таким образом, для бурятского языка важной представляется контекстуальная интерпретация глаголов фактитивной и пермиссивной каузации с помощью признака «приятности/неприятности» действия для субъекта. Пермиссивность связана чаще всего со значением «приятности» действия. Ср.: 1) *Тэрэ маниие газгаа хонуулба* ‘Он **заставил** нас **ночевать** на улице’ — фактитивная каузация, «неприятное» действие; 2) *Тэрэ хайн сэдхэлтэй эхэнэр маниие гэртээ хонуулба* ‘Та добрая женщина **разрешила** нам **переночевать** у нее дома’ — пермиссивная каузация, «приятное» действие.

Также нами замечено, что в переводных бурятско-русских словарях часто встречается словарное закрепление пермиссивного значения каузативного глагола. При этом полнозначенательные глаголы бурятского языка поясняются при помощи каузативных конструкций. Например: *шургуулха* ‘дать возможность пробраться, пролезать, проникнуть’; *шэмхүүлхэ* ‘давать кастрировать’; *эсхүүлхэ* ‘давать кроить’; *наадуулха* ‘дать играть’; *амаруулха* ‘давать отдыхать’ и т. д. Стоит отметить, что в словарях также отмечаются и фактитивные значения каузативных глаголов: *арсуулха* ‘принуждать к отказу, заставлять отказаться’; *амадуулха* ‘велеть пересечь путь’; *анюулха* ‘велеть закрыть (глаза)’ и т. д. Отсюда можно сделать вывод о том, что в бурятском языке существуют каузативные глаголы, содержащие в своем лексическом значении как семы пермиссивности, так и фактитивности.

Сочетаемостные возможности. Надо отметить, что пермиссивные глаголы *дать*, *позволить*, *разрешить* в большинстве ситуаций взаимозаменяемы: *Мама дала / разрешила / позволила мне погулять*. Од-

нако отметим некоторые особенности употребления данных глаголов в каузативной конструкции. С глаголами *дать*, *позволить* возможно употребление как одушевленных, так и неодушевленных каузаторов: *Отец позволил / дал мне отдохнуть*; *Усталость не дала / не позволила мне быстро уснуть*. С глаголом *разрешить* употребляется только одушевленный каузатор. Что касается объекта воздействия, то здесь ситуация несколько иная: исполнителем при пермиссивном глаголе *дать* может быть и одушевленный, и неодушевленный предмет. А при глаголах *позволить*, *разрешить* возможен лишь одушевленный объект, исполнитель действия. Ср.: *Я дал мотоциклу разогнаться*. Исполнитель — *мотоцикл* — неодушевленный предмет, который и выполняет предложенное действие — *разгоняется*. Ср.: **Я разрешил / позволил мотоциклу разогнаться*. Такие предложения противостоят человеческим представлениям о живом и неживом мире. Неодушевленные предметы не воспринимаются нами как объекты, которые способны получать разрешение / позволение. Эта способность доступна лишь живым существам, человеку. Как указывает М. Г. Сымулов, пермиссивные конструкции редко выражают такие ситуации, в которых не участвует человек. «Если даже оба актанта выражены неодушевленными именами, обычно семантический анализ позволяет обнаружить одушевленных участников, которые не названы, но имеются в семантической структуре» [Сымулов 2005: 25].

При пермиссивном глаголе *дать* в позиции прямого дополнения часто встречается употребление имен существительных, которые образуют с глаголом семантически единое целое. Например: *дать возможность*, *дать разрешение*, *дать совет*, *дать приказ*, *дать поручение*, *дать задание* и др. Как указывает В. И. Подлесская, такие конструкции отличаются от конструкций, в которых инфинитив непосредственно подчинен глаголу *дать*. Отличие касается контроля субъекта [Подлесская 2005: 100]. Так, в конструкции *Он дал ему уйти* объект воздействия контролируется самим каузатором, а в конструкции *Он дал ему возможность уйти* такой контроль теряется.

Сочетаемость пермиссивных глаголов достаточно широка. Надо отметить, что ограниченно сочетаются с ними лишь гла-

¹ Знаком * помечены неправильные примеры. — Е. Д.

голы эмоционального состояния. Ср.: *Он позволил мне грустить, *Она разрешила мне поплакать, *Они дали ему рассердиться. Согласимся, что эмоциональным состоянием человека сложно управлять и воздействовать на него путем разрешения или позволения выразить те или иные эмоции.

Выводы. Таким образом, в бурятском и русском языках наблюдаются некоторые различия в выражении пермиссивной каузации. Так, в русском языке пермиссив получает в основном аналитическое выражение. Здесь используются каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия и инфинитивом. Для русского языка не характерно выражение пермиссивной каузации в одной глагольной лексеме в отличие от бурятского языка, в котором пермиссивность может реализовываться как аналитическим

способом при помощи конструкций с предикатным актантом, так и лексическим — каузативным глаголом. В бурятском языке часто пермиссивное значение глагола закрепляется в словарной статье. Специальных каузативных аффиксов, выражающих пермиссивность, в бурятском языке не существует. Одним из морфологических показателей пермиссивности здесь можно назвать лишь двойную каузацию. В статье показано, что для выделения каузативных глаголов с пермиссивным значением в бурятском языке большое значение имеет контекст. Так, были определены некоторые контекстуальные условия актуализации пермиссивного значения, важнейшим из которых признается значение «приятности» как дифференцирующего признака пермиссивных глаголов сопоставляемого языка.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC — винительный падеж; CAUS — каузативный глагол; DAT — дательный падеж; FUT — будущее время; IMP — повелительное наклонение; INS — инструментальный падеж; NEG — отрицание; PC.FUT — причастие будущего времени; Pl — множественное число / SG — единственное число; PRS — настоящее время / PST — прошедшее время.

Литература

- Бертагаев 1964 — *Бертагаев Т. А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1964. 280 с.
- Бурятские улигеры 1983 — *Буряад үльгэрнүүд*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1983. 139 с.
- Гордон 1981 — *Гордон Е. Я.* Каузативные глаголы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1981. 191 с.
- Дадуюева 2011 — *Дадуюева Е. А.* Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 128 с.
- Кильдибекова 1985 — *Кильдибекова Т. А.* Глаголы действия в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 157 с.
- Летучий 2009 — *Летучий А. Б.* Каузатив, декаузатив и лабильность // Я. Г. Тестелец, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова (ред.). Аспекты полисинтетизма. М.: РГГУ, 2009. С. 372–428.
- Намсараев 1950 — *Намсараев Х.* Үүрэй толон. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1950. 319 с.

- Недялков 1969 — *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А. А. Холодовича. Л.: Наука, 1969. 311 с.
- Подлеская 2005 — *Подлеская В. И.* Русский глагол *дать / давать*: от прямых потреблений к грамматикализированным // Вопросы языкознания. № 2. 2005. С. 89–103
- Приставкин 1989 — *Приставкин А.* Ночевала тучка золотая. М.: Известия, 1989. 464 с.
- Сокровенное сказание 1990 — *Сокровенное сказание монголов*. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1990. 318 с.
- Сымулов 2005 — *Сымулов М. Г.* Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005. 198 с.
- Чудинов 1984 — *Чудинов А. П.* О регулярном характере контекстуального варьирования значений каузативных глаголов // Проблемы глагольной семантики: сборник научных трудов. Свердловск: Уральский гос. университет, 1984. С. 95–102.

References

- Bertagaev T. A. *Sintaksis sovremennogo mongol'skogo yazyka v sravnitel'nom osveschenii* [Modern Mongolian syntax in a comparative perspective]. Moscow: Nauka, 1964. 280 p. (In Rus.)
- Buryaad ulgehrnүүд [Buryat tales]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1983. 139 p. (In Bur.)
- Chudinov A. P. Meanings of causative verbs: a regular nature of their contextual variation revisited]. *Problemy glagol'noy semantiki*. Coll. papers. Sverdlovsk: Ural State Univ., 1984. Pp. 95–102. (In Rus.)

- Dadueva E. A. *Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya kauzativnosti v russkom i buryatskom yazykah* [The functional and semantic category of causativity: a case study of the Russian and Buryat languages]. Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2011. 128 p. (In Rus.)
- Gordon E. Ya. *Kauzativnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Causative verbs in modern Russian]. A PhD thesis abstract. Dushanbe, 1981. 191 p. (In Rus.)
- Kildibekova T. A. *Glagoly deystviya v sovremennom russkom yazyke* [Action verbs in modern Russian]. Saratov: Saratov State Univ., 1985. 157 p. (In Rus.)
- Letuchy A. B. Causative, decausative and lability. *Aspekty polisintetizma*. Ya. G. Testeleits, P. M. Arkadiev, A. B. Letuchy, N. R. Sumbatov (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009. Pp. 372–428. (In Rus.)
- Namsaraev Kh. *Üüreý tolon* [The Sunrise]. Ulan-Ude: Burmongiz, 1950. 319 p. (In Bur.)
- Nedyalkov V. P., Silnitsky G. G. *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy* [Typology of causative constructions: the morphological causative]. A. A. Kholodovich (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. 311 p. (In Rus.)
- Podlesskaya V. I. The Russian verb *дать/давать* ('give'): from direct word usage patterns to grammaticalized ones]. *Voprosy yazykoznaniya*. No. 2. 2005. Pp. 89–103. (In Rus.)
- Pristavkin A. *Nochevala tuchka zolotaya* [A Golden Cloud Slept ...]. Moscow: Izvestiya. 1989. 464 p. (In Rus.)
- Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1990. 318 p. (In Rus. and Bur.)
- Symulov M. G. *Sposoby vyrazheniya kauzativnykh otnosheniy v raznostrukturnykh yazykah* [Means to express causative relationships: a case study of structurally different languages]. A PhD thesis abstract. Cheboksary, 2005. 198 p. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 108–122, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-108-122
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.581.11

Модальные глаголы желания китайского языка (на примере глаголов 要 yào, 想 xiǎng, 愿意 yuànyì, 敢 gǎn, 敢于 gǎnyú, 肯 kěn)

Марина Михайловна Алжеева¹

Карина Вячеславовна Чалбанова²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6203-8392>. E-mail: almami@yandex.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)

ассистент, кафедра иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5987-8825>. E-mail: chalbanovakv@gmail.com

Аннотация. В данной статье анализируются модальные глаголы желания китайского языка 要 yào ('нужно', 'просить', 'хотеть', 'надо', 'будет', 'чтобы'), 想 xiǎng ('думать', 'полагать', 'хотеть', 'скучать'), 愿意 yuànyì ('охотно хотеть', 'желать'), 敢 gǎn ('сметь', 'не бояться', 'осмелиться'), 敢于 gǎnyú ('сметь', 'не бояться', 'осмелиться'), 肯 kěn ('согласиться', 'охотно')¹, исследуются их грамматические характеристики, семантика и особенности их практического применения. *Цель.* Изучить сходства и различия употребления вышеуказанных модальных глаголов желания китайского языка. *Методы.* Мы рассматриваем различные работы китайских ученых о модальных глаголах желания китайского языка, используя обобщающий, сравнительный методы исследования. *Результаты.* Модальный глагол 要 yào может выражать значение желания, необходимости и возможности; глагол 敢 gǎn, помимо выражения смелости что-то сделать, также выражает уверенность в оценке чего-либо. Но, выступая в качестве модальных глаголов, 要 yào и 敢 gǎn имеют значение желания так же, как и 想 xiǎng, 愿意 yuànyì, 敢于 gǎnyú, 肯 kěn. Первое значение 要 yào — выражение желания и решения субъекта действия, имеет значение «намерение сделать что-либо». Второе значение 要 yào — «необходимо, следует», модальное значение — «необходимость и обязанность», в то время как внешние условия становятся необходимыми для осуществления действия. Третье значение, которое выражает глагол 要 yào, — это модальное значение возможности. Глагол 想 xiǎng может выступать не только как знаменательный глагол, но и как модальный. В качестве модального глагол 想 xiǎng может выражать только значение желания. Глагол 想 xiǎng выражает неопределенное предположение субъекта действия. Следовательно, глагол 想 xiǎng, помимо модального значения желания, также имеет значение предположения. В то же время значение «предположения и оценки» не относится к способам использования глагола 想 xiǎng в качестве модального глагола.

¹ Далее используем только значения желания указанных глаголов.

Глагол 愿意 *yuànyì* ('желать') полностью отвечает критериям классификации модальных глаголов желания. Модальный глагол 敢 *gǎn* выражает значение «смелость сделать что-либо»; кроме этого, также означает «уверенность в оценке чего-либо». Глагол 敢于 *gǎnyú* может выражать только смелость. Глагол 肯 *kěn* выражает субъективное желание что-то делать добровольно и обозначает одобрение требований. *Вывод.* Резюмируя вышесказанное, мы можем заключить, что грамматические характеристики глаголов 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn* совпадают с характеристиками модальных глаголов желания, поэтому мы можем классифицировать эти глаголы как модальные глаголы желания. Таким образом, в современном китайском языке типичные глаголы желания включают следующие глаголы: 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn*.

Ключевые слова: модальные глаголы, глаголы желания, модальные глаголы желания китайского языка, семантика, практическое применение, грамматические характеристики

Для цитирования: Алжеева М. М., Чалбанова К. В. Модальные глаголы желания китайского языка (на примере глаголов 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn*). *Oriental Studies*. 2019;(1):117-131. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-108-122

UDC 811.581.11

Chinese Modal Verbs of Wish (a Case Study of the Verbs 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn*)

Marina M. Alzheeva¹

Karina V. Chalbanova²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista 358000, Russian Federation)
Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Cross-Cultural Communication and Regional Studies
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6203-8392>. E-mail: almami@yandex.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista 358000, Russian Federation)
Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Cross-Cultural Communication and Regional
Studies
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5987-8825>. E-mail: chalbanovakv@gmail.com

Abstract. This article analyzes Chinese modal verbs of wish, such as 要 *yào* ('need', 'ask', 'want', 'need', 'will', 'to'), 想 *xiǎng* ('think', 'suppose', 'want', 'miss'), 愿意 *yuànyì* ('willing to want', 'desire'), 敢 *gǎn* ('dare', 'not to be afraid', 'dare'), 敢于 *gǎnyú* ('dare', 'not to be afraid', 'dare'), 肯 *kěn* ('agree', 'willingly'); investigates their grammatical characteristics, semantics and features of their actual use. *Goals.* The paper aims to examine the similarities and differences in the use of the above mentioned Chinese modal verbs of wish. *Methods.* The article surveys a number of various works by Chinese scholars dealing with modal verbs of wish in the Chinese language, and applies the generalizing and comparative research methods. *Results.* The modal verb 要 *yào* can express wish, necessity and possibility; the verb 敢 *gǎn*, besides expressing courage to do something, also expresses confidence in assessments. But acting as modal verbs, 要 *yào* and 敢 *gǎn* have the meaning of wish, as well as 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn*. The first meaning of 要 *yào* is that of wish and decision of a subject of action, i.e., 'intention to do something'. The second meaning of 要 *yào* is 'must, should', the modal meaning being 'need and duty' as external conditions make it necessary to perform the action. The third meaning that the verb 要 *yào* expresses is a modal meaning of possibility. The verb 想 *xiǎng* can act not only as a full verb but also as a modal verb. As a modal verb, 想 *xiǎng* can only express the meaning of wish. The verb 想 *xiǎng* expresses an indefinite assumption of the subject of action. Consequently, the verb 想 *xiǎng*, in addition to the modal meaning of wish, also expresses the meaning of assumption. At the same time, the meaning of 'speculation and evaluation' does not cluster with modal use patterns of the verb 想 *xiǎng*. The verb 愿意 *yuànyì* ('wish') fully meets the criteria for the classification of modal verbs of wish. The modal verb 敢 *gǎn* expresses the meaning 'courage to do something', it also stands for 'confidence in evaluating something'. The

verb 敢于 *gǎnyú* can only express courage. The verb 肯 *kěn* expresses the subjective wish to do something voluntarily; expresses approval of requirements. *Conclusions.* The paper concludes that the grammatical characteristics of the verbs 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn* coincide with those of modal verbs of wish, therefore these verbs can well be classified as modal verbs of wish. Thus, in modern Chinese, typical verbs of wish include the following verbs: 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn*.

Keywords: modal verbs, verbs of wish, Chinese modal verbs of wish, semantics, practical use, grammatical characteristics

For citation: Alzheeva M., Chalbanova K. Chinese Modal Verbs of Wish (a Case Study of the Verbs 要 *yào*, 想 *xiǎng*, 愿意 *yuànyì*, 敢 *gǎn*, 敢于 *gǎnyú*, 肯 *kěn*). *Oriental Studies*. 2019;(1):117-131. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-108-122

Модальные глаголы представляют некоторую сложность при изучении грамматики китайского языка в силу двух причин: заметное количество и разнообразие этих глаголов, а также изолирующий характер китайского языка, при котором большое количество ситуаций выражения грамматических значений выносятся на синтаксический уровень.

Начиная с грамматики Ма («Комплексная грамматика китайского языка» Ма Цзяньчжун), существует множество работ, посвященных изучению модальных глаголов китайского языка, которые содержат разные точки зрения относительно их наименований, природы, синтаксической структуры и проч.

Люй Шусян в своей работе «Проблемы анализа грамматики китайского языка» упоминает, что «модальный глагол является проблемным типом слов» [Люй Шусян 1980: 35].

В истории изучения модальных глаголов можно выделить два этапа. На первом этапе, в 50–60-е гг. XX в., в китайской и мировой (в частности, отечественной) лингвистике велись бурные обсуждения проблемы частей речи китайского языка, которые вывели исследования модального глагола на новый уровень. В тот период внимание большей частью было уделено анализу внешних структурных характеристик модальных глаголов, таких как грамматическая характеристика слова, критерий классификации, синтаксический статус и т. д.

Второй этап в осмыслении проблемы наступил после 1980-х гг., когда ученые в изучении модальных глаголов стали использовать новые теоретические методы, обращая при этом внимание на особенности формы, семантики и другие аспекты, учитывая категорию модальности и интонацию, что позволило получить новые результаты.

Основной задачей данной статьи является изучение семантики, грамматических характеристик, практического применения модальных глаголов желания китайского языка.

В китайской филологии существуют различные мнения о сфере использования модальных глаголов желания.

Например, Люй Шусян в труде «800 слов современного китайского языка» приводит 17 модальных глаголов, в числе которых 6 вспомогательных глаголов представляют глаголы желания: 敢于 *gǎnyú* («смечь»), 敢 *gǎn* («осмеливаться»), 要 *yào* («хотеть»), 肯 *kěn* («собираться»), 得 *děi* («нуждаться»), 情愿 *qíngyuàn* («охотно согласиться на что-л.») [Люй Шусян 1980: 65].

Китайский филолог Лю Юэхуа в «Практической грамматике современного китайского языка» приводит 24 модальных глагола, к числу которых относятся такие модальные глаголы желания, как 要 *yào* («хотеть»), 想 *xiǎng* («хотеть»), 愿意 *yuànyì* («желать»), 肯 *kěn* («собираться»), 敢 *gǎn* («осмеливаться»), 应该 *yīnggāi* («быть должным»), 应当 *yīngdāng* («быть должным»), 应 *yīng* («быть должным»), 该 *gāi* («быть необходимым»),

得 dēi (‘иметь необходимость’), 能 néng (‘мочь’), 能够 nénggòu (‘быть в состоянии’), 可以 kěyǐ (‘мочь’), 可 kě (‘мочь’), 准 zhǔn (‘разрешать’), 许 xǔ (‘разрешать’), 配 pèi (‘иметь право’), 值得 zhíde (‘заслуживать’) [Лю Юэхуа 1983: 95].

В «Курсе грамматики», написанном Дин Шэншу, содержится 16 модальных глаголов, среди которых 6 глаголов желания: 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 肯 kěn (‘собираться’), 愿 yuàn (‘чаять’), 愿意 yuànyì (‘желать’), 要 yào (‘хотеть’), 得 dēi (‘иметь необходимость’) [Дин Шэншу 1981: 91–93].

Чжу Дэси в своем «Курсе лекций по грамматике» приводит 17 модальных глаголов, среди которых 7 выражают желание: 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 肯 kěn (‘собираться’), 愿意 yuànyì (‘желать’), 情愿 qíngyuàn (‘предпочитать’), 乐意 lèyì (‘сильно желать’), 想 xiǎng (‘хотеть’), 要 yào (‘хотеть’) [Чжу Дэси 1982: 63].

Чжао Юаньжэнь в «Грамматике разговорного китайского языка» приводит 48 модальных глаголов, 12 из них — глаголы, выражающие желание: 想 xiǎng (‘хотеть’), 要 yào (‘хотеть’), 情愿 qíngyuàn (‘предпочитать’), 乐意 lèyì (‘сильно желать’), 愿意 yuànyì (‘желать’), 肯 kěn (‘собираться’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 爱 ài (‘любить’), 想要 xiǎngyào (‘хотеть’), 要想 yàoxiǎng (‘желать’), 欢喜 huānxǐ (‘любить’), 高兴 gāoxìng (‘любить’) [Чжао Юаньжэнь 1979: 27].

Ху Юйшу в монографии «Современный китайский язык» приводит 12 модальных глаголов, в числе которых 4 глагола желания: 要 yào (‘хотеть’), 肯 kěn (‘собираться’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 愿意 yuànyì (‘желать’) [Ху Юйшу 1982: 319].

Цянь Найжун в книге «Современный китайский язык» приводит 12 модальных глаголов, 7 из них выражают желание: 愿意 yuànyì (‘желать’), 应该 yīnggāi (‘быть должным’), 应当 yīngdāng (‘быть должным’), 要 yào (‘хотеть’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 肯 kěn (‘собираться’), 值得 zhíde (‘заслуживать’) [Цянь Найжун 1990: 181].

Чжан Бинь в своей работе, посвященной современному китайскому языку, приводит 16 модальных глаголов, 5 из них — глаголы желания: 要 yào (‘хотеть’), 肯 kěn (‘собираться’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 愿 yuàn (‘чаять’), 愿意 yuànyì (‘желать’) [Чжан Бинь 2002: 305].

Син Фуи в книге «Современный китайский язык» выделяет следующие модальные глаголы желания: 愿 yuàn (‘чаять’), 愿意 yuànyì (‘желать’), 肯 kěn (‘собираться’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 要 yào (‘хотеть’) и еще 5 [Син Фуи 1991: 271].

В вышеизложенных трудах модальные глаголы имеют разные названия, например: 助动词 zhùdòngcí (букв. ‘помогать + глагол’), 能愿动词 néngyuàn dòngcí (букв. ‘модальный + глагол’), 情态动词 qíngtài dòngcí (букв. ‘настроение + глагол’) и др. Однако в разных работах различны не только семантические толкования, но и самое число модальных глаголов. Это говорит о том, что исследователи по-разному выделяют компоненты модальных глаголов, что, в свою очередь, отражает разные подходы к классификации частей речи китайского языка в сравнении с европейской и русской лингвистической традицией.

Относительно грамматической характеристики модальных глаголов среди китайских лингвистов существуют различные мнения.

Первоначально их расценивали как дополнительные модальные глаголы, затем их стали считать глаголами, среди которых различают следующие типы: 能愿动词 néngyuàn dòngcí (букв. ‘модальный + глагол’), 助动词 zhùdòngcí (букв. ‘помогать + глагол’), 情态动词 qíngtài dòngcí (букв. ‘настроение + глагол’), 模态动词 móttài dòngcí (букв. ‘модальность + глагол’) и др. Авторы разделились во мнениях, давая определение «модальному глаголу». Каждое из определений имело свои основания, но у каждого были и определенные недостатки.

Основной критерий классификации частей речи — это грамматические функции. Название «модальные глаголы» основано на грамматических особенностях слова. Так, например, Дин Шэншу в «Курсе грамматики» [Дин Шэншу 1981: 10] и Ху Юйшу в «Современном китайском языке» [Ху Юйшу 1982: 8] используют лексику 助动词 zhùdòngcí (букв. ‘помогать + глагол’), которая отражает семантические и грамматические особенности слов данного разряда.

Модальные глаголы желания в предложении, как правило, принимают после себя глагол или глагольное сочетание, выступая

в качестве определенного члена предложения. Но следует отметить, что существуют разные точки зрения относительно того, какую позицию занимают модальные глаголы в предложении.

1. Согласно устоявшейся точке зрения, модальный глагол выполняет в предложении функцию обстоятельства, а следующие после него глагол или глагольное сочетание являются определяемым словом. Ху Юйшу в «Современном китайском языке» [Ху Юйшу 1982], Хуан Божун в «Современном китайском языке» [Хуан Божун 1980], Чжан Бинь в «Новой редакции современного китайского языка» [Чжан Бинь 2002] указывают на то, что модальный глагол выступает в предложении обстоятельством.

2. Согласно другой точке зрения, модальный глагол расценивается как сказуемое, а последующие глагол, прилагательное или глагольное сочетание — как дополнение. Тем самым образуется глагольно-объектная связь, о чем пишет Ма Цинчжу в своей работе «Модальные глаголы. Непрерывное применение» [Ма Цинчжу 1988: 100].

3. Согласно третьему мнению, модальный глагол и последующие элементы рассматриваются как единое целое, неделимое, которое в предложении выполняет функцию сказуемого. Такой подход к синтаксическому разбору успешно используется в преподавании китайского языка [Кондрашевский, Румянцева, Фролова 2014: 119].

4. Автор Ли Линдин говорит о том, что модальный глагол и основной глагол являются «двойным сказуемым» [Ли Линдин 1986: 80], что похоже на понятие составного именного сказуемого в русистике.

5. Люй Шусян считает, что модальные глаголы из ряда «能够» *nénggòu* ('быть в состоянии') следует рассматривать в качестве «начального сказуемого», которое соответствует «сказуемому высокого уровня». В то же время он акцентирует внимание на том, что «начальное сказуемое» не является «основной частью сказуемого» [Люй Шусян 1979: 109–110].

Изучением семантики и практического применения модальных глаголов желания занимались многие исследователи. В труде «800 слов современного китайского языка» содержится анализ способов употребления

肯 *kěn* ('собираться'), 要 *yào* ('хотеть'), 敢 *gǎn* ('осмеливаться'), 敢于 *gǎnyú* ('смечь'), 情愿 *qíngyuàn* ('охотно согласиться на что-л.'), 得 *děi* ('нуждаться'), но не проанализированы слова 想 *xiǎng* ('хотеть') и 愿意 *yuànyì* ('желать'). Чжан Вэйгэн провел анализ различий глаголов 想 *xiǎng* ('хотеть') и 要 *yào* ('хотеть'), и это было первое исследование такого типа [Чжан Вэйгэн 1982]. Автор проанализировал, в чем заключается различие данных слов по способу их употребления в качестве модальных глаголов, а также — с учетом их семантики — сделал заключение о способах употребления глаголов.

Цзян Пин провел более подробный сравнительный анализ глаголов 想 *xiǎng* ('хотеть'), 要 *yào* ('хотеть'), 想要 *xiǎngyào* ('хотеть'), 要想 *yàoxiǎng* ('желать') с учетом грамматической характеристики слова, семантики, особенностей образования отрицательной формы, частоты использования и т. д. [Цзян Пин 1983]. Он отметил, что, выражая значение желания, модальные глаголы “想 *xiǎng* ('хотеть'), 要 *yào* ('хотеть'), 想要 *xiǎngyào* ('хотеть'), 要想 *yàoxiǎng* ('желать') являются синонимами, но что касается семантики, грамматической характеристики слов, образования отрицательной формы, у них много различий. Автор также считал недостаточно конкретным вывод в книге «800 слов современного китайского языка», сделанный относительно способов выражения отрицания: как правило, не говорят 不要 *bù yào* (букв. 'не хотеть'), но говорят 不想 *bù xiǎng* ('не хотеть') 不愿意 *bù yuànyì* ('желать') (цит. по: [Люй Шусян 1980: 86]).

Цзян Пин считал, что можно говорить 不要 *bù yào* в значении «не надо», но когда 要 *yào* ('хотеть') употребляется с 不 *bù* ('не'), то обычно оно используется как замена 不想 *bù xiǎng* ('не хотеть').

Лу Сяокунь провел относительно полный сравнительный анализ глаголов 想 *xiǎng* ('хотеть'), 要 *yào* ('хотеть'), 肯 *kěn* ('собираться'), 愿意 *yuànyì* ('желать') с точки зрения семантики и практического применения, а также привел определенные объяснения значений глаголов с позиций когнитивного подхода [Лу Сяокунь 1999: 2004].

Все вышеперечисленные труды китайских ученых заложили хорошую базу для последующих исследований модальных глаголов желания, при этом некоторые моменты не были освещены в достаточной степени. Например, при сравнительном анализе близких по значению модальных глаголов желания больше внимания уделяется внешним различиям, при этом причины формирования и употребления данных глаголов анализируются поверхностно. Что касается изучения семантики и практического применения модальных глаголов желания, многие работы ограничиваются лишь обобщением значений каждого глагола. Работ по семантике этих глаголов сравнительно больше, чем работ по модальности глаголов и их практическому применению. Большинство из них сосредоточено на изучении глаголов 要 yào ('хотеть') и 想 xiǎng ('хотеть'). Лу Сяокунь одним из первых предпринял сравнительное изучение семантики и употребления глаголов 想 xiǎng ('хотеть'), 要 yào ('хотеть'), 肯 kěn ('собираться'), 愿意 yuànyì ('желать'), при этом он отрицал проявление у этих глаголов модальных свойств. [Лу Сяокунь 1999: 72].

Идея изучать глаголы желания с точки зрения модальности предложена Го Чжаоцзюном, однако автор, давая анализ лишь двух глаголов 要 yào ('хотеть') и 想 xiǎng ('хотеть'), не раскрывает модальные характеристики остальных глаголов желания [Го Чжаоцзюн 2005: 76].

В данной статье мы рассмотрим критерии классификации модальных глаголов желания. Первое, на что следует обратить внимание, это то, что каждый исследователь относит к модальным глаголам желания разные слова, в соответствии со своей теорией, точкой зрения, критериями, целями и задачами исследования.

Что касается позиций модальных глаголов в предложении, мы придерживаемся мнения проф. Люй Шусяна о том, что модальный глагол, в его определении «начальное сказуемое», не является важной частью сказуемого [Люй Шусян 1979: 81].

На основе анализа материалов, в которых рассматриваются модальные глаголы желания, можно выделить следующие критерии классификации этих глаголов:

1) они могут принимать после себя знаменательный глагол и не принимают дополнение;

2) не могут принимать служебные слова, выражающие видовременные формы (着 zhe, 了 le, 过 guò);

3) не могут удваиваться;

4) могут образовывать утвердительно-отрицательную форму вопроса;

5) не могут присоединять к себе глагольные модификаторы 起来 qǐlái (выражает начало действия), 下去 xiàqù (выражает продолжение действия).

Отметим, что первые четыре критерия были представлены в работе Чжу Дэси [Чжу Дэси 1982: 61], при этом четвертый критерий можно не брать в расчет, в силу того что большинство глаголов могут образовывать утвердительно-отрицательную форму вопроса.

Лу Бинфу высказал мнение, что модальными глаголами являются глаголы, которые не могут употребляться вместе с 怎么 zěnmě ('как? каким образом?'), 这么 zhème ('так, такой') [Лу Бинфу 2009]. Например, 他希望竞选党委书记 ('Он надеется быть избранным секретарем партийного комитета') — 他这么希望 ('Он так надеется') — обычный глагол, 他要去北京上大学 ('Он хочет поехать в Пекин поступать в университет') — 他怎么要 ('Почему он хочет') — модальный глагол.

В китайском языке основными критериями классификации слов с выделением частей речи являются грамматические функции, но также при этом необходимо учитывать значение слов. Поэтому выделение модальных глаголов желания тесно связано со значением слова. В качестве критериев распознавания модальных глаголов желания можно рассматривать следующие:

1) они могут принимать после себя знаменательный глагол и не принимают дополнение;

2) не могут принимать служебные слова, выражающие видовременные формы (着 zhe, 了 le, 过 guò);

3) не могут удваиваться;

4) не могут присоединять к себе глагольные модификаторы 起来 qǐlái (выражает начало действия), 下去 xiàqù (выражает продолжение действия);

5) не могут использоваться вместе с 怎么 zěnmě ('как?, каким образом?'), 这么 zhème ('так, такой');

6) могут образовывать утвердитель-но-отрицательную форму вопроса;

7) выражают значения желания.

7-й из указанных критериев выступает как основной. Если слово ему не соответствует, то можно сразу считать, что оно не является модальным глаголом желания.

В данной статье мы рассмотрим следующие модальные глаголы желания: 要 yào ('хотеть'), 想 xiǎng ('хотеть'), 愿意 yuànyì ('желать'), 敢 gǎn ('осмеливаться'), 敢于 gǎnyú ('сметь'), 肯 kěn ('собираться').

Многие исследователи относят глагол 愿意 yuànyì ('желать') к модальным глаголам желания. А Люй Шусян в работе «800 слов современного китайского языка» определяет 愿意 yuànyì ('желать') как глагол, но в то же время отмечает, что способ использования 愿意 yuànyì ('желать') сходен с модальными глаголами [Люй Шусян 1980: 339].

Глагол 愿意 yuànyì ('желать') имеет такие особенности употребления:

1) может принимать после себя знаменательный глагол и не принимает дополнение;

2) не может принимать служебные слова, выражающие видовременные формы (着 zhe, 了 le, 过 guò);

3) не может удваиваться;

4) не может присоединять к себе глагольные модификаторы 起来 qǐlái (выражает начало действия), 下去 xiàqù (выражает продолжение действия);

5) не может использоваться вместе с 怎么 zěnmě ('как? каким образом?'), 这么 zhème ('так, такой');

6) может образовывать утвердитель-но-отрицательную форму вопроса;

7) выражает значения желания.

Таким образом, глагол 愿意 yuànyì ('желать') полностью отвечает критериям классификации модальных глаголов желания.

Далее проанализируем модальность глаголов желания. Прежде разберем три значения модального глагола 要 yào ('хотеть').

Модальный глагол 要 yào — многозначное слово, Лу Сяокунь считает, что модальный глагол 要 yào может выражать значение «познание» и «обязательство», но, по его мнению, глаголы желания не относятся к

категории модальности [Лу Сяокунь 2004: 125–127]. Чжан Ваньхэ полагает, что модальный глагол 要 yào может выражать 'желание, намерение, обязательство' [Чжан Ваньхэ 2007].

Го Чжаоцзюнь считает, что 要 yào может выражать три значения модальности: 'намерение, обязательство, желание' [Го Чжаоцзюнь 2008]. Пэн Личжэнь полагает, что модальный глагол 要 yào может выражать три значения модальности: 'желание, обязательство и возможность' [Пэн Личжэнь 2007: 137].

Первое значение 要 yào выражает желание и решение подлежащего, имеет значение 'намерение сделать что-л.' [Люй Шусян 1980: 120]. Значение движущей силы глагола 要 yào, т. е. у субъекта, выраженного подлежащим, есть желание сделать какое-либо дело реальным. Рассмотрим два предложения:

Пример 1. 虽然她已经吃过晚饭了, 她还要再去饱吃一顿, 她在楼梯上与他擦肩而过, 她没有看他一眼。(玉华 《女人的胜利》) 'Хотя она уже поужинала, она хотела еще раз пойти поесть, на лестнице она столкнулась с ним, но не взглянула на него' [Юй Хуа «Женская победа»].

Пример 2. 腊月里W听说那家伙和八姐儿要双双逃离伍家畈, 那家伙考上了医学院, 要去城里学行医生。(苏通 《末代爱情》) 'В конце зимы W слышал, что тот малой и девчонка Ба на пару хотят сбежать из семьи У, парень поступил в медицинский институт и хочет уехать в город учиться на врача' [Су Тун «Последняя любовь»].

1 и 2-е предложения выражают модальное значение желания, движущей силы: у действующих лиц (обозначенных в предложении как подлежащее) есть желание снова пойти поесть, сбежать из семьи У.

Второе значение 要 yào — 'нужно, следует', модальное значение — 'необходимость и обязательство', при этом внешние условия становятся необходимыми для осуществления действия:

Пример 3. 过河要有船。'Чтобы переплыть реку, нужно иметь лодку'.

Пример 4. 这座城墙的门实在是太矮了, 每个人要低着头才能进去。'Ворота этого города, действительно, очень низкие, каждому человеку надо наклонить голову, чтобы можно было войти'.

Пример 5. 你要好好学习, 才对得起父老乡亲的期望。‘Тебе нужно хорошо учиться, только тогда оправдаешь ожидания родных’.

Глагол 要 уào в 3 и 4-м предложениях выражает значение необходимости, указывает, что нужны объективные внешние материальные условия для осуществления действия, выраженного глагольным сказуемым. 要 уào в 5-м предложении выражает обязательство, указывает, что влияние авторитета субъекта или общественные нормы требуют от субъекта или слушателя осуществить какое-либо действие.

Третье значение, которое выражает глагол 要 уào, — модальное значение возможности:

Пример 6. 九妹从乡下来汉口好几年了, 丑小鸭快要变成白天鹅了。(池莉《生活秀》) ‘Прошло уже несколько лет с тех пор, как Цзюмэй приехала в Ханькоу из деревни, скоро гадкий утенок сможет превратиться в белого лебедя’ [Чи Ли «Прелесть жизни»].

В 6-м предложении выражено значение ‘возможность’.

Существуют различные связи между разными типами модальности глагола 要 уào. Для начала рассмотрим первое (‘намерение сделать что-л.’) и второе (‘нужно, следует’) значения глагола 要 уào:

Пример 7. 孙八散会以后回了家, 回家自然是要吃饭。(老舍《老张的哲学》) ‘Суньба после собрания вернулся домой, а, вернувшись домой, естественно, захотел поесть’ [Лао Шэ «Философия почтенного Чжана»].

Пример 8. “我这儿没有地方。”我不高兴地对她说: “晚上她们还要回来”(王朔《一半是火, 一半是海水》) ‘У меня здесь нет места. Я невесело сказал ей: «Вечером они еще должны вернуться»’ [Ван Шо «Наполовину пламя, наполовину вода морская»].

Пример 9. 明天是周末, 我们还要学习。‘Завтра выходные, а нам еще надо заниматься’.

Глагол 要 уào в 7, 8 и 9-м предложениях может выражать значение ‘желание, необходимость или обязательство’. Например, 7-е предложение можно понять как “孙八散会回家想吃饭” ‘Суньба после собрания вернулся домой и захотел поесть’. Это

первое значение 要 уào, выражающее ‘желание’. Или “孙八散会以后回家吃饭是情理之中” ‘Суньба после собрания вернулся домой и поел’ — обычный здравый смысл. Это второе значение 要 уào, выражающее ‘необходимость или обязательство’. 8-е предложение можно понять как “晚上, 她们还想回来睡觉, 所以我这儿没有多余的地方了” ‘Вечером они еще захотят вернуться на ночлег, поэтому у меня здесь нет лишнего места’. Здесь 要 уào выражает значение ‘желание’. Или “晚上她们必须回来” ‘Они вечером должны вернуться’. Здесь 要 уào выражает ‘обязательство’. 9-е предложение, также с двусмысленным значением модальности, можно понять как “虽然明天是周末, 我们还是愿意/想去学习” ‘Хотя завтра выходные, мы все равно хотим позаниматься’. Или “尽管明天是周末, 我们还必须学习” ‘Несмотря на то, что завтра выходные, нам еще надо заниматься’.

Далее рассмотрим первое (‘намерение сделать что-л.’) и третье (‘возможность’) значения глагола 要 уào:

Пример 10. 当喝下第三碗茶之后, 这对黑眼开始发光; 嘴唇, 像小孩要哭的时候, 开始颤动。他要发议论了。(老舍《赶集》) ‘После третьей чашки чая черные глаза заблестели, губы задрожали, как у ребенка готового заплакать. Он захотел высказаться’ [Лао Шэ «На ярмарку»].

Пример 11. “他要动手了?” — 我问, 很不放心的。(老舍《赶集》) ‘«Он может приступить?» — спросил я, очень беспокоясь’ [Лао Шэ «На ярмарку»].

Возможно, глагол 要 уào в 10 и 11-м предложениях выражает значение ‘желание и возможность’. Например, предложение 10 можно понять как А) “<...>嘴唇, 像小孩想要哭的时候, 开始颤动” ‘<...> губы задрожали, как у ребенка, захотевшего плакать’, или Б) “<...>嘴唇, 像小孩将要哭的时候, 开始颤动” ‘<...> губы задрожали, как у ребенка, который вот-вот заплачет’. Глагол 要 уào в предложении А выражает модальность желания, а в предложении Б — ‘возможность’. Предложение 11 можно понять как А) “他想动手了” ‘Он хочет приступить’ или Б) “他有动手的可能性” ‘У него есть возможность приступить’. Здесь также совмещены два значения модальности: ‘желание и возможность’.

В завершение рассмотрим связи между тремя значениями глагола 要 yào:

Пример 12. “孩子要吃奶了。‘Ребенок захотел молока’.

Данное предложение также имеет несколько значений модальности: ‘желание, необходимость, возможность или предположение’.

Глагол 要 yào в значении необходимости можно представить следующим образом: “时间到了, 应该给孩子吃奶了” ‘Время пришло, нужно ребенку дать молока’.

Глагол 要 yào в значении желания — “孩子想吃奶了” ‘Ребенок захотел молока’.

Глагол 要 yào в значении возможности — “孩子一直在哭闹, 说话人推测她可能是饿了, 要吃奶了” ‘Ребенок все время плакал, говорящий предположил, что, возможно, она проголодалась, хочет молока’.

Существующие многочисленные связи в выражении модальности глаголом 要 yào дают нам различные модальные значения 要 yào. Модальное значение желания и необходимости, по замечанию некоторых китайских ученых, частично зависит от говорящего. “我要” ‘мне нужно’ “我愿意” ‘я желаю’, “你要” ‘тебе нужно’ “你必须” ‘ты должен’. Что касается третьего лица “他要”, то в данном случае глагол 要 yào может выражать как желание, так и необходимость [Пэн Личжэнь 2007: 138]. Сказанное свидетельствует о том, что глагол 要 yào выполняет не только функции глагола со значением ‘хотеть, желать’, но также выступает в роли модального глагола со значением ‘должен, нужно’.

Глагол 想 xiǎng может выступать не только как знаменательный глагол, но и как модальный. Как модальный глагол 想 xiǎng может выражать только значение желания:

Пример 13. 这里外来人员流量非常大, 而且大多是没什么文化, 怀里揣了几个钱, 还想碰运气挣更多钱的鱼肉贩子、民工、县城乡村级的小老板等人。(池莉《紫陌红尘》) ‘Здесь очень большой поток приезжих, многие из которых не имеют никакой культуры, за пазухой прячут немного денег, но хотят попытаться счастья — стать продавцами рыбой, мясом, стать рабочими, мелкими торговцами в округе, городе, селе, чтобы заработать больше денег’ [Чи Ли «Багровая пыль на дорогах в окрестностях столицы»].

Пример 14. 他们今天不想听他讲新观念新道理, 他们要他拿出阻止离婚的具体办法。(池莉《紫陌红尘》) ‘Сегодня они не хотят слушать, как он рассказывает о новых взглядах, новой истине; они хотят, чтобы он предпринял конкретные меры и не разводился’ [Чи Ли «Багровая пыль на дорогах в окрестностях столицы»].

Модальный глагол 想 xiǎng в примерах 13 и 14 выражает субъективное намерение «надеяться и планировать», выражает желание сделать что-либо.

В труде «800 слов современного китайского языка» глагол 想 xiǎng имеется еще одно значение — ‘предположение, оценка’ [Люй Шусян 1980: 78]. Однако Лю Чунься полагает, что, выражая значение «предположение, оценка», 想 xiǎng еще обозначает мысли и отношение субъекта действия, а также слово, выражающее желание [Лю Чунься 2007: 96]:

Пример 15. 我想他们都是马上就要见到我奶奶的人了, 一定会告诉我奶奶, 说你的那个孙女小白, 是个好心眼的姑娘。(毕淑敏《预约死亡》) ‘Я думаю, они уже скоро встретятся с человеком моей бабушки, непременно скажут ей, что ее внучка Сяобай — очень хорошая девушка’ [Би Шуминь «Предварительная смерть»].

В данном предложении глагол 想 xiǎng выражает неопределенное предположение субъекта действия. Следовательно, глагол 想 xiǎng, кроме модального значения желания, также выражает значение предположения. В то же время значение ‘предположение и оценка’ не относится к способам употребления глагола 想 xiǎng как модального глагола.

Относительно глагола 想 xiǎng (‘хотеть’) есть разные мнения. Чжу Дэси в «Курсе лекций по грамматике» [Чжу Дэси 1982: 30], Лю Юэхуа в «Практической грамматике современного китайского языка» [Лю Юэхуа 1983: 26] и Ли Линьдин в «Видах предложений современного китайского языка» [Ли Линьдин 1986: 34] включили глагол 想 xiǎng (‘хотеть’) в состав модальных глаголов желания. Однако многие работы по грамматике, например, «800 слов современного китайского языка», не затронули функций 想 xiǎng (‘хотеть’) как модального глагола, а другие исследователи считают, что 想 xiǎng (‘хотеть’) — это глагол чувства и восприятия.

Но также есть группа лингвистов, которая рассматривает лексему 想 xiǎng (‘хотеть’) не только как глагол, но и как модальный глагол. Чжу Дэси описывает четыре значения глагола 想 xiǎng (‘хотеть’): 1. 很想他 (‘скучать’), 2. 想办法 (‘продумывать’), 3. 我想他不会来了 (‘предполагать’), 4. 他想去学习 (‘желать’). Исследователь критерием отличия 3 и 4 значений 想 xiǎng считает то, что в 3-ем примере нельзя задать вопрос, используя форму 想不想 xiǎng bù xiǎng (‘предполагать не предполагать’) [Чжу Дэси 1982: 62].

Следовательно, лексема 想 xiǎng, кроме употребления в качестве знаменательного глагола, также используется как модальный глагол.

Теперь разберем два глагола 敢 gǎn (‘осмеливаться’) и 敢于 gǎnyú (‘сметь’). Данные глаголы выражают значение ‘иметь смелость’. «Словарь современного китайского языка» дает следующее объяснение модального глагола 敢 gǎn: ‘есть смелость сделать что-л.’, например, “敢作敢为, 敢说, 敢干” ‘смело действовать, осмелиться сказать, осмелиться сделать; есть уверенность в оценке чего-л.’, например, “我不敢说他究竟哪天来” ‘Я не осмелюсь сказать, в какой день он, наконец, придет’ [Словарь современного 2000: 443]. Люй Шусян также отмечал, что 敢 gǎn выражает значение ‘смелость сделать что-л.’ [Люй Шусян 1980: 186].

Пример 16. 英芝在地上滚着嚎着, 却不敢再骂, 英芝的公婆在桌子两边坐了下来, 冷冷地看着英芝在地上滚动和哀嚎。

(方方《奔跑的火光》) ‘Ин Чжи каталась по земле и рыдала, но не осмеливалась снова кричать, свекор и свекровь Ин Чжи сели по обе стороны стола и равнодушно смотрели, как Ин Чжи каталась по земле и причитала’ [Фан Фан «Несущийся свет»].

Пример 17. 我认得那两只眼, 单眼皮儿。其余的地方我一时不敢相认, 最清楚的记忆也不敢反抗时间, 我俩已十几年没见了。(老舍《赶集》) ‘Я знаю эти глаза, верхние веки без складки. Остальное я пока не смею признать, даже ясная память не смеет противиться времени, мы двое не виделись более десяти лет’ [Лао Шэ «На ярмарку»].

В данных предложениях выражено чувство смелости сделать то или иное, в част-

ности, «снова кричать», «противиться времени».

Модальный глагол 敢 gǎn, кроме выражения наличия смелости сделать что-либо, также выражает наличие уверенности в оценке чего-либо [Люй Шусян 1980: 187].

Пример 18. 她今晚肯不肯来参加你的生日晚会, 我还不肯肯定 ‘Захочет ли она сегодня вечером прийти к тебе на день рождения, я не смею утверждать’.

Пример 19. 有时候她看着像张大哥的姐姐, 有时候像姑姑, 及至她一说话, 你才敢决定她是张太太。(老舍《离婚》) ‘Она смотрит и иногда бывает похожа на старшую сестру брата Чжана, иногда — на его тетку, но, как только она заговорит, тогда ты можешь быть уверен — она жена Чжана’ [Лао Шэ «Развод»].

В 18 и 19-м примерах центральное значение 敢 gǎn ‘не смелость, а уверенность в оценке чего-л.’. Однако наличие уверенности также содержит в себе наличие смелости, потому что только если присутствует уверенность, есть и смелость. Пэн Личжэнь полагает, что, выражая наличие уверенности в оценке чего-либо, 敢 gǎn сам по себе не имеет значения оценки, поэтому подобные предложения с глаголом 敢 gǎn также можно рассматривать с точки зрения выражения наличия смелости [Пэн Личжэнь 2007: 124].

Существует еще один аспект, когда 敢 gǎn не выражает ни наличия смелости сделать что-либо, ни наличие уверенности в оценке чего-либо:

Пример 20. “可你是带着什么宗旨来到人间的呢? 你不思造福人类, 反倒把自己混同于普通老百姓, 于一俗子发生恋情, 钩座敢是忘了来历?” (王朔《编辑部的故事. 谁比谁傻多少》) ‘А ты с какой целью пришел на землю? Ты не размышлял о том, чтобы принести счастье людям или, наоборот, смешаться с обычными людьми, влюбиться в обыкновенного человека, или Его Величество мог забыть прошлое?’ [Ван Шо «История из редакции. Кто больше глуп»].

Пример 21. 老子胡说还是他们胡说? 要不是他们给老子酒, 妈的这酒敢是从天上掉下来的? (张平《十面埋伏》) ‘Лао-цзы несет чепуху или они? Но если не они дали Лао-цзы вино, черт, может быть, это

вино свалилось с неба?» [Чжан Пин «Облава»].

В приведенных предложениях после 敢 gǎn следует глагольная связка 是 shì, при этом 敢 gǎn выражает субъективный вывод, субъективную возможность, вероятность, однако в таком значении 敢 gǎn используется нечасто. По подсчетам, сделанным Пэн Личжэнем, в произведениях, языковой материал которых составляет 67 млн иероглифов, таких примеров с 敢 gǎn встретилось всего лишь двадцать [Пэн Личжэнь 2007: 124].

Глагол 敢于 gǎnyú может выражать только смелость:

Пример 22. 人的一生漫长而又短暂, 只有敢于坚持真理的人才会取得最后的成功. ‘Жизнь человека длинна и коротка, и только способные смело отстаивать истину могут достичь окончательного успеха’ [Рабочие материалы 2017–2018].

Мы можем увидеть, что в 19-м примере 敢于 gǎnyú можно заменить на 敢 gǎn, следовательно, при выражении смелости глаголы 敢于 gǎnyú и 敢 gǎn взаимозаменяемы, но в случае, когда глагол 敢 gǎn выражает значение ‘уверенность в оценке чего-л. или возможность’, его нельзя заменить на 敢于 gǎnyú. Поэтому область употребления глагола 敢 gǎn намного шире, чем у глагола 敢于 gǎnyú.

Глагол 敢于 gǎnyú (‘смесь’) — также модальный глагол желания. Грамматические особенности глаголов 敢于 gǎnyú (‘смесь’) и 敢 gǎn (‘осмеливаться’) в основном одинаковые, хотя 敢于 gǎnyú (‘смесь’) не образует формы 不 敢于 不 bù gǎnyú bù (‘не смесь не’), но, в общем, 敢于 gǎnyú (‘смесь’) соответствует нашим критериям модального глагола.

У глагола 肯 kěn в «Словаре современного китайского языка» содержится следу-

ющее примечание: выражает субъективное желание что-то сделать охотно; выражает одобрение требований, например, “肯虚心接受意见” ‘с охотой одобрить мнение’, “他请他来, 他怎么也不肯来” ‘он пригласил его, почему он все равно не хочет прийти’ [Словарь современного 2000: 776]. В труде «800 слов современного китайского языка» 肯 kěn также имеет значение ‘желать; охотно’ [Люй Шусян 1980: 303]:

пример 23. 我不由分说地将他搬到一旁. 他不很配合, 就象小孩不肯离开玩具柜台一样. (毕淑敏《预约死亡》) ‘Я без долгих разговоров перенес его в сторону. Он не такой маленький, но, словно ребенок, не хотел отходить от прилавка с игрушками’ [Би Шуминь «Предварительная смерть»].

Пример 24. 我忽然想到, 难道这就是他肯借钱给我的原因么? (张抗抗《白罂粟》) ‘Я вдруг подумал, неужели это и есть причина, из-за которой он охотно одолжил мне деньги?’ [Чжан Канкан «Белый мак»].

Глагол 肯 kěn в данных предложениях выражает субъективное желание что-то сделать охотно; выражает одобрение требований.

Обобщая вышесказанное, можно попытожить, что грамматические характеристики глаголов 要 yào (‘хотеть’), 想 xiǎng (‘хотеть’), 肯 kěn (‘собираться’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 敢于 gǎnyú (‘смесь’), 愿意 yuànyì (‘желать’) совпадают с характеристиками типичных модальных глаголов желания, поэтому мы можем отнести эти глаголы к категории модальных глаголов желания. Подводя итоги, мы должны сказать, что в современном китайском языке к типичным модальным глаголам желания относятся следующие глаголы: 要 yào (‘хотеть’), 想 xiǎng (‘хотеть’), 肯 kěn (‘собираться’), 敢 gǎn (‘осмеливаться’), 敢于 gǎnyú (‘смесь’), 愿意 yuànyì (‘желать’).

Источники

Би Шуминь «Предварительная смерть» — 毕淑敏《预约死亡》— Би Шуминь «Юйюэ сыван» — Би Шуминь «Предварительная смерть» [электронный ресурс] // URL: <https://www.sbk88.com/html/mingjiasanwen/bishumin/yuyuesiwang/139521.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Ван Шо «История из редакции. Кто больше глуп» — 王朔《编辑部的故事. 谁比谁傻多少》— Ван Шо «Бяньцзибу дэ гуши, шэй би шэй ша дошао» — Ван Шо «История из редакции. Кто больше глуп» [электронный ресурс] // URL: <https://max.book118.com/html/2017/0805/126124452.shtm> (дата обращения: 10.08.2018).

Ван Шо «Наполовину пламя, наполовину вода морская» — 王朔《一半是火，一半是海水》— Ван Шо «Ибань ши хо, ибань ши хайшуй» — Ван Шо «Наполовину пламя, наполовину вода морская» [электронный ресурс] // URL: <http://t.icesmall.cn/book/3/430/1.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Лао Шэ «На ярмарку» — 老舍《赶集》— Лао Шэ «Ганьцзи» — Лао Шэ «На ярмарку» [электронный ресурс] // URL: http://yuedu.163.com/book_reader/e3988a92ef864cd9a96244dc3a5f8cd1_4/30d7ed522337412b89207df66149b1b8_5 (дата обращения: 10.08.2018).

Лао Шэ «Философия почтенного Чжана» — 老舍《老张的哲学》— Лао Шэ «Лао Чжан дэ чжэсюэ» — Лао Шэ «Философия почтенного Чжана» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kanunu8.com/book3/8024/175661.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Лао Шэ «Развод» — 老舍《离婚》— Лао Шэ «Лихунь» — Лао Шэ «Развод» [электронный ресурс] // URL: <https://www.qisuu.la/du/19/19121/8755512.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Су Тун «Последняя любовь» — 苏通《末代爱情》— Су Тун «Вэйдай айцин» — Су Тун «Последняя любовь» [электронный ресурс] // URL: <https://max.book118.com/html/2015/0319/13461721.shtm> (дата обращения: 10.08.2018).

Фан Фан «Несущийся свет» — 方方《奔跑的火光》— Фан Фан «Бэньпао дэ хогун» — Фан Фан «Несущийся свет» [электронный ресурс] // URL: <https://www.taodocs.com/p-6345585.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Чжан Канкан «Белый мак» — 张抗抗《白罂粟》— Чжан Канкан «Бай инсу» — Чжан Канкан «Белый мак» [электронный ресурс] // URL: <https://max.book118.com/html/2017/1025/137867265.shtm> (дата обращения: 10.08.2018).

Чжан Пин «Облава» — 张平《十面埋伏》— Чжан Пин «Ши мянь май фу» — Чжан Пин «Облава» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kanunu8.com/book4/10486/184057.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Чи Ли «Багровая пыль на дорогах в окрестностях столицы» — 池莉《紫陌红尘》— Чи Ли «Цзымо хунчэнь» — Чи Ли «Багровая пыль на дорогах в окрестностях столицы» [электронный ресурс] // URL: <https://www.sbk88.com/sanwen/mingjiasanwen/chili/zimohongchen/173980.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Юй Хуа «Женская победа» — 余华《女人的胜利》— Юй Хуа «Нюйжэнь дэ шэнли» — Юй Хуа «Женская победа» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kanunu8.com/book3/7198/159292.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Sources

Bì Shūmín. 'Yùyuē sǐwáng' [The Preliminary Death]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August.2018). (In Chin.)

Fāng Fāng. 'Bēnpào de huǒguāng' [The Flashing Light]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Chí Lì. 'Zǐ mò hóngchén' [The Purple Dust on the Peripheral Roads of the Capital]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Lǎo Shě. 'Gānjí' [Towards the Fair]. An Internet resource: see hyperlink above: (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Lǎo Shě. 'Lǎo zhāng de zhéxué' [Rev. Lao Zhang's Philosophy]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Lǎo Shě. 'Lìhūn' [The Divorce]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Sū Tōng. 'Mòdài àiqíng' [The Last Love]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Wáng Shuò. 'Biānjí bù de gùshì. Shéi bǐ shéi shǎ duōshǎo' [A Story from the Editorial: Who is More Stupid]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Wáng Shuò. 'Yībàn shì huǒ, yībàn shì hǎishuǐ' [Half Fire, Half Ocean Water]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Yú Huá. 'Nǚrén de shènglì' [The Woman's Victory]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Zhāng Kàngkàng. 'Bái Yīngsù' [The White Poppy]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Zhāng Píng. 'Shí miàn máifú' [House of Flying Daggers]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 August 2018). (In Chin.)

Литература

Го Чжаоцзюнь 2005 — 郭昭军 2005 意愿与意图—助动词“要”与“想”比较研究,《现代汉语虚词研究与对外汉语教学》, 复旦大学出版社 [Го Чжаоцзюнь. Июань юй иту — чжудунцы «яо» юй «сян» бицзяо янцзю. Фудань дасюэ чубаньшэ]. — Го Чжаоцзюнь.

- Желание и намерение — сравнительное исследование вспомогательных глаголов 要 и 想. «Изучение служебных слов современного китайского языка и преподавание китайского языка как иностранного». Шанхай: изд-во Фуданьского ун-та, 2005. 165 с.
- Го Чжаоцзюнь 2008 — 郭昭军 2008 助动词 “要” 的模态多义性及其制约因素, 《汉语学习》第2期. [Го Чжаоцзюнь. Чжудунцы «яо» дэ мотай доисин цзи ци чжиюэ инсу. Ханьюй сюэси ди 2 ци]. — Го Чжаоцзюнь. Модальная многозначность вспомогательного глагола 要 и ее сдерживающие факторы // Изучение китайского языка. № 2. Шанхай: Торговое изд-во, 2008. С. 30–36.
- Дин Шэншу 1981 — 丁声树 1981 《现代汉语语法讲话》, 商务印书馆 [Дин Шэншу. Сяньдай ханьюй юйфа цзянхуа. Шаньу иньшугуань] — Дин Шэншу. Курс грамматики. Пекин: Изд-во Комершал пресс, 1981]. Пекин, 1981. 95 с.
- Кондрашевский, Румянцева Фролова 2014 — *Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г.* Практический курс китайского языка // М.: Вост. книга, 2014. Т. 1. 768 с.
- Ли Линьдин 1986 — 李临定 1986 《现代汉语句型》, 商务印书馆 [Ли Линьдин. Сяньдай ханьюй цзюйсин. Шаньу иньшугуань] — Ли Линьдин. Виды предложений современного китайского языка]. Пекин: Изд-во Комершал пресс, 1986. 123 с.
- Лу Бинфу 2009 — 陆丙甫 2009 及物动词根据宾语指称性强弱的分类, 《外国语》第 6 期 [Лу Бинфу. Цзиу дунцы гэнцзюй биньюй чжичэнсин цянжо дэ фэнлэй. Вайгоуй ди 6 ци] — Лу Бинфу. Классификация переходных глаголов на основе прочности утверждения дополнения // Иностранный язык. № 6]. Шанхай: Торговое изд-во, 2009. С. 52–57.
- Лу Сяокунь 1999 — 鲁晓琨 1999 现代汉语意愿助动词的语义对比, 《第六届国际汉语教学讨论会论文选》, 北京大学出版社 [Лу Сяокунь. Сяньдай ханьюй иуань чжудунцы дэ юйи дуйби. «Ди лю цзе гоцзи ханьюй цзяосюэ таолуньхуэй луньвэньсюань», Бейцзин дасюэ чубаньшэ] — Лу Сяокунь. Сравнение семантики вспомогательных глаголов желания современного китайского языка // Избранные доклады 6-й Междунар. конф. по преподаванию китайского языка]. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 1999. С. 67–72.
- Лу Сяокунь 2004 — 鲁晓琨 2004 《现代汉语基本助动词语义研究》, 中国社会科学出版社. [Лу Сяокунь. Сяньдай ханьюй цзибэнь чжудунцы юйи янцзю. Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ] — Лу Сяокунь. Изучение семантики основных вспомогательных глаголов современного китайского языка]. Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 2004. 165 с.
- Лю Чунься 2007 — 刘春霞 2007 “想” 和包含 “想” 的词语的情态功能研究, 中国人民解放军外国语学院硕士学位论文. [Лю Чунься. «Сян» хэ баохань «сян» дэ цыюй дэ чинтай гуннэн яньцзюй. Чжунго жэньминь цзефанцзюй вайго сюэюань шоши сюэвэй луньвэнь] — Лю Чунься. Изучение “想” и модальных свойств слов, содержащих “想”. Пекин: Изд-во Института иностранных языков НОАК, 2007. 135 с.
- Лю Юэхуа 1983 — 刘月华等 1983 《实用现代汉语语法》, 北京教学与研究出版社 [Лю Юэхуа. Шиюн сяньдай ханьюй юйфа. Бэйцзин цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ] — Лю Юэхуа. Практическая грамматика современного китайского языка]. Пекин: Пекинское изд-во образования и исследований, 1983. 98 с.
- Люй Шусян 1980 — 吕淑湘 1980 《现代汉语八百词》, 5 月第 1 版, 商务印书馆 [Люй Шусян. Сяньдай ханьюй бабай цы. 5 юэ ди 1 бань. Шаньу иньшугуань] — Люй Шусян. 800 слов современного китайского языка. Пекин: Изд-во Комершал пресс, 1980. 386 с.
- Люй Шусян 1979 — 吕叔湘 1979 《汉语语法分析问题》, 商务出版社 [Люй Шусян. Ханьюй юйфа фэнси вэньти. Шаньу иньшугуань] — Люй Шусян. Вопросы анализа грамматики китайского языка. Пекин: Изд-во Комершал пресс, 1979. 138 с.
- Ма Цинчжу 1988 — 马庆株 1988 《能愿动词的连用》, 《语言研究》第 1 期, 湖北省武汉市出版地 [Ма Цинчжу. Нэньюань дунцы дэ ляньюн. «Юйянь янцзю», ди 1 ци Хубэйшэн Уханьши чубаньди, 1988.] — Ма Цинчжу. Модальные глаголы. Непрерывное применение // Изучение языка. № 1. Ухань: Уханьское изд-во провинции Хубэй, 1988. С. 98–105.
- Пэн Личжэнь 2007 — 彭利贞 2007 《现代汉语情态研究》, 中国社会科学出版社. [Пэн Личжэнь. Сяньдай ханьюй чинтай янцзю. Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ] — Пэн Личжэнь. Исследование модальности современного китайского языка. Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 2007. 247 с.
- Рабочие материалы 2017–2018 — Рабочие материалы спецкурса «Китайский язык» по дисциплине «Углубленный курс основного языка», 2017–2018 уч. г.

- Словарь современного китайского языка 2000 — 现代汉语大词典, 上海: 汉语大词典出版社 [Сяньдай ханьюй дацзыдянь. Шанхай: ханьюй дацзыдянь чубаньшэ] — Словарь современного китайского языка. Шанхай: Изд-во словарей китайского языка, 2000. 1700 с.
- Син Фуи 1991 — 邢福义 1991 《现代汉语》, 高等教育出版社 [Син Фуи. Сяньдай ханьюй. Гаодэн цзяоюй чубаньшэ] — Син Фуи. Современный китайский язык. Пекин: Изд-во высшего образования, 1991. 554 с.
- Ху Юйшу 1982 — 胡裕树 1982 《现代汉语》, 上海教育出版社 [Ху Юйшу. Сяньдай ханьюй. Шанхай цзяоюй чубаньшэ] — Ху Юйшу. Современный китайский язык. Шанхай: Изд-во образования Шанхая, 1982. 356 с.
- Хуан Божун 1980 — 黄伯荣、廖序东 1980 《现代汉语》甘肃人民出版社 [Хуан Божун. Сяньдай ханьюй. Ганьсу жэньминь чубаньшэ] — Хуан Божун. Современный китайский язык. Ганьсу: Народное изд-во Ганьсу, 1980. 438 с.
- Цзян Пин 1983 — 蒋平 1983 “要”与“想”及其复合形式、连用现象, 《语言研究》第 2 期, 湖北省武汉市出版地 [Цзян Пин. «Яо» юй «сян» цзи ци фухэ синши, ляньюн сяньсян. «Юйянь янцзю», Хубэйшэн Уханьши чубаньди, № 2, 1983] — Цзян Пин. Составная форма и использование “要” и “想” // Изучение языка. № 2. Ухань: Уханское изд-во провинции Хубэй, 1983. С. 65–70.
- Цянь Найжун 1990 — 钱乃荣 1990 《现代汉语》, 高等教育出版社 [Цянь Найжун. Сяньдай ханьюй. Гаодэн цзяоюй чубаньшэ] Цянь Найжун. Современный китайский язык, Пекин: Изд-во высшего образования, 1990. 187 с.
- Чжан Бинь 2002 — 张斌 2002 《新编现代汉语》, 复旦大学出版社 [Чжан Бинь. Синьбянь сяньдай ханьюй. Фудань дасюэ чубаньшэ] Чжан Бинь. Новая редакция современного китайского языка. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2002. 578 с.
- Чжан Ваньхэ 2007 — 张万禾 2007 助动词“要”的情态语义分析, 《现代语文》第 1 期, 山东省曲阜市出版地 [Чжан Ваньхэ. Чжудунцы «яо» дэ цинтай юйи фэньси, Шаньдуншэн Цюфуши чубаньди, ди 1ци, 2007] — Чжан Ваньхэ. Анализ модальности и семантики вспомогательного глагола “要” // Современный китайский язык. № 1]. Цюфу: Изд-во Цюфу провинции Шаньдун., 2007 С. 82–88.
- Чжан Вэйгэн 1982 — 张维耿 1982 助动词“想”和“要”的区别, 《语言教学与研究》第 1 期, 语言教学与研究编辑部出版社 [Чжан Вэйгэн. Чжудунцы «сян» хэ «яо» дэ цюйбе. Юйянь цзяосюэ юй яньцзю бяньцзибу чубаньшэ, ди 1ци, 1982] — Чжан Вэйгэн. Различия вспомогательных глаголов “想” и “要” // Преподавание и изучение языка. № 1. Пекин: Изд-во «Редакционный отдел исследования и обучения языкам», 1982. С. 56–62.
- Чжао Юаньжэнь 1979 — 赵元任 1979 《汉语口语语法》, 商务印书馆 [Чжао Юаньжэнь. Ханьюй коуюй юйфа. Шанью иншугуань] — Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Пекин: Изд-во Комершал пресс, 1979. 127 с.
- Чжу Дэси 1982 — 朱德熙 1982 《语法讲义》, 商务印书馆 [Чжу Дэси. Юйфа цзяньи. Шанью иншугуань] — Чжу Дэси. Курс лекций по грамматике. Пекин: Изд-во Комершал пресс, 1982. 138 с.

References

- Dīng Shēng Shù. *Xiàndài hànyǔ yǔfǎ jiǎnghuà* [Grammar of modern conversational Chinese]. Beijing: Commercial Press, 1981. 95 p. (In Chin.)
- Guō Zhāojūn. Modal Polysemy of the Auxiliary Verb “要” and Its Constraints. *Hànyǔ xuéxí*. 2008. No. 2. Shanghai: Trading Publ. Pp. 30–36. (In Chin.)
- Guō Zhāojūn. Willingness and Intention — A Comparative Study of the Auxiliary Words “要” and “想”. *Xiàndài hànyǔ xūcǐ yánjiū yǔ duìwài hànyǔ jiàoxué*. Shanghai: Fudan University, 2005. 165 p. (In Chin.)
- Hú Yùshù. *Xiàndài hànyǔ* [Modern Chinese]. Shanghai: Shanghai Education Press, 1982. 356 p. (In Chin.)
- Huáng Bóróng. *Xiàndài hànyǔ* [Modern Chinese]. Gansu: Gansu People's Publishing House, 1980. 438 p. (In Chin.)
- Jiǎng Píng. “要” and “想” and their Compound Forms and Uses. *Yǔyán yánjiū*. 1983. No. 2. Wuhan: Wuhan Publ. (Hubei Prov.). Pp. 65–70. (In Chin.)
- Kondrashevsky A. F., Rumyantseva M. V., Frolova M. G. *Prakticheskiy kurs kitayskogo yazyka* [Chinese in use]. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2014. Vol. 1. 768 p. (In Rus. and Chin.)
- Lǐ Lǐndīng. *Xiàndài hànyǔ jù xíng* [Modern Chinese Sentence Patterns]. Beijing: Commercial Press, 1986. 123 p. (In Chin.)
- Líu Chūnxiá. “Xiǎng” hé bāohán “xiǎng” de cíyǔ de qíngtài gōngnéng yánjiū [A Study of “想”

- and Modality function of words that contain “想”]. Beijing: Chinese PLA Foreign Languages Institute, 2007. 135 p. (In Chin.)
- Liú Yuèhuá. *Shíyòng xiàndài hànyǔ yǔfǎ* [Practical modern Chinese grammar]. Beijing: Beijing Teaching and Research Press, 1983. 98 p. (In Chin.)
- Lù Bǐngfǔ. Transitive verbs classification based on the strength of the referentiality of the object. *Wàiguóyǔ*. 2009. No. 6. Shanghai: Trading Publ. Pp. 52-57. (In Chin.)
- Lǚ Xiǎo Kūn. *Xiàndài hànyǔ jīběn zhùdòngcí yǔyì yánjiū* [A Study of the Meaning of Basic Auxiliary Words in Modern Chinese]. Beijing: China Social Sciences Press, 2004. 165 p. (In Chin.)
- Lǚ Shūxiāng. *Hànyǔ yǔfǎ fēnxī wèntí* [Chinese grammar analysis problem]. Beijing: Commercial Press, 1979. 138 p. (In Chin.)
- Lǚ Xiǎo Kūn. Semantic Contrast of Auxiliary Verbs in Modern Chinese. *Dì liù jiè guójì hànyǔ jiàoxué tāolùn huì lùnwén xuǎn*. Conf. proc. Beijing: Peking University, 1999. Pp. 67-72. (In Chin.)
- Lǚ Shūxiāng. *Xiàndài hànyǔ bābǎi cí* [Eight hundred words in modern Chinese]. Beijing: Commercial Press, 1980. 386 p. (In Chin.)
- Mǎ Qīng Zhū. The use of modal verbs. *Yǔyán yánjiū*. 1988. No. 1. Wuhan: Wuhan Publ. (Hubei Prov.). Pp. 98-105. (In Chin.)
- Péng Lìzhēn. *Xiàndài hànyǔ qíngtài yánjiū* [Study of Modality in Modern Chinese]. Beijing: China Social Sciences Press, 2007. 247 p. (In Chin.)
- Qián Nǎi Róng. *Xiàndài hànyǔ* [Modern Chinese]. Beijing: Higher Education Press, 1990. 187 p. (In Chin.)
- Rabochie materialy spetskursa «Kitayskiy yazyk» po distsipline «Uglublennyy kurs osnovnogo yazyka», 2017–2018 uch. g.g.* [A course of advanced Chinese: study materials. 2017-2018. (In Chin.)
- Xiàndài hànyǔ dà cídiǎn* [Modern Chinese Dictionary]. Shanghai: Chinese Dictionary Publishing House, 2000. 1700 p. (In Chin.)
- Xíng Fúyì. *Xiàndài hànyǔ* [Modern Chinese]. Beijing: Higher Education Press, 1991. 554 p. (In Chin.)
- Zhāng Bīn. *Xīn biān xiàndài hànyǔ* [New Modern Chinese]. Shanghai: Fudan University, 2002. 578 p. (In Chin.)
- Zhāng Wánhé. The Modal Semantic Analysis of the Auxiliary Phrase “要”. *Xiàndài yǔwén*. 2007. No. 1. Qufu: Qufu Publ. (Shandong Prov.). Pp. 82-88. (In Chin.)
- Zhāng Wéigēng. The difference between the auxiliary verb “想” and “要”. *Yǔyán jiàoxué yǔ yánjiū*. 1982. No. 1. Beijing: Language Teaching and Research Press, 1982. Pp. 56-62. (In Chin.)
- Zhào Yuánrèn. *Hànyǔ kǒuyǔ yǔfǎ* [Grammar of Conversational Chinese]. Beijing: Commercial Press, 1979. 127 p. (In Chin.)
- Zhūdé Xī. *Yǔfǎ jiǎngyì* [Grammar Lectures]. Beijing: Commercial Press, 1982. 138 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 123–133, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-123-133
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37

Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

Александра Тагировна Баянова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)

заведующая научной библиотекой и архивом им. П. Э. Алексеевой

ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования сравнительных конструкций в калмыцком языке. Проблемы изучения сравнительных конструкций как категорий в языке включают в себя различные аспекты его рассмотрения: лексико-семантические, структурно-грамматические и лингвокультурологические. В калмыцком языке исследования сравнительных конструкций сводились к изучению структурно-грамматических особенностей компаративов. Практически отсутствуют исследования лингвокультурологических особенностей сравнений. В силу того, что данное явление мало исследовано, нами рассмотрены лексико-семантические и лингвокультурологические аспекты данной проблемы. *Целью* данной работы является выявление лексико-семантических и лингвокультурологических особенностей и классификация сравнений в калмыцком языке. *Материал.* Исследование проводилось на основе текстов калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамстедтом. Для изучения проблемы были проведен текстологический, компонентный, количественный и семантико-синтаксический анализ сказочных текстов. В *результате* исследования были выявлены основные тенденции в развитии изучения компаративных конструкций, выявлена частотность употребления различных частей речи в разрезе трехчленной структуры сравнений, исследованы проблемы соотнесения различных национальных культурных кодов в рамках структурной составляющей компаративов. Полученные результаты вносят вклад в развитие комплексного подхода к изучению многофункционального и универсального понятия сравнения на материалах фольклорных текстов.

Ключевые слова: калмыцкий язык, категория, сравнение, сравнительный оборот, компаративная конструкция

Благодарности: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ 0258-2019-0003, номер госрегистрации: ААА-А-19-119011490036-1)

Для цитирования: Баянова А. Т. Категория сравнения и способы ее выражения в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта). *Oriental Studies*. 2019;(1):123-133. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-123-133

UDC 811.512.37

The Category of Comparison and Its Means in Folklore Texts: a Linguocultural Perspective (a Case Study of Kalmyk Fairy-Tale Texts Recorded by G. J. Ramstedt)

*Alexandra T. Bayanova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin Str., Elista, 358000, Russian Federation)

Head of Alekseeva Scientific Library and Archive

ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: bayanovaat@kigiran.com

Abstract. The article examines Kalmyk comparative patterns. The task involves a number of aspects, namely: lexical-semantic, structural-grammatical, and linguocultural ones. Studies of Kalmyk comparative patterns have so far been reduced to investigations of structural-grammatical features of the former, without any essential insight into their linguocultural peculiarities. Since the phenomenon remains understudied, the work considers it in lexical-semantic and linguocultural perspectives. Thus, the paper aims to provide an overview of lexical-semantic and linguocultural features along with a corresponding classification of Kalmyk comparative patterns. The work studies Kalmyk fairy-tale texts recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt. The scope of work has included textual, component, quantitative, and semantic-syntactic analysis of the mentioned texts. The obtained results include the revelation of key development trends in studies of comparative patterns, frequency use of different parts of speech in the context of the threefold comparative structure; the issue of correlation between different culture-specific codes within structural elements of comparatives has also been considered. The results significantly contribute to the development of the comprehensive approach to studies of the multifunctional and universal concept of comparison within folklore texts.

Keywords: Kalmyk language, category, comparison, comparative phrase, comparative pattern

Acknowledgements: Research was subsidized by the government — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (No. 0258-2019-0003, reg. No. AAAA-A19-119011490036-1)

For citation: Bayanova A. The Category of Comparison and Its Means in Folklore Texts: a Linguocultural Perspective (a Case Study of Kalmyk Fairy-Tale Texts Recorded by G. J. Ramstedt). *Oriental Studies*. 2019;(1):123-133. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-123-133

Введение

Сравнение — понятие многофункциональное и универсальное, использующееся в различных областях познания: литературоведении, логике, философии, психологии, математике, культурологии и др. Так, например, в литературоведении под сравнением понимается «вид тропа, в котором одно явление или понятие проявляется путем сопоставления его с другим явлением» [СЛТ 1974: 371], в философии — «сопоставление объектов с целью выявления черт сходства или черт различия между ними» [ФС 2001: 538]. По мнению М. Фуко, сравнение — «самый универсальный ... элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко 1994: 66].

В «Новом словаре методических терминов и понятий» сравнение определяют как одну из логических операций мышления,

состоящую «в сопоставлении предметов, явлений, их свойств и установления тождества или различия между ними» [Азимов 2009: 290]. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, сравнение определяется как «понятие равенства — неравенства, большей или меньшей степени качества, находящее выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Ахманова 1966: 437].

В лингвокультурологии сравнение представляется как одно «из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания» [Маслова 2004: 144], где «с особой наглядностью проявляется так называемая внутренняя форма языка, богатство собственно языковых изобразительных ресурсов, а вместе с тем раскрывается самобытность национальной

культуры, национальный склад образного мышления [Огольцев 1978: 7].

Ученые, занимающиеся синтаксисом языка, считают, что сравнение — это синтаксическая категория, содержащая «в качестве строго обязательной части позицию сравнительного члена» [Черемисина 1976: 4].

В языкознании учеными чаще исследуются устойчивые сравнения, являющиеся особым языковым явлением, которое характеризуется «логической структурой сравнения, компонентным составом, выражающим компаративные отношения, образностью и особым суперсегментным значением» [Подчаха 2012: 331].

Исследование категории сравнения

Исследованием категории сравнения в лингвистике занимались многие ученые-исследователи. В английском языкознании сравнение¹ рассматривается как стилистический прием для экспрессивной окраски речи и часто уподобляется метафоре; считается, что они эквивалентны друг другу: «A metaphor can always be paraphrased as a simile» (Метафора всегда может быть перефразирована как сравнение. — *А. Б.*), «It must be capable of being expressed in simile form if it is to be understood as a comparison» (Она [метафора. — *А. Б.*] должна выражаться в форме сравнения, если ее следует понимать как сравнение) [Glucksberg 2006: 361], «metaphors and similes are interchangeable» (метафоры и сравнения взаимозаменяемы. — *А. Б.*) [Naught 2013: 254].

В отечественном языкознании изучение категории сравнения является одной из актуальных тем в свете современных сравнительных исследований языка и культуры различных народов. Огромный научный вклад в изучение категории сравнения внесли лингвисты В. П. Берков [Берков 1996], В. М. Огольцев [Огольцев 1978], М. И. Черемисина [Черемисина 1976] и др.

Анализ научных работ позволяет сделать вывод, что существует несколько аспектов изучения данной категории. Структурно-семантические особенности сравнительных конструкций выделены языковедами: [Даутия 1997; Черемисина 1976; Бабайцева 2010; Девятова 2010 и др.].

В рамках исследования функционально-семантических полей сравнение изу-

чалось такими учеными, как В. А. Богородицкий [Богородицкий 1907], И. В. Левит [Левит 2005], С. В. Постникова [Постникова 2009] и др.

Как средство выразительности данную категорию рассматривали в своих научных трудах: [Вомперский 1964; Гальперин 1958; Волкова 2004; и др.].

В последнее десятилетие рядом ученых исследуется лингвокультурологический аспект сравнительных конструкций в рамках одного или нескольких языков, где дается компаративный анализ функций, структуры и семантики исследуемой категории: [Абрамова 2004; Ольшанский 2004; Ильасова 2009; Воробьева 2014; Николаева 2003].

Цель данной статьи заключается в лексико-семантическом и лингвокультурологическом исследовании и классификации сравнений в калмыцком языке.

Материалы и методы исследования

Материалом для культурологического анализа сравнений послужили калмыцкие сказки, записанные финским ученым Г. Й. Рамстедтом в начале XX в. во время фольклорной экспедиции в Калмыцкой степи [Ramstedt 1909; Ramstedt 1919].

Основным методом исследования, применяемым в работе, является метод научного описания, который содержит в себе приемы наблюдения и классификации, а также методы текстологического, компонентного, количественного и семантико-синтаксического анализа. Методом сплошной выборки выявлено 114 сравнительных конструкций в тексте сказок.

Основная часть

Исследовательские работы по категории сравнения в калмыцком языкознании малочисленны. Все они сводятся лишь к описанию структурных моделей сравнения, выявлению частотных групп сравнительных конструкций. Лингвокультурологический аспект данной категории, связь с культурой и традициями народа практически не изучались, за исключением Е. В. Голубевой, которая рассматривает устойчивые сравнения в рамках активно исследуемого в последнее десятилетие направления в языкознании — концептологии [Голубева 2016].

Анализ компаративных конструкций в калмыцком фольклоре дан ученым-лингвистом Г. Ц. Пюрбеевым [Пюрбеев 2016]. На материале калмыцкого фольклора выявлены специфические черты и особенности в

¹ В английском языкознании различают два понятия сравнения: simile (как стилистическое средство) и comparison (как фигура речи).

структуре сравнений. Так, автор приходит к выводу, что отличительным свойством калмыцкого фольклорного текста является то, что оформление сравнений в них происходит большей частью по опорному слову-существительному² [Пюрбеев 2016: 119].

Основные структурные модели сравнительных оборотов, лексико-семантическая дифференциация сравнений на примере произведений калмыцкого фольклора «72 небылицы» и «Седклин кюр» рассмотрена в статье В. Н. Мушаева [Мушаев 2017].

Э. В. Эрдниева дает компаративный анализ фразеологизмов-сравнений, выражающих качества человека, на примере русского, английского и калмыцкого языков. Проведенный анализ показал, что для полной и выразительной характеристики человека используются фразеологизмы-сравнения, в которых присутствуют образы животных и птиц, их повадки. Специфичность же фразеологизмов-сравнений в разных языках проявляется в том, какие именно животные, птицы, предметы служат для выражения качеств человека [Эрдниева 2016: 82].

Сравнительные конструкции как средство характеристики героев в калмыцком героическом эпосе «Джангар» изучены Н. Ц. Биткеевым [Биткеев 1976], А. А. Бурыкиным и Т. Г. Басанговой [Бурыкин и др. 2008].

Н. Ц. Биткеев исследует сравнительные конструкции в песнях эпоса «Джангар» из репертуара Ээлян Овла, Телтя Лиджиева, Мукебена Басангова с точки зрения их семантики и грамматического выражения. При изображении необычных воинских способностей богатырей, для усиления напряженности поединков сказители чаще всего используют сравнения:

– *Ээв балтни чолу цоксн мет һал надрад*
‘Вспыхнуло пламя, словно ударили секирой по камню’;

– *Ааһин дүңгә махиг авад шивлдәд одна*
‘Размером с чашу разрывают мясо и бросают им друг в друга’ [Биткеев 1976: 134].

Красота героев сравнивается со светилами:

– *Һарх нарн мет* ‘Словно солнце восходящее’

– *Дүүрң һарсн аврн тавни сар мет*
‘Словно полная луна’ [Биткеев 1976: 134].

² Так, например, в русских и аварских фольклорных текстах наиболее продуктивными в использовании являются прилагательные сравнения [Пюрбеев 2016: 119].

А. А. Бурыкин и Т. Г. Басангова рассматривают жанр калмыцкого фольклора — приметы-*шинж*³ как систему развернутых сравнений, объединяемых одной темой, и выделяют среди них сравнения зоонимической семантики. Так, например, описывается красота лошади Хонгора:

Прекрасна, как у зайца, его спина,
прекрасны, как у тушканчика, передние
ноги его [Бурыкин и др. 2008: 7].

Сравнения в калмыцком языке изучаются и на примере литературных произведений калмыцких писателей. Н. М. Мулаева исследует сравнения в произведениях Л. Инджиева «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») и «Большевикүд» («Большевики»). Ею выявлены наиболее частотные сравнительные конструкции, определены семантические группы, которые «носят антропоцентрический характер (человек сравнивает те или иные действия, предметы, признаки с тем, что его окружает)» [Мулаева 2011: 138].

Сравнение как способ когнитии, как базовая когнитивная категория, структурирующая картину мира калмыцкого народа и обладающая национально-культурной спецификой, изучена на материале калмыцких пословиц, поговорок и загадок Е. В. Голубевой. Ею выделены шесть классификационных групп устойчивых сравнений, объединенных «по значению и отражающих маркерные представления о мире» [Голубева 2016: 91]. По мнению Е. В. Голубевой, «ключевыми для концептообразующих характеристик картины мира калмыков можно назвать сравнения, ... связанные с исчезающими реалиями быта народа, моделями поведения», которые представляют «особую ценность для всестороннего изучения» [Голубева 2016: 91].

Модели сравнения

С точки зрения синтаксиса сравнительные конструкции могут иметь две различные структуры — предикативную (придаточное предложение) и непредикативную (сравнительный оборот). Конституантами поля компаративности являются простые предложения с обстоятельствами сравнения и сложные предложения с придаточными сравнительными. Из 114 сравнительных конструкций, выявленных в тексте сказок, 35 (30,7 %) составляют простые и 79 (69,3 %) — сложные.

³ Примета-*шинж* — короткие стихотворения, относимые к детскому фольклору [Бурыкин и др. 2008: 6].

Сравнение отличается своими, присущими только ему, конструктивными признаками. Многие исследователи сходятся во мнении, что сравнение имеет трехчленную структуру, название которых различно, но, по сути, она обозначает одно и то же. Сравнение состоит из следующих элементов: объект сравнения (или предмет сравнения, тема), образ сравнения (или эталон сравнения, образец для сравнения) и основание сравнения (или общий признак, показатель сравнительного отношения, признак-основание, модуль).

Рассмотрим объекты сравнения в сравнительных конструкциях, встречающихся

в тексте сказок. Объект сравнения может выражаться:

1) именем существительным: *Шорһлҗ-на солн ик дән аашдгж* 'Муравьев многочисленное огромное войско [к нам] приближается' [Сказка № 13];

2) местоимением: *Чамлә әдл би тарһн мөрнә әрвң шимдн угов* 'Как ты, я сытный конский брюшной жир не ем' [Сказка № 21].

Часто объект сравнения может отсутствовать, но он может только подразумеваться: *Усн мет бүрлдәд бәәдг болнә* 'Словно смытые водой, [раны на нем] заживают' [Сказка № 16].

Таблица 1. Частотность употребления частей речи в качестве объекта сравнения

[Table 1. Frequency use of parts of speech as objects of comparison]

Часть речи [Part of speech]	Абсолютное кол-во [Absolute quantity]	Относительное кол-во (%) [Relative quantity]
Имя существительное [Noun]	53	46,5
Местоимение [Pronoun]	39	34,2
Отсутствие объекта сравнения [No object of comparison]	22	19,3
Итого [Total]:	114	100

Как видим из таблицы, в качестве объекта сравнения чаще всего в калмыцком языке выступает имя существительное (46,5 %). Отсутствие объекта в сравнительных конструкциях объясняется тем, что в сказке как жанре устного народного творчества присутствует спонтанная речь рассказчика. Как правило, она дополняется определенными жестами, мимикой, поэтому в тексте сказок присутствуют короткие фразы, преобладают простые предложения, очень часто звучат эллиптические и неоконченные фразы, что, кстати, наблюдается при рассмотрении сравнительных конструкций.

Образ (эталон) сравнения может репрезентироваться:

1. Именем существительным: *Өмнк хатнлә әдл сөөд һурв босад, әәмг-алтан әргүләд бәәдг болнә* 'Подобно прежней хатун, за ночь трижды владения свои она обходила' [Сказка № 22].

2. Местоимением: *Чамлә әдл би тарһн мөрнә әрвң шимдн угов* 'Подобно тебе я сытный конский брюшной жир не ем' [Сказка № 21].

3. Наречием: *Маңһдур өрүнднь бас өмнкләрн әдл кишч одв* 'Назавтра поутру, как и раньше, чувств лишилась она' [Сказка № 22].

4. Именем прилагательным: *Уул өргм икв* 'Огромно настолько я, что гору могу поднять' [Сказка № 16].

5. Глаголом: *Зерглдсн болна, зерзев кевтә болна, зерталдсн болна, нойдуд-сәәдуд кевтә болна!*» — *гежә келва*. 'Будто в ряд они встали, будто с оружием они, будто вытаращены глаза у них, будто нойоны и сайды это, так показалось мне!», — говорит' [Сказка № 13].

6. Причастием: *Зун герин зутаһул болсн* 'В ста домах позором клейменному подобный' [Сказка № 19].

В нижеприведенной таблице выявлена частотность употребления частей речи (см. табл. 2). Данная таблица наглядно показывает, что наиболее часто в качестве образа сравнения употребляются имена существительные (49 примеров) и местоимения (21 пример).

Также в результате анализа сравнительных конструкций выделены следующие типы образов сравнения (см. табл. 3).

С точки зрения семантики следует выделить несколько групп сравнений в калмыцком языке⁴: животный мир, растения, орнитонимы, вещный мир, компаративные обозначения величины, объема и размеров предметов

⁴ Так, например, Е. В. Голубева выделила шесть групп сравнений в калмыцком языке: человек, животный мир, растения, природные явления, вещный мир, абстрактные понятия [Голубева 2016: 90].

или людей по ассоциации с масштабами различных географических объектов.

Компоненты сравнений в большинстве своем представлены животными кодами национальной культуры калмыков. Жизнь калмыка невозможно представить

без домашних животных. Поэтому частотность сравнений с различными животными довольно высока. Все они имеют положительную коннотацию и чаще всего характеризуют описание схватки богатырей.

Таблица 2. Частотность употребления частей речи в качестве образа сравнения
[Table 2. Frequency use of parts of speech as a comparison image]

Часть речи [Part of speech]	Абсолютное кол-во [Absolute quantity]	Относительное кол-во (%) [Relative quantity]
Имя существительное [Noun]	49	43
Местоимение [Pronoun]	21	18,4
Наречие [Adverb]	11	9,64
Прилагательное [Adjective]	13	11,4
Глагол [Verb]	15	13,2
Причастие [Participle]	5	4,4
Итого [Total]:	114	100

Таблица 3. Типы образов сравнения
[Table 3. Types of comparison images]

Тип [Type]	Чем выражено [Expressed by]	Пример [Example]
Образ-предмет [Image-thing]	Имя существительное	1. <i>Мөсн болд үлдэри чапчад апчадг болна.</i> 'Сверкающим, словно лед, булатным мечом ударил его' [Сказка № 20].
Образ-признак [Image-attribute]	Прилагательное, Причастие [Adjective, Participle]	2. <i>Далэ балһм иквэ</i> 'Огромно настолько я, что могу море в рот набрать' [Сказка № 16]. 3. <i>Арви герин андн болсн</i> 'В десяти домах опороченному подобный' [Сказка № 19].
Образ-ситуация [Image-situation]	Глагол [Verb]	<i>Негмарһань — ода уксн мөрнэ ясиг дали жил болснд адл цээһад өгх</i> 'Одно состязание было таким — кости только что павшей лошади выбелить так, чтобы они выглядели, будто семьдесят лет прошло' [Сказка № 4].

При сравнении в тексте рассказчик использует слова, которые обозначают повадки животных: богатыри, сражаясь, кружатся в водовороте борьбы не просто как верблюды, а именно как самцы. Возможно, за основу сравнения взято то, как самцы-верблюды выбирают себе верблюдиц в брачный период, тоже в неравной борьбе отстаивая себе партнершу. Сравнение с трехгодовалыми жеребцами также неслучайно. К этому возрасту происходит полное физическое формирование животных: они набираются сил и достигают половой зрелости. Глаза навывкат, характерные для глаз быков, наблюдаются также при их схватке с противником.

Так, в тексте при описании схватки богатырей Марс Хара и Тега Бюс используются следующие сравнения:

– *Бух кептэ гилдэд* 'Словно быки, глаза свои выкатив' [Сказка № 16];

– *Буур кептэ бүргдэд* 'Словно верблюды-самцы кружась' [Сказка № 20];

– *Ажрһ кептэ суналдад одв* 'Словно жеребцы трехгодовалые на бегу вытянулись' [Сказка № 16].

При описании бега лошади рассказчик применяет компарацию именно с двухгодовалым жеребцом, так как в этом возрасте животное еще обладает детской непосредственностью, прытью и задором: *Дааһчлж туульн ирэд, эс киисч өгнэ* 'Словно двухлетний жеребенок, брыкаясь, примчался [конь], не поймал тот его' [Сказка № 20].

Наблюдения над повадками домашних животных легли в основу подобных сравнений.

При описании двадцатипятиголового кривого черного муса, в большом страхе позорно и панически бежавшего от трехлетнего Найхала, рассказчик сравнивает его с трусливым зайцем: *Бөөргин бөкн цаһан туула кептэ бөгн дөшэд* 'Словно по бугоркам скачущий горбатый белый заяц, сгорбившись, побежал' [Сказка № 21].

В данном случае речь идет не о виде животного (горбатый заяц — агути), а сгорбленность — признак страха перед опасным соперником. Для усиления рассказчик использует различные части речи однокоренного слова дважды: *бөкн* (горбатый) и *бөгн* (горбатиться).

Анализ компаративных конструкций с зоонимами подтверждает утверждение Г. Ц. Пюрбеева о том, что отличительным свойством калмыцкого фольклорного текста является то, что оформление сравнений в них происходит большей частью по опорному слову-существительному⁵.

Компонентами сравнений могут являться фитонимы: *Суха кептэ мандэһад, унтад окчэдг болнэ* 'Словно таволга, раскинулся и заснул' [Сказка № 19].

Растение таволга часто встречается в калмыцком фольклоре: река под названием Тавилгату, вдоль рек растет таволга, герой превращается в сухие веточки таволги, лошадей стреножат путами, связанными из таволги. Таволга является культовым растением у калмыков. Она считалась оберегом. Ее активно использовали в летний праздник Урюс-Сар. Использовали ее и для лечения домашних животных: распаренную траву прикладывали к больным или раненым копытам лошади. Пастбища с таволгой долговечны, так как растение обладает большой выживаемостью и способностью быстро восстанавливаться после того, как были вытоптаны животными. Само растение представляет собой раскидистый куст, побеги которого стелются по земле, отсюда и сравнение — раскинулся, словно таволга. Фитонимы в фольклорном тексте встречаются значительно реже, чем зоонимы. Это объясняется не тем, что флора степи довольна скудна, а скорее всего тем, что животный мир составлял основу бытия и существования калмыков как представителей кочевой культуры.

⁵ Так, например, в русских и аварских фольклорных текстах наиболее продуктивными в использовании являются прилагательные сравнения [Пюрбеев 2016: 119].

В качестве сравнений используются в тексте и орнитонимы:

– *Харадэ кептэ шүүрлдэд* 'Словно ласточки, насакивали друг на друга' [Сказка № 21];

– *Харадэ шовуна девлһтэһар* 'Ласточки-птицы парению подобно' [Сказка № 16];

– *Харцх шовуна шүүрлһтэһар* 'Ястреба-птицы хватке подобно' [Сказка № 16];

– *Элэ кептэ эргэд* 'Словно коршуны, кружили' [Сказка № 21].

Данные сравнения также используются при описании схватки героев в богатырской сказке. Ласточки, являясь перелетными птицами, обладают превосходной координацией, высокой скоростью, маневренностью, острым зрением, легкостью и плавностью движения в полете, что важно для борцов⁶.

Напротив, в русском фольклоре ласточка несет в себе женское начало, это святая птица, любимая богом, ее щебетание похоже на молитву. В христианской мифологии обращающиеся с мольбой к богу уподобляются голодной и страждущей ласточке [Мифы 1982: 39].

У монголов ласточка отождествляется с юной красавицей, которая тоскует, разлучившись с любимым [Скородумова 2014: 56].

Ястреб и коршун относятся к классу ястребиных. В национальной картине мира многих народов эти птицы являются символом хищника и имеют отрицательную коннотацию. Характерным признаком этих птиц является внезапное, стремительное, вероломное, злобное нападение на свою жертву, при этом безжалостно, коварно и кровожадно уничтожая противника.

Следует отметить, что национальная борьба у калмыков — зрелище действительно захватывающее и требующее особого мастерства, победа в которой «венчает победителя славой неомрачимой, быстро разносящуюся по целому калмыцкому миру» [Небольсин 1852: 114]. Для победы в схватке необходима и легкость, подобно парению ласточки, и железная хватка, подобно тому, как ястреб настигает свою добычу, и неудержимость, с какой коршуны нацелены на свою жертву.

В фольклорных калмыцких текстах встречаются в сравнениях и названия географических объектов: *Сөмр уул мет шикр*

⁶ В калмыцком фольклоре ласточка помогает людям: она вырывает язык у комара, тем самым спасает людей от змей [Мифы 2017: 65].

сурвэ 'Как с гору Сумеру величиной комок сахара попросил' [Сказка № 8].

Гора Сумеру (*Сөмр уул*) является мифической священной горой, центром всей Вселенной. В индийской мифологии считается, что высота горы составляет 80 тысяч йоджан⁷ (примерно равно диаметру Солнца). Подобное сравнение предмета с гигантскими размерами горы возможно, как мы понимаем, только в фольклорном тексте. В данном примере в семантике приведенного сравнения выражена национальная картина мира, представление видения мира народом.

Вещный мир представлен в сравнительных конструкциях предметами быта калмыков:

– *Хасн сумн кептэ хэгл дөшэд, гүүһэд һардг* 'Словно вылетевшая стрела, дрожа, побежал' [Сказка № 21].

– *Сур мет сунад* 'Словно кожаный ремень, растянулся' [Сказка № 19];

Среди сравнительных конструкций также можно выделить группу компаративных обозначений объема и размеров предметов или людей по ассоциации с масштабами различных географических объектов:

– *Далэ балһм иквэ* 'Огромнен настолько я, что могу море в рот набрать' [Сказка № 16];

– *Уул өргм икв* 'Огромнен настолько я, что гору могу поднять' [Сказка № 16];

– *Һазад далэ мет арша сурвэ* 'Как с океан аршан попросил' [Сказка № 8].

В фольклорном тексте в качестве репрезентантов признака величины и размеров могут выступать и различные предметы быта:

– *Барун далднь ааһин амн дүңгэ* *улан мең билэ* 'На правой лопатке как с чашу красное родимое пятно было' [Сказка № 16].

– *...һуйин бор махнаһн ааһин чигэ бор мах утлад авхларн* 'С бедра своего как с чашу величиной кусок мяса отрезав' [Сказка № 21].

⁷ Йоджан — базовая мера длины в древней Индии (равна примерно 8–13 км в современном измерении).

Литература

Абрамова 2004 — Абрамова Г. И. Этносемантика фразеологических компаративных единиц как элемент национально-культурной специфики: на примере русского, казахского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 268 с.

– *Күүкн нег шаһән чиңгэ тосан өгчәнэ* 'Девочка как с альчик кусок масла ему дает' [Сказка № 22].

– *Дөш болһн сээрэрчн кеңкрэт бүрэс кеһэд окнэв!* 'Шкурой с широкого, как наковальня, крупа твоего барабан обтяну!' [Сказка № 20].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Анализ сравнительных конструкций в текстах сказок в записи Г. И. Рамstedта показал, что они представляют собой большей частью трехчленную структуру: объект сравнения, образ сравнения и основания сравнения. Имеются случаи отсутствия объекта сравнения в рассматриваемых конструкциях, что объясняется спонтанностью речи рассказчика.

Количественные характеристики частотности употребления различных частей речи в структуре сравнительных конструкций свидетельствуют о том, что в калмыцком языке совсем иная картина. Так, если, например, в русском языке преобладают глагольные конструкции, то в калмыцком языке, наоборот, присутствует наибольшая частотность субстантивной группы в разрезе рассмотрения частеречной принадлежности опорного слова.

Сравнения как этнокультурная составляющая фольклорного текста соотносится с различными национальными кодами культуры, наиболее продуктивными из которых являются зооморфные коды. Так, например, часто употребляются при сравнении такие виды животных, как бык (*бух*), верблюд-самец (*буур*), жеребец (*ажрһ*) и т. д. В качестве сравнений используются также орнитонимы, фитонимы, географические объекты, предметы быта, вещный мир. В основе семантики данных сравнительных конструкций лежит культурно значимая информация, которая понятна при разъяснении лингвокультурологического аспекта исследуемых единиц.

Азимов 2009 — Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

Ахманова 1966 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов.энциклопедия, 1966. 608 с.

- Бабайцева 2010 — *Бабайцева В. В.* Система языка как целостное образование // Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: сб. научных и научно-методических статей. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 32–41.
- Берков 1996 — *Берков В. П.* Компаративность: семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 106–154.
- Биткеев 1976 — *Биткеев Н. Ц.* Сравнения и метафоры в «Джангаре» Ээлян Овла и его последователей: к проблеме эпической традиции // Вестник КНИИЯЛИ. Вып. 14. Элиста. 1976. С. 132–140.
- Богородицкий 1907 — *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1907. 268 с.
- Бурыкин и др. 2008 — *Бурыкин А. А., Басангова Т. Г.* Устойчивые сравнения в «Джангаре» и жанр примет-шинж (к проблеме интертекстуальности героического эпоса и генезиса жанра примет-шинж в калмыцком фольклоре) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф., г. Элиста, 9–14 мая 2007 г. В. 3-х ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 5–10.
- Волкова 2004 — *Волкова Т. Ф.* Сравнения в речи диалектной языковой личности: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 237 с.
- Вомперский 1964 — *Вомперский В. В.* К характеристике стиля М. Ю. Лермонтова: стилистические функции сравнения // Русский язык в школе. 1964. №5. С. 25–32.
- Воробьева 2014 — *Воробьева Л. Б.* Возможности репрезентации устойчивых сравнений в русско-литовском словаре. Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 219–221.
- Гальперин 1958 — *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 460 с.
- Голубева 2016 — *Голубева Е. В.* Устойчивые сравнения как способ когниции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(66). В 4 ч. Ч. 2. С. 88–91.
- Даутия 1997 — *Даутия Ф. В.* Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями, с показателем сравнения как: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 16 с.
- Девятова 2010 — *Девятова Н. М.* Сравнения в динамической системе языка. М.: URSS, 2010. 318 с.
- Ильясова 2009 — *Ильясова Л. И.* Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: Казань, 2009. 25 с.
- Левит 2005 — *Левит И. В.* Сложные сравнительные синтаксические конструкции как элемент функционально-семантического поля сравнения: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 166 с.
- Маслова 2004 — *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.
- Мифы 1982 — Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 720 с.
- Мифы 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Мулаева 2011 — *Мулаева Н. М.* Сравнения в произведениях Л. Инджиева «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») и «Большевикүд» («Большевики») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 136–139.
- Мушаев 2017 — *Мушаев В. Н.* Средства сравнения в произведениях калмыцкого фольклора («72 небылицы» и «Седклин кюр») // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4 (36). С. 91–99.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Николаева 2003 — *Николаева Т. Н.* Типологическая параметризация компаративной фразеологии современного якутского и немецкого языков: автореф. дис. канд. филол. наук. Якутск, 2003. 23 с.
- Огольцев 1978 — *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 159 с.
- Ольшанский 1999 — *Ольшанский И. Г.* Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 10–26.
- Подчаха 2012 — *Подчаха О. В.* Особенности многозначности устойчивых сравнений // Преподаватель XXI век. 2012. №1–2. С. 329–335.
- Постникова 2009 — *Постникова С. В.* К вопросу о центре функционально-семантического поля сравнения (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 272–276.
- Пюрбеев 2016 — *Пюрбеев Г. Ц.* Анализ компаративных конструкций в калмыцком фольклоре // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 115–121.
- Скородумова 2014 — *Скородумова Л. Г.* Мир образов в романах В. Инжинаша // Mongolica—XII: сб. науч. ст. СПб., 2014. С. 55–66.

- СЛТ 1974 — Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
- ФС 2001 — Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. Изд. 7-е, перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
- Фуко 1994 — Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
- Черемисина 1976 — Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.
- Эрдниева 2016 — Эрдниева Э. В. Функционирование фразеологизмов-сравнений, выражающих качество человека, в разных языках // Вестник Калмыцкого университета. 2016. №3 (31). С. 77–83.
- Glucksberg 2006 — Glucksberg S., Haught S. On the Relation Between Metaphor and Simile: When Comparison Fails. *Mind & Language*. 2006. Vol. 21. No. 3. Pp. 360–378. (In Eng.)
- Haught 2013 — Haught C. A Tale of Two Tropes: How Metaphor and Simile Differ. *Metaphor and Symbol*. Vol. 28, 2013. Issue 4. Pp. 254–274. (In Eng.)
- Ramstedt 1909 — Ramstedt G. J. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen [Kalmyk speech patterns. Coll. and publ. by G. J. Ramstedt. Part One. Kalmyk fairy tales]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Germ. and Kalm.)
- Ramstedt 1919 — Ramstedt G. J. Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen [Kalmyk speech patterns. Coll. and publ. by G. J. Ramstedt. Part Two. Kalmyk fairy tales]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. Pp. 155–237 (In Germ. and Kalm.)
- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1966. 608 p. (In Rus.)
- Babaytseva V. V. The language system as a coherent unit. *Babaytseva V. V. Izbrannoe. 2005–2010. Coll. papers*. Moscow; Stavropol: Stavropol State Univ., 2010. Pp. 32–41. (In Rus.)
- Berkov V. P. Comparativity: semantics of the comparative and types of its means. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost'*. St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 106–154. (In Rus.)
- Bitkeev N. Ts. Comparatives and metaphors in the *Jangar* of Eelyan Ovla and his followers: the epic tradition revisited. *Vestnik KNIIYaLI*. Is. 14. Elista. 1976. Pp. 132–140. (In Rus.)
- Bogoroditsky V. A. *Obschiy kurs russkoy grammatiki (iz universitetskikh chteniy)* [General Russian grammar: excerpts from university readings]. Kazan: Kazan Imper. Univ, 1907. 268 p. (In Rus.)
- Burykin A. A., Basangova T. G. Set phrases in the *Jangar* and the genre of *shinj* signs: inter-actuality of the heroic epic and genesis of *shinj* signs in Kalmyk folklore revisited. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya*. Conf. proc. (Elista, 9–14 May 2007). In 3 parts. Part 2. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2008. Pp. 5–10. (In Rus.)
- Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruktii russkogo yazyka* [Russian comparative constructions]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 270 p. (In Rus.)
- Dautiya F. V. *Sravnitel'nye konstruktii, perekhodnye mezhdu slozhnymi i prostymi predlozheniyami, s pokazatelem sravneniya kak* [Comparative patterns: intermediate ones emerging between compound and simple sentences with the aid of the word 'как']. A PhD thesis abs. Moscow, 1997. 16 p. (In Rus.)
- Devyatova N. M. *Sravneniya v dinamicheskoy sisteme yazyka* [Comparisons within a dynamic system of the language]. Moscow: URSS, 2010. 318 p. (In Rus.)
- Filosofskiy slovar'* [The philosophical dictionary]. I. T. Frolov (ed.). 7th ed., rev. and suppl. Moscow: Respublika, 2001. 719 p. (In Rus.)
- Foucault M. *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. An Archaeology of the Human Sciences]. St. Petersburg: A-sad, 1994. 408 p. (In Rus.)
- Galperin I. R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. Moscow: Inoizdat, 1958. 460 p. (In Rus.)
- Golubeva E. V. Stable comparisons as a way of cognition. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. No. 12(66). In 4 parts. Part 2. Pp. 88–91. (In Rus.)

References

- Abramova G. I. *Etnosemantika frazeologicheskikh komparativnykh edinits kak element natsional'no-kul'turnoy spetsifiki: na primere russkogo, kazakhskogo i angliyskogo yazykov* [Ethno-semantics of comparative phraseological units as a national culture-specific element: a case study of the Russian, Kazakh, and English languages]. A PhD thesis abs. Moscow, 2004. 268 p. (In Rus.)
- Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of foreign language teaching)]. Moscow: IKAR, 2009. 448 p. (In Rus.)

- Erdnieva E. V. The functioning of idioms-comparisons expressing human features in different languages. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2016. No. 3 (31). Pp. 77–83. (In Rus.)
- Glucksberg 2006 — *Glucksberg S., Haught S.* On the Relation Between Metaphor and Simile: When Comparison Fails. *Mind & Language*. 2006. Vol. 21. No. 3. Pp. 360–378. (In Eng.)
- Haught 2013 — *Haught C.* A Tale of Two Tropes: How Metaphor and Simile Differ. *Metaphor and Symbol*. Vol. 28, 2013. Issue 4. Pp. 254–274. (In Eng.)
- Ilyasova L. I. *Ustoychivye sravneniya s kolorativnym komponentom v angliyskom i russkom yazykakh* [Fixed comparisons with color components in the English and Russian languages]. A PhD thesis abs. Kazan, 2009. 25 p. (In Rus.)
- Levit I. V. *Slozhnye sravnitel'nye sintaksicheskie konstruktii kak element funktsional'no-semanticheskogo polya sravneniya* [Compound comparative syntactical patterns as an element of the functional-semantic field]. A PhD thesis abs. St. Petersburg, 2005. 166 p. (In Rus.)
- Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguo-Culturology]. Moscow: Academia, 2004. 208 p. (In Rus.)
- Mify narodov mira* [Myths of the World]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1982. 720 p. (In Rus.)
- Mify, legendy i predaniya kalmykov* [Myths and legends of the Kalmyks]. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 2017. 367 p. (In Rus. and Kalm.)
- Mulaeva N. M. Comparisons in L. Indzhiev's 'Kharalta ödrnüd' ('The Cursed Days') and 'Bolsheviküd' ('The Bolsheviks'). *Vestnik KIGI RAN*. 2011. No. 1. Pp. 136–139. (In Rus.)
- Mushaev V. N. Means of comparison in Kalmyk folklore. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 4 (36). Pp. 91–99. (In Rus.)
- Nebolsin P. *Ocherki byta kalmykov Khosheutovskogo ulusa* [Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: essays on everyday life]. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Rus.)
- Nikolaeva T. N. *Tipologicheskaya parametrizatsiya komparativnoy frazeologii sovremennogo yakutskogo i nemetskogo yazykov* [Comparative phraseology of modern Yakut and German: typological parameters]. A PhD thesis abs. Yakutsk, 2003. 23 p. (In Rus.)
- Ogoltsev V. M. *Ustoychivye sravneniya v sisteme frazeologii* [Fixed comparisons with the phraseological system]. Leningrad: Leningrad State Univ., 1978. 159 p. (In Rus.)
- Olshansky I. G. Lexis, phraseology, text: linguocultural components. *Yazyk i kul'tura*. Is. 2. Moscow: Inst. of Sc. Inf. on Soc. Sc. of RAS, 1999. Pp. 10–26. (In Rus.)
- Podchakha O. V. Fixed comparisons: peculiarities of polysemy. *Prepodavatel' XXI vek*. 2012. No. 1–2. Pp. 329–335. (In Rus.)
- Postnikova S. V. Revisiting the issue of a center within the functional-semantic field of the comparative (a case study of the German language). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2009. No. 5. Pp. 272–276. (In Rus.)
- Pyurbeyev G. Ts. Analysis of comparative constructions in Kalmyk folklore. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2016. No. 4 (32). Pp. 115–121. (In Rus.)
- Ramstedt 1909 — *Ramstedt G. J.* Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen [Kalmyk speech patterns. Coll. and publ. by G. J. Ramstedt. Part One. Kalmyk fairy tales]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Germ. and Kalm.)
- Ramstedt 1919 — *Ramstedt G. J.* Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen [Kalmyk speech patterns. Coll. and publ. by G. J. Ramstedt. Part Two. Kalmyk fairy tales]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. Pp. 155–237 (In Germ. and Kalm.)
- Skorodumova L. G. The imagery of V. Inzhinash's novels. *Mongolica–XII*. Coll. papers. St. Petersburg, 2014. Pp. 55–66. (In Rus.)
- Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [A dictionary of literary terms]. L. I. Timofeev, S. V. Turaev (comps). Moscow: Prosveschenie, 1974. 509 p. (In Rus.)
- Volkova T. F. *Sravneniya v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Comparatives in speech of a dialectal language personality]. A PhD thesis abs. Tomsk, 2004. 237 p. (In Rus.)
- Vompersky V. V. Characterizing M. Yu. Lermontov's literary style: stylistic functions of the comparative. *Russkiy yazyk v shkole*. 1964. No. 5. Pp. 25–32. (In Rus.)
- Vorobiova L. B. The possibility of steady comparisons representation in the Russian-Lithuanian dictionary. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014. No. 3. Pp. 219–221. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 134–148, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22 (=512.157)

К вопросу семантической интерпретации эпической формулы «үс саха, түөрт саха»

Сатанар Марианна Тимофеевна¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Научно-исследовательский институт Олонхо (д. 42, ул. Кулаковского, г. Якутск 677000, Российская Федерация)
 заведующий сектором «Олонхо и эпосы народов мира»
 ORCID: 0000-0002-3546-7343. E-mail: satanar68@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В мифопоэтических текстах олонхо, изобилующих метафоризмом и синкретизмом, глубинные семантические структуры на сегодняшний день продолжают оставаться малоизученными. В статье предпринимается попытка рассмотрения и анализа информационной структуры постоянной эпической формулы *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* ('букв. когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились') в ракурсе мифологического мирозерцания с учетом этнических особенностей мышления, которая не была еще специальным полем исследований. *Цель:* выявить и описать метаязык эпической формулы *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* ('букв. когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились'). *Методы.* Междисциплинарный подход обеспечивает приоритет принципа системности. Для достижения цели исследования привлечены методы обзора, сравнения, герменевтики, экстраполяции, структурно-семантического анализа. Использование в реконструкции метаязыка исследуемой формулы метода эмпатии, основанного на идее *сахалы толкуй* ('букв. якутское мышление или толкование'), позволяет увидеть взгляд и оценку концепта изнутри, что безусловно отражает суть этики исследования. *Результаты.* Устойчивость термина «саха», аргументируемая обзором исторических материалов разных эпох и подтверждаемая внутренними законами языка, дает некий фундамент для препарирования его смысла. Подход для определения архаического значения «саха» опирается на особенности мифологического мировоззрения, строящегося по принципам мифологического мышления. В ходе поэтапного исследования выявлено, что закодированное в слове «саха» сведение репрезентируется как «мыслящее живое существо», следовательно, «человек», а заархивированная внутренняя организация структуры эпической формулы *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* передает сообщение «когда человек-мужчина и человек-женщина еще не родились» (условно: «когда все человечество еще не появилось»), содержащее отголоски древних мировоззренческих установок. Автором статьи, без вступления в противоречие с концепцией многокомпонентности этноса *саха*, выдвигается гипотеза фиксирования центрального элемента — общей подпочвы общности «саха», открывающей новые возможности понимания периферийных ветвей происхождения многих этнонимов.

Ключевые слова: олонхо, саха, эпическая формула, метаязык, семантическая структура, число, мифологическое мышление, этноним

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения»

Для цитирования: Сатанар М. Т. К вопросу семантической интерпретации эпической формулы «үс саха, түөрт саха». *Oriental Studies*. 2019;(1):134-148. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148

UDC 398.22 (=512.157)

The Epic Formula ‘*Üs Sakha, Tüört Sakha*’: Semantic Interpretation Revisited

Marianna T. Satanar¹

¹ Ammosov North-Eastern Federal University, Olonkho Research Institute (42, Kulakovski Str., Yakutsk 677000, Russian Federation)

Head of Sector for Olonkho and World Epic Studies

ORCID: 0000-0002-3546-7343. E-mail:satanar68@mail.ru

Abstract. In the Yakut mythological system, associative thinking prevails which forms a basis for the formation of more ordered and holistic representations. In the worldview of ancestors, the awareness of the world in integrity and unity is depicted through imaginative systems built on the basis of similarities and analogies with concepts of the animal and plant worlds. It is important that in this context of ethnic awareness, the definition and position of the person in the universe also occurs. The analyzed epic formula ‘*үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ*’ / ‘*üs sakha üösküü iligine, tüört sakha törüü iligine*’ (liter. ‘when the three Yakuts were not yet born, and the four Yakuts have not yet appeared’) in the Yakut tradition is not only sustainable but is also a universal element that transforms to penetrate into other genres and literature. The problem of understanding folklore texts — indivisibly connected to language semantics — on the basis of which cultural meanings are built still remains a most understudied topic in folklore studies. The structure and nature of information systems preserved and brought till nowadays by epic formulas have not been studied enough. The work aims to identify and describe the deep semantic structures of the epic formula ‘*üs sakha üösküü iligine, tüört sakha törüü iligine*’. The research approach is determined, firstly, by the mythological attitudes of primitive consciousness, and, secondly, by ethnic peculiarities of thinking. To achieve the goal of the study, methods of review, comparison, hermeneutics, extrapolation, and structural semantic analysis are involved. The use of the method of empathy based on the idea of ‘Yakut thinking or interpretation’ in the reconstruction of the meta-language of the studied formula makes it possible to view and evaluate the concept from inside, which certainly reflects the essence of research ethics. During the stage-by-stage analysis the study reveals that the stability of the term ‘*Sakha*’ supported by the review of historical materials of different eras and confirmed by the internal laws of the language is essentially archaic. The information encoded in the word ‘*Sakha*’ is represented as ‘*санаалаах харамай*’ / ‘*sanaalaakh kharamai*’ which means ‘a thinking living creature’, i.e., ‘person’. The root of the name *kharamai* ‘khara’ attracts special attention since the semantic meaning of the former in ancient and modern Turkic, Mongolian, Tungus-Manchurian languages is interpreted as ‘person’. The archived internal organization of the structure of the epic formula ‘*üs sakha üösküü iligine, tüört sakha törüü iligine*’ conveys the message ‘when person-man and person-woman were not yet born’ (‘when all mankind had not yet appeared’), containing echoes of ancient worldviews. The article — without coming into conflict with the concept of the multi-component Sakha ethnos — puts forward the hypothesis of fixing the central element, i.e., a common core ethnic substrate of the Sakha community which offers new opportunities for understanding the peripheral branches of origins of many ethnonyms. Such a positioning of the expressive content of the meta-language of the formula refers to the idea of reassessing mythological representations that occur in the depths of the *Olonkho*. The conclusion deals with times when not only one ethnos but the whole of humanity had been endowed with the name *Sakha*, which is the key one, and this thesis can serve as a starting research point in various areas in future.

Keywords: Olonkho, Sakha, epic formula, meta-language, semantic structure, number, mythological thinking, ethnonym

Acknowledgements: The article was prepared within the government assignment (project XII.192.1.4. 'Myth and History in Folklore and Literature of the Buryats and Ethnic Russian Residents of Siberia: Common and Specific Features'. Reg. No. AAAA-A17-117021310268-2).

For citation: Satanar M. The Epic Formula '*Üs Sakha, Tüört Sakha*': Semantic Interpretation Revisited. *Oriental Studies*. 2019;(1):134-148. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-134-148

Богатый метафорический язык древнего *олонхо* — это сложенная структурная и лексико-семантическая система, где нет ничего лишнего и случайного. Известно, что в языке фольклорных текстов наблюдается обильное употребление стереотипных, типовых формульных элементов [Слепцов 1990: 209].

В этих устойчивых элементах текста — формульных конструкциях, представляющих собой структурно-семантические единицы, спрессована многовековая память народа в виде сакральной информации, внутренняя организация которой подлежит расшифровке. Ключевые слова ёмки, и благодаря этому эпическая формула предстает как мощное средство компрессии сообщения. Заметим, что в якутской фольклористике эти компактные информационные структуры, транслирующие важные сообщения, продолжают оставаться малоизученными.

Между тем исследователи отмечают, что семантическая особенность слова в текстах эпических произведений должна пониматься следующим образом: лексическое толкование слова есть внешний слой, и слово должно восприниматься как ярлык некоторого сообщения, представляющего собой суть более высокого уровня [Цивьян 1975: 209].

При этом нельзя игнорировать то, что этот семантический язык, или метаязык, определяющий глубинные смысловые структуры текста, связан с первобытной логикой, основанной на синкретическом, целостном чувственном мировосприятии.

Данный вопрос был полем изучения многих ученых. Отправной точкой настоящей работы служат: концепция синтеза наук В. С. Степина; теоретические разработки структурализма К. Леви-Стросса;

семантика алгебраической символики в мифах В. В. Иванова [Иванов 1978] и В. Н. Топорова [Топоров 1980]. Исследование опирается на символическом подходе к языку и мифу В. Я. Проппа, где символы порождают в свою очередь поэтические тропы, в отношении изучения которых еще Е. М. Мелетинским подмечено, что они «никоим образом не должны рассматриваться в качестве простых „украшений“ поэтической речи» [Мелетинский 1976: 123]; на культурную семантику устной коллективной памяти, где язык указывается Ю. М. Лотманом в качестве мощного источника структурности — того организующего центра, откуда берет начало семиотический язык культуры [Лотман 2000: 254].

При изучении *олонхо* своеобразными ориентирами являются исследования по семантической структуре космогонических воззрений: С. К. Колодезникова [Колодезников 1991], А. И. Гоголева [Гоголев 2002], Р. И. Бравиной [Брагина 2005], Л. Л. Габышевой [Габышева 1988], Е. И. Избековой [Избекова 2014], А. С. Поповой [Попова 1996] и др.

Итак, нас интересует не узко лексическое значение слова эпической формулы, а его «двойная природа», где слово репрезентируется как закодированное сообщение, характеризующееся своей внутренней структурой.

Эпическая формула *үс саха үөскүү илигинэ, түөрт саха төрүү илигинэ* 'когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились' [Тимофеев-Теплоухов 2014: 8; 286], представляя собой основную идею мифологического эпоса, обращенную к «первоначальным временам», привлекает к себе внимание не только как элемент, повторяющийся в различных текстах с особым постоянством, но и встречающий-

ся в других жанрах устной коллективной памяти, литературе, а также способностью трансформироваться в семиотические функции ритуалов, поверий и т. д. Здесь уместно вспомнить мысль А. А. Потебни: «под термином „мифология“ в контексте истории мифического мирозерцания стоит понимать не только мифологический рассказ, но и действия (обычаи, обряды) и вещи» [Потебня 1976: 20]. Речь идет о важной закономерности, где различные виды культурных памятников могут шифровать одно и то же сообщение с одним мифологическим содержанием, представленным в трудах П. Г. Богатырева [Богатырев 1971], В. В. Иванова [Иванов 1998], В. Н. Топорова [Топоров 1991], Б. Н. Путилова [Путилов 1994], Ю. М. Лотмана [Лотман 2000].

В данной статье представляем анализ вышеизложенной эпической формулы, не становившейся еще предметом специального исследования, но заслуживающей пристального внимания. Лишь в незначительной мере она упомянута в научных материалах. Из наиболее ранних источников, где зафиксирована часть словосочетания, это второй том словаря Э. К. Пекарского, датированный 1895 г. Указанная часть формулы представлена в качестве одного из примеров к основному слову «сах» — *ус саха куолута* и выделена автором как «старинное выражение», переведенное как «повсеместный обычай» [Пекарский 1959, 2: 2135].

В 3-м томе словаря при переводе слова *ус* 'три', сопровождающегося несколькими примерами, находим *ус саха тыла оннук, ус дойду барыта билэр* 'все знают, все так думают', что дополнено редактированием В. М. Ионина как «слова трех якутов таковы, все три страны знают» [Пекарский 1959, 3: 3184].

В «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова (1893 г.) приводятся омонимы слов *ус* и *уч* (забытые, устаревшие), где в одной из версий значение *уч* интерпретируется как «кровное родство» [Иванов 1998: 90].

Исходя из этих данных, в научном обороте доминирует трактовка *ус саха, түүрт саха* 'три якута, четыре якута' как обозначение не реального количества, а общего понятия множественности. Так, в своих топонимических исследованиях М. С. Иванов выделяет, что *ус саха дэнэрбит адьас хааммытыгар баар суол быһыылаах* «видимо, самоназвание *ус саха* „три якута“ у нас

в крови» (перевод автора. — М. С.), далее отмечая *Ус Булуу — Булуу бүтүннүүтэ, ус саха — саха омугун бүтүннүүтэ* 'Три Вилюя — весь Вилюй, три якута — весь якутский народ' (перевод автора. — М. С.) [Иванов 1998: 88].

К такому выводу исследователь приходит на основании интерпретации словосочетания *ус курыканнар* 'три курыкана' как «союз трех племен». Версия о «союзе трех племен» опирается на одну из семи предпосылок происхождения названий отцовских родов — на количество племен, входящих в конфедерацию, впоследствии ставшую этнонимом, выдвинутым П. Будбергом [Boodberg 1936: 30]. Последний занимался вопросами этнонимообразования названий отцовских родов древних монголов [Зуев 1970: 75].

Е. С. Сидоров в статье «Из символики чисел» отмечает числительное три в трактовке «все», откуда *ус саха* 'три якута' интерпретирует как «все якуты» [Сидоров 2004: 38].

Аналогично суждение Л. Л. Габышевой, что использование слова *ус* 'три' в словосочетании *ус саха* означает «много», «все» [Габышева 1988: 37], такой же позиции придерживается и Е. И. Избекова, исследовавшая числительные *олонхо* в культурно-этнографическом контексте [Избекова 2014: 47].

Следует подчеркнуть, что в научной литературе обращение к эпитетному двучлену *ус саха* доминирует над *түүрт саха*. Частично эта проблема затронута в монографии Е. И. Избековой, где автор акцентирует свое внимание на органичном слиянии числительного «три» с существительным *сах*, на использовании данного словосочетания в смысле «весь народ» и «все человечество», указывая на фиксирование во многих текстах [Избекова 2014: 126]. Предпочтение в пользу числительного *ус* 'три' диагностично, и оно более подробно рассмотрено в предыдущей статье автора [Сатанар, Илларионов 2017].

В структуре и сюжетном построении *олонхо* подвергаемая анализу формула наблюдается в самом начале — традиционном описании стародавней картины мира, когда начинается разворачиваться зачин повествования с упорядоченной точки отсчета эпического первоначального времени: *Былыргы дьыл быдан мындаатыгар, урукку дьыл кулан уорбатыгар, түүрт саха төрүү илигинэ, ус саха үөскүү илигинэ...* [Тимофе-

ев-Теплоухов 2014: 8], т. е. 'Давным-давно, в те далекие времена, когда четыре якута и три якута еще не появились на свет...' (перевод автора. — М. С.), где, согласно В. Н. Топорову, в архаичном представлении предков наблюдается очень тесное и органичное соотношение пространства и времени [Топоров 2010:15].

Посредством своеобразного описания эпического времени далее развиваются эпические события, с помощью которых осмысливается и эпическое пространство, — начинает вырисовываться облик, родная земля, дом-усадыба богатыря. Также исследуемая эпическая формула обычно используется сказителями и в конце *олонхо*, в традиционном описании *уруу* — свадьбы богатыря, сопровождающейся *алгыс* — благословением для счастливой и богатой жизни молодых.

Приведем отрывок из того же *олонхо*: *Көмүс түөстээх күүрэгэйдэрбит! Төрүүр оҕоһутун уйалаан, иитэр сүөһүгүтүн күүрүөлээн, торбо дьирим түптэбитин күүдүтүн, тоҕус хараҕалаах тоҕой сэлэбитин тэнитин, туорах кулунгутун кэккэлэтин! Түөрт саханы төрөтүн, үс саханы үөскэтин!* [Тимофеев-Теплоухов 2014: 283], где высшая степень благопожелания-напутствия сосредотачивается во фразе «народите четырех якутов, произведите на свет трех якутов!» [Тимофеев-Теплоухов 2014: 541].

Исследователи отмечают, что архаический текст *олонхо* богат метафорическим содержанием, иносказательностью, в связи с чем актуализируется герменевтический момент его изучения. По проблеме понимания текста А. А. Потебня логично рассуждает, что фольклорный текст состоит из двух частей. Первую часть он называет подлежащим (то, что подлежит объяснению), что словами не высказывается. Вторая часть есть объясняющая первую, называемая текстом, т. е. данная прямо в материальной форме — «сказуемое» [Потебня 1930: 42–43].

В ракурсе текстов якутского *олонхо* Л. Л. Габышева справедливо отмечает устойчивость и консервативность текстов *олонхо*, наличие в них древних сведений эзотерического характера, под воздействием которых текст оценивается как важный источник в пользу исследований этногенеза. Эпическая формула предстает перед исследователем как «зашифрованное» сообщение, посланное из глубины веков [Габышева 2009: 81].

Прежде всего заметим, что исследуемой формуле присущи и поверхностный, и глубинный уровни осмысления. Лежащая на поверхности информация сразу отсылает нас к идее далекого мифического времени, когда срединная земля еще не была заселена *сах*. Внимания заслуживает глубинное осмысление формулы, точнее вопрос: какова информативная насыщенность семантической структуры исследуемой эпической формулы?

Выделим в формуле основные семантически нагруженные слова, это словосочетание *үс саха, түөрт саха* 'три якута, четыре якута' в виде сочетания числительных с существительным. Известно, что в текстах архаических эпосов эпическим числительным свойственна сакральная символика. В исследуемой формуле числовыми символами наделяется слово *сах*, потому уместно вначале обратить внимание именно на этот термин. Нас интересует семантическая структура компонента *сах*, а именно какую внутреннюю, «свернутую», информацию несет в себе это слово?

Вопрос будет проработан с желаемой нами полнотой и ясностью в том случае, если вначале определим, насколько устойчиво слово *сах* (в качестве фундамента предмета исследования) по отношению к меняющимся историческим условиям. В фундаментальном труде Г. В. Ксенофонта, где автором мобилизован обширный материал устной летописи народа (1937 г.) отмечено, что с горизонта исторического времени ученого, термин *сах* стабильно употреблялся в живой народной, обывательской речи, устойчиво доминируя в народном сознании [Ксенофонтов 1992, (а): 67].

Констатация данного факта наблюдается и в наши дни. Напомним, что сто лет тому назад в народе весьма активно функционировала историческая память. Содержалась она в самом языке, легендах, былинах, различных жанрах фольклора, где народная память сохранила глубокие пласты не только понятий и представлений предков, но и историческое самосознание. В ракурсе темы нашего исследования, не затрагивая спорную проблему происхождения якутов, подчеркнем, что при внимательном обзоре исторического материала о якутах с XVII в., начиная с записей И. Идеса, Ф. Страленберга, Г. Миллера, И. Фишера, скрупулезно собранных Г. В. Ксенофонтовым, через всю цепь фактических данных красной нитью

проходит мысль о стабильном и устойчивом присутствии термина *сах* [Ксенофонов 1992а: 24–66].

Еще в начале XX в. лингвист Н. Н. Поппе, специалист по сравнительному алтайскому языкознанию, высказал точку зрения, что язык якутский выделяется одиночным и изолированным положением в своем историческом развитии, что в свою очередь отсылает к гипотезе об очень древнем отделении якутов от турецких племен. При этом автор конкретизирует, что чрезвычайно архаическим является именно характерное своеобразие этого языка [Поппе 1926: 5].

О. Н. Бётлингк в своем классическом труде «О языке якутов» (1851 г.) выделяет якутский язык как древнейший среди тюркских [Бётлингк 1990: 415].

Весьма весомым является и заключение Г. В. Ксенофонтова, отличающееся критическим изучением исторических документов, относящихся к данной проблеме: древность якутского языка подтверждается выводами всех крупных лингвистов, кроме В. В. Радлова [Ксенофонов 1992а: 149]. На счет исключительной позиции последнего Г. В. Ксенофонов дает исчерпывающее объяснение, ссылаясь на видения академика с горизонта одной отрасли специального знания [Ксенофонов 1992а: 150].

Мы солидарны с тезисом Г. В. Ксенофонтова об «узком подходе» в доводах В. В. Радлова и дополним его тем, что в современной науке, когда систематизируется информация об этногенезе *сах* с помощью комплексных мультидисциплинарных методов, ряды ученых различных областей (генетики, климатологи, археологи, языковеды и т. д.) — сторонников наличия у *сах* древних реликтовых знаний, пополняются. И язык, хранящий в себе молчаливое знание об архаических элементах мировоззрения, сегодня становится благодатным полем исследований.

Не менее ценны для нас замечания В. Л. Серошевского, датируемые концом XIX в., где указывается прочность и стойкость «с» в термине *сах*, невозможность исчезновения «с» в говорах и выражениях, отсюда и невозможность трансформации в «х», на основе которых ученый советует крайне осторожно анализировать сближения типа *јаһа*, *аһа*, *һаһа*, *джяха* [Серошевский 1993: 196].

Таким образом, обобщим: в виду того, что, во-первых, основа языка отсоедини-

лась от тюркского ядра в древние времена и функционировала обособленно и самостоятельно; во-вторых, на основании действия закона экономии речеслуховых усилий (связанных с универсальными понятиями психолингвистических механизмов), где работает принцип «чем короче слово, тем оно менее подвержено эволюционному развитию»; в третьих, в силу констатации статического поведения исследуемого термина в употребляемой живой речи и, наконец, в четвертых, на базе устойчивого присутствия термина «сах» в структуре древних мифологических версий якутов — можно заключить, что термин «сах» носит реликтовый характер.

Необходимо подчеркнуть, что этнолог-сибиревед Г. В. Ксенофонов, выдающийся исследователь древней истории своего народа, анализирувавший на основе полного привлечения всех теорий происхождения самоназвания *сах* с высоты науки своего времени, все-таки был склонен выдвигать свою версию, базирующуюся на мифологических воззрениях. Им была выдвинута версия происхождения самоназвания *сах* от древнего мифологического названия божества *Сах*, олицетворяющего Солнце, а якуты, как известно, солнцепоклонники, — следовательно, *сах* логично понимается как люди *Сах'а* [Ксенофонов 1992б: 246]. Нам импонирует применение Г. Ф. Ксенофоновым метода эмпатии, необходимость использования которого регулярно упоминается в «Научных трудах» А. Е. Кулаковского [Кулаковский 1979: 7–8]. Ссылаясь на общепризнанность авторитета Г. В. Ксенофонтова, в предлагаемой работе мы придерживаемся тех же принципов.

Теперь к месту остановиться на некоторых моментах особенностей национального мышления. В первом источнике на якутском языке, написанном А. Я. Уваровским и вышедшем в свет в 1848 г., обращает на себя внимание следующая запись: *Сахалар киһини кытта кэпсэтээт сотору билэллэр бу кэпсэппит киһилэрин санаатын..., тыл маннайгы олобуттан кэпсэтиллиэх суолу тоһуйа таайаллар* [Уваровский 1992: 38] ‘Заговорив с человеком, якуты вскоре улавливают мысли собеседника ..., уже с первой основы слова они угадывают то, о чём пойдет речь’ (перевод автора. — М. С.).

Не менее содержательным представляется откровение А. Е. Кулаковского. Пре-

красный знаток языка был убежден, что гибкий, образный и меткий язык якутов совершенен по части описательности — при обрисовке в пределах собственно одного слова умещаются одновременно образы нескольких признаков предмета, а порой и выражение целого картинного ряда представлений. При этом поразительным и непонятным он находил именно мгновенное схватывание слушателями смысла сказанного слова [Кулаковский 1979: 386], указывая условие овладения таким явлением: «чтобы постичь смысл слов, нужно слуху привыкать к ним с детства» [Кулаковский 1979: 387].

В свете подобных рассуждений становится понятной актуальность методов эмпатии и интроспекции в исследованиях в целом. Приведем еще одно интересное высказывание из статьи «Якутская письменность» А. И. Софронова (Алампа), датированное 1922 г.: *Көнгүлү биэрдэххэ, аабааччы норуот, тыл иһиттэн тыл булан толкуйдаан табааран сэргэбилиир буоллабына, саха үөрэбэ ордук сайдыах-кэниэх тустаах* [Софронов 2005: 299] ‘Если дать волю и если народ, овладевший грамотой, с интересом истолковывал бы слова, выводя из одного слова другое, вот тогда-то якутское просвещение развивалось бы и расширялось’ (перевод автора. — М. С.).

В этих высказываниях представителей якутской интеллигенции нельзя не усмотреть общий контекст толкований, восходящий к идеям структуралистского подхода К. Леви-Стросса, с выраженной этнокультурной концепцией К. Г. Юнга.

Структурная модель может стать инструментом анализа, о котором писал Е. М. Мелетинский [Мелетинский 1976: 76]. Исследователи отмечают, что структуральный подход адекватно применим к понятиям, устойчивым во времени.

С учетом характерных национальных особенностей языка, самобытных ментальных операций со структурой слова, отчасти демонстрируемых в цитатах выше, дефиниция внутренних элементов структуры концепта *сах* отражает две ядерные семы, и семантический метаязык его — *санаалаах харамай* (букв. ‘живое существо с мыслью’) либо «мыслящее живое существо» (перевод автора. — М. С.).

Относительно первой составляющей структуры, образная ассоциация *санаалаах*

‘с мыслями’ идентична вариантам «с думами», «с помыслами». В словаре Э. К. Пекарского *санаалаах* означает ‘имеющий намерение, умысел’, ‘имеющий мысль, мнение, взгляд’, ‘думный, умный,мышсленный, рассудительный’, ‘думающий, задумчивый’ [Пекарский 1959, 2: 2071–2072].

В большом толковом словаре якутского языка развернутое толкование значения слова *санаа* дается в вариантах: *киһи өйүн үлэтэ, өйө* ‘мышление, мысль, дума, память, ум’, *киһи туох эмит туһунан өйдөбүлэ, өйүнэн быһаарыыта* ‘понятие, представление о чем-либо, размышление, мысль, убеждение, взгляды’, *киһи өйүнэн-дууһатынан туохха эмит бабата, ону тэнэ тугу эмэ онгорорго туох эмэ өйү булунуута* ‘стремление человека в мыслях к осуществлению чего-либо, желание, намерение’ [ТСЯЯ 2011: 214–215].

Что касается второй составляющей структуры, то Э. К. Пекарским интерпретировано, что *хамныыр харамай* означает ‘все движущееся’, *тыыннаах харамайбуолар* означает ‘жизнь’, *тыыннаах харамай гынааччы* — ‘животворящий’ [Пекарский 1959, 3: 3338], на основании этого полагаем, что слово *харамай* в архаическом виде означало ‘живность’. Такая трактовка отсутствует в современных толковых словарях якутского языка.

Мировоззренческая установка структуры концепта *сах* — *санаалаах харамай* ‘мыслящее живое существо’ объясняется тем, что мифологическое сознание отождествляло людей с животными, насекомыми, деревьями, т. е. со всей живностью. Показательны примеры с аналогичной логикой. В трудах фольклориста М. И. Шахновича (научный интерес — мифологическое мышление) находим, что для предков северо-американских индейцев природные объекты (растительный мир, Солнце, Луна и т. д.) отождествлялись с людьми, также бытовало представление, что и в животном, и в растительном мире объекты могли разговаривать между собой [Шахнович 1971: 88].

Или: некоторые племена Африки буквально становились в тупик, не понимая разницы между человеком и буйволом, будучи убежденными в умении буйволов стрелять из лука точно так же, как человек [Шахнович 1971: 32]. Таково было синкретическое древнее сознание. Подтверждением данной установки служит дальнейшее

пронизывание идеей первостепенности осознания процесса мышления через весь структурный строй *олонхо*.

При разборе отношений, входящих в концепт *сах* — *санаалаах харамай* элементов, качественно информативным семантическим потенциалом обладает прилагательное *санаалаах* ‘мыслящее’. Лишь человек, в отличие от растительного, насекомого, животного мира, является разумным существом, наделенным мышлением, волей, характером. И, как писал А. Н. Чанышев, действительно, особенность мифологического мышления прежде всего заключается в проявлении метода аналогии, подобия [Чанышев 1970: 47], посредством которого картина мира изображается через образные системы, ассоциирующиеся с понятиями животного и растительного мира, а далее постепенно выводится главное отличие человеческого существа — умение мыслить.

В. Н. Топорову принадлежит мысль, что умение находить сходства и подобия предметов, явлений, признаков и т. п. за пределами общества людей посредством сравнения с приматами, видами животных или насекомых — древнее самого языка. И самое главное — это обстоятельство не только предыдущее, но и исконно предсказывает многие важные черты языка [Топоров 2010: 22].

Эти мифологические понятия, как отблески отражений самовыражений древних людей, расценивались еще Аристотелем как первые шаги к философствованию, связанных с обыкновением манеры выражения своего удивления, Р. Декартом как обусловленные сомнением ростки философских рассуждений [Шахнович 1971: 11], Э. Тэйлором — как широкая философия природы разумного человеческого сообщества, находящегося на низком уровне культуры [Тэйлор 1939: 265–266].

Таким образом, все вышеизложенное позволяет констатировать, что внутреннее развернутое значение слова *сах* выглядит как *санаалаах харамай* ‘мыслящее живое существо’, по-другому — человек.

Далее, косвенным доказательством такой интерпретации служат и записи исследователей Э. К. Пекарского: «сах — в старину: человек» [Пекарский 1959, 3: 2134], и В. Ф. Троцанского: «в старину слово *сах* употреблялось только в смысле человека» [Троцанский 1902: 12].

С позиций констатации семантики концепта *сах* в виде *санаалаах харамай* нель-

зя не отметить соответствие корня *хара* из слова *харамай* древней охотничьей якутской лексике в виде слова-оберега *хара* (букв. ‘черный’), употребляемого вместо слова *человек* [Кулаковский 1946: 96]. Отраднo, что и сегодня, в народе широко бытует выражение *киһи-хара буол* (‘букв. стань человеком-черным’), означающее ‘стань настоящим человеком’, *киһи-хара гын* (‘букв. помоги стать человеком-черным’), ‘помоги стать истинным человеком’.

Семантическая особенность слова *хара* с широким привлечением фольклорных текстов, обнаруживаемого как в древних, так и современных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках, основательно исследована Л. Л. Габышевой [Габышева 2003: 90–103].

В Верхоянском сборнике И. А. Худякова (1890 г.) замечено, что в сказках слова *сах* и *киһи* ‘человек’ тождественны [Худяков 1890: 135].

Отрывок из *олонхо киһилии кэпсээтэ, сахалыысанарда* (‘букв. по-человечески сказывать стал, по-сах вещать начал’ (перевод автора. — М. С.)) является постоянным эпитетом, встречающимся во всех текстах. Приведем пример: *Билиги чыычаах айаба кытар гына түһэр, тыла чорох гына түһэр — киһилии кэпсиир, сахалыы санарар* [Тимофеев-Теплоухов 2014: 19] ‘У птички вдруг клювик заалел, высунулся язык, человеческим голосом она молвит, по-якутски говорит’ [Тимофеев-Теплоухов 2014: 296].

В связи с последней фразой «по-якутски говорит», отражающей язык этноса, необходимо подчеркнуть качественное отличие *сах* в значении *этнос* и *сах* в значении *человек*. И здесь мы вплотную подходим к весьма спорным вопросам происхождения самоназвания *сах*, а отсюда — и этногенеза народа *сах*. При этом мы солидарны с высказыванием А. Я. Якубовского о том, что хотя история имени народа взаимно связана с историей его образования, нельзя ставить в параллель такие понятия, как этническая история народа и история этнонима [Якубовский 1941: 18–19].

Следует заметить, что на сегодня в научном обороте существует множество подходов в интерпретации происхождения самоназвания *сах*. Начиная с XVIII в., с первых европейских исследователей были сделаны попытки объяснения этимологии этнонима *сах*. Цель нашего исследования не включа-

ет анализ всех вариантов этногенетического аспекта самоназвания *сах*, мы лишь обобщим: из данных исторических источников разных эпох о существовавших названиях племен, родов, народов — японские племена *сахэги*, китайский род *сайхачжэ*, племена Амура *сахарча*, *сахалынь*, маньчжурские роды *сахалынь-аймань*, *сахалча*, древние *саки*, индийский народ *сахария*, узбекский род *саханкул*, афганский род *шакайды*, казахский *шага*, киргизский *сака*, алтайский *сагат*, хакасский *сагай*, теленгито-чуйский *сакал*, туркменские племена *сакавы*, *сакар*, *сака*, тибетские *соки*, уйгурский род *сохалир*, венгерские *секелер*, племя *сагайцев*, качинский род *соххы*, *сахалары*, кумандинский род *соки*, тюркское племя *сакитов*, керейское племя *сахэст*, калмыцкий род *соха-сохад* — все эти этнические самоназвания, где прослеживается наличие близких вариантов корней *сах/сайх/сак/шак/саг/сок/сох*, возможно, являются производными от глубинной основы слова *сах* в значении человек. Заметим, что многочисленные схождения с корнем *сах* отмечаются и в топонимике.

С этих позиций крайне любопытно суждение исследователя А. М. Малолетко, на основе обобщения археологических, палеоантропологических, топонимических, лингвистических, этногенетических, палеогеографических материалов выдвигающего версию участия некоего таинственного народа *сах* (*харасаһыл*), без сомнений — примеси дотюркских племен, в образовании нынешнего якутского народа [Малолетко 2012: 68].

В унисон предположение «Ураангхай-сахалар» Г. В. Ксенофонтова в вероятности следующей исторической гипотезы — своеобразный язык и духовная культура якутского народа, возможно, свидетельствуют о народе как об остатке какого-то большого древнетюркского мира, распавшегося в глубокой древности и оставшегося незарегистрированным писаной историей [Ксенофонов 1992: 148].

Заслуживает глубинной исследовательской поддержки версия востоковеда второй половины XIX в. Н. А. Аристова, оставшаяся в свое время без должного внимания. Ученый замечает, что тюрки, численностью примерно в двадцать шесть миллионов человек, заселяющие огромное пространство с берегов Охотского моря и Ледовитого океана до берегов Адриатического моря, — все говорят на одном языке, разница лишь

в диалектах, делящихся на наречия, в силу которого якут или тюрк-осман без усилий в состоянии понимать среднеазиатского турка [Аристов 1896: 330]. Он выдвинул гипотезу о некогда существовавшей, еще в период развития неолита, общности *сака*, занимавшей территорию Тянь-Шаня [Аристов 1896: 329–335].

Версии о возможном сохранении этого этнонима в названиях многих тюркских народов были высказаны рядом ученых: [Strahlenberg 1730; Ксенофонов 1992; Еремеев 1980; Гоголев 1993; и др.].

Особняком стоят древние предания, записанные С. Боло в 1934 г. от уроженца Усть-Алданского улуса А. А. Пестрякова: *Омобой Баай, Элэй Боотур кэлиэхтэрин иннигэр Өлүнэбэ «сах» диэн ааттаах, синньигэс төбөлөөх, буллу батыһан: кыыл-лаан, үөннээн (араас куһаҕан үөнү) аһаан олорооччу элбэх аймах дьон баалара үһү* [Боло 1994: 22] ‘На Лене, задолго до того, как прибыли Омогой бай и Элэй Боотур, проживал аборигенный, многочисленный по составу народ саха, с отличительной чертой облика — с вытянутой длинной формой головы, питались они животными и видами разных насекомых’ (перевод автора. — М. С.); от уроженца Чурапчинского района П. С. Слепцова: *Омобой Баай иннигэр дөксө сахалар диэн хантан төрүттээхтэрэ биллибэт аймах олоотто үһү диэн эмиз баар...* [Боло 1994: 34], *балар былааһа кэриэтэ олорон баран, суох буолтар* [Боло 1994: 264] ‘До прихода Омогой Бая жили племена сахалар, не известные откуда родом, в дальнейшем живя вместе, они ассимилировались среди предков якутов’ (перевод автора. — М. С.).

В ракурсе исследований наших современников интересны выводы востоковеда А. А. Николаева, основывающиеся на новейших данных ряда гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. По его мнению, на сегодня доказательств со следами предков нынешних *сах* предостаточно, они имеются в различных частях Северного Китая, Средней Азии, Ближнего Востока, Индии, Америки, России, Европы, на основе этого заключает, что эта древняя общность стояла у истоков ведущих исторических цивилизаций, таких как Евразия и Америка [Николаев 2015: 104].

На наш взгляд, исходящий из этих данных тезис о наличии некоего *сах* в далекое

дотюркское время дает основание полагать, что, возможно, в происхождении многих этнонимов центральным связующим звеном выступает общий реликтовый ствол, культурно-исторический контекст которого высвечивается компактно заархивированным в семантической структуре концепта *саха* в значении *санаалаах харамай*, т. е. человек. Мы полагаем, что эта структура выступает родословной этнонима народа саха. Этноса, в силу известных причин сохранившего в языке, элементах своей материальной и духовной культуры рассыпанные крупницы архаичных представлений той седой древности.

Возвращаясь к теме нашего исследования, вспомним (как уже упоминалось выше): в исследуемой эпической формуле в словосочетании *үс саха, түүрт саха* 'три якута, четыре якута' видное место занимают эпические числительные *үс* 'три' и *түүрт* 'четыре', наделенные сакральной символикой.

Внутреннюю, качественную суть натурального ряда чисел мудрецы древности представляли в виде определенных ступеней постепенного развертывания состояния мира. По замечаниям Е. П. Блаватской, мир имеет символический язык с числовыми ключами, числа в каждом архаическом тексте используются для выражения мысли, в частности, числа 3 и 4 отражают всемирные символы мужского и женского начала в качестве первого аспекта раскрывающегося Божества [Блаватская 2017: 396–400].

В таком аспекте пифагорейская теория чисел наиболее развернуто описана в статье автора [Сатанар, Илларионов 2018: 475].

Обобщенный обзор популярности соотношения семантики чисел с характерными особенностями организации мира приводится в статье Г. С. Вртанесян [Вртанесян 2018: 20–41].

Среди якутских исследователей у Л. Л. Габышевой находим, что вообще якутским материалам фольклора присуща трактовка оппозиции три–четыре в качестве указания на мужское и женское начала [Габышева 1988: 82].

Пифагорейцы данную бинарную оппозицию в виде чета-нечета относили к началам всего сущего. Само свойство или операция деления, что любое нечетное число никогда не делится на две равные части ($3=2+1$), а любое четное число всегда делится на две четные ($4=2+2$) либо нечетные

части ($4=3+1$), предопределило соотношение нечетных чисел к определенному мужскому началу, четных чисел — к неопределенному женскому началу, причем величина постоянная (мужская) всегда имела приоритет перед величиной меняющейся (женской). Вопрос соотношения чисел 3 и 4 Е. П. Блаватская рассматривала как соотношение Духа и Материи, где духовная мужская линия всегда вертикальна, а материальная женская линия всегда горизонтальна [Блаватская 2010: 67]. Отсюда и понятно, когда речь идет о главных параметрах макрокосма, почему через призму мировосприятия предков в количественно-пространственных представлениях вертикальное членение реализуется через число 3, а горизонтальное — через число 4, в виде системы бинарных оппозиций, описывающих мир. Примечательно при этом то, что вертикальное описание пространства сопровождается образом почтенного старца *Урун Аар Тойон*, горизонтальное же — образом властительницы и покровительницы Средней Земли *Аан Алахчын Хотун* [Потапов 1972: 50].

Аналогично суждение о небе как о выражении мужского начала, о земле — как об олицетворении женского начала в мифах и других народностях [ЭМНМ 1980: 466], перекликающееся с якутской версией антропоморфной маркировки неба в образе лошади (небо) и земли в виде коровы (земля), отражающей дуалистическое деление на высшее начало и низшее начало [Потапов 1972: 116].

Числа 3 и 4 указывают на соотношение трехчленной вертикальной и четырехчленной горизонтальной структур, и их соединение есть устойчивость и стабильность мира, с одной стороны, динамичность и эволюцию мира — с другой.

Основательно суждение о связи чисел с мужским и женским началом в фольклорных текстах Л. Л. Габышевой, где автор привлекает множество примеров различных вариантов обыгрываний этой связи (в шаманских мистериях, ритуальных действиях, постоянных формульных эпитетах *олонхо*) [Габышева 1988: 34–57].

Таким образом, обобщим изложенное. Природа устного народного творчества своеобразна, и информационно-семантический подход значительно расширяет границы понимания глубинных основ языка. В условиях синкретического мирозерцания язык, являясь инструментом

ментального упорядочения человеческого опыта, выступает как универсальный код. Потому и слово в мифологическом тексте, и эпическая формула предстают в качестве богатого источника для воссоздания доисторических форм культуры. Исследуемая в данной работе эпическая формула является устойчивым и универсальным элементом мифологической канвы не только олонхо, но и различных форм фольклора. Устная память формулы хранит и транслирует «архивированное» важное сведение о природе человеческой натуры. Итак, эпическая формула со «свернутой» информацией *үс саха үөскүү илигинэ, түүрт саха төрүү илигинэ* 'когда три якута еще не явились на свет, четыре якута еще не родились' в развернутом виде репрезентируется с качественно другой стороны, как то далекое мифологическое время, «когда человек-мужчина и человек-женщина еще не родились», аналогичной интерпретации

«когда человечество еще не родилось», где скрытый в слове *саха* потенциальный смысл, восходящий к особенностям мифологического пра-логического (в терминах Л. Леви-Брюля) сознания, означает «мыслящее живое существо», по-другому — «человек». Такое позиционирование выразительного содержания метаязыка формулы отсылает к идее переоценки мифологических представлений, бытующих в недрах олонхо, а отсюда и возможного определения его возраста. Ведущие фольклористы признают эпос присущим всем народам, а сказительство — феноменом всего человечества. В олонхо, в отличие от других эпосов, народ *саха* в силу известных причин сумел сохранить реликтовые знания, транслируемые с древних эпох. С тех времен, когда именем *саха* был наделен не один этнос, а все человечество. И этот тезис может служить отправной точкой в исследованиях различных направлений.

Литература

- Аристов 1896 — Аристов Н. А. Заметки по этническому составу тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 329–335.
- Бётлингк 1990 — Бётлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Блаватская 2010 — Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Том I. Часть 1. Станца III. М.: Эксмо, 2010. 880 с.
- Блаватская 2017 — Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Том I. Часть 2. Отдел II. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 880 с.
- Богатырев 1971 — Богатырев П. Г. Вопросы теории искусства. М.: Искусство, 1971. 511 с.
- Бравина 2005 — Бравина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса. Новосибирск: Наука, 2005. 305 с.
- Боло 1994 — Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 352 с.
- Вртанесян 2018 — Вртанесян Г. С. Календарно-числовые особенности эпических текстов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Серия «Эпосоведение». 2018. № 3 (11). С. 20–41.
- Габышева 1988 — Габышева Л. Л. Функции числительных в мифопоэтических текстах // Язык — миф — культура народов Сибири: Межвузовский сб. Вып. 1. Якутск: изд-во ЯГУ, 1988. С. 34–57.
- Габышева 2003 — Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2003. 493 с.
- Габышева 2009 — Габышева Л. Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Гоголев 1993 — Гоголев А. И. Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
- Гоголев 2002 — Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: изд-во ЯГУ, 2002. 104 с.
- Еремеев 1980 — Еремеев Д. Ю. «Тюрк» — этноним иранского происхождения? К проблеме этногенеза древних тюрков // Советская этнография. 1980. № 3. С. 129–135.
- Зуев 1970 — Зуев Ю. А. Киргизы-буруты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования) // Советская этнография. 1970. № 4. С. 72–86.
- Иванов 1998 — Иванов М. С. Три... Семь... Девять... Якутск: Бичик, 1998. 192 с.
- Иванов 1978 — Иванов В. В. Чет и нечет: ассиметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. Радио, 1978. 184 с.
- Иванов 1998 — Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Знаковые системы. Кино. Поэтика. Том 1. М.: Языки русской культуры, 1998. 912 с.
- Избекова 2014 — Избекова Е. И. Числительные в олонхо: структура и семантика. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. 152 с.

- Колодезников 1991 — *Колодезников С. К.* Категории традиционной культуры якутов: пространство, время, движение // *Духовная культура жизни этноса: сб. научных статей.* Якутск, 1991. С. 5–27.
- Кулаковский 1946 — *Кулаковский А. Е.* Статьи и материалы по якутскому языку / сост. Н. С. Григорьев. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1946. 152 с.
- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды. Якутск: Книжн. изд-во, 1979. 484 с.
- Ксенофонтов 1992а — *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай — сахалар. Очерки по древней истории якутов. Том 1. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 416 с.
- Ксенофонтов 1992б — *Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм: избранные труды. Якутск: Север-юг, 1992. 320 с.
- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- Малолетко 2012 — *Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 6. Томск: Томский ун-т, 2012. 336 с.
- Мелетинский 1976 — *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). М.: Наука, 1976. 407 с.
- Николаев 2015 — *Николаев А. А.* Тайная история саха. Якутск: Бичик, 2015. 112 с.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Том II–III. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.
- Попова 1998 — *Попова А. С.* Логико-гносеологический анализ космологического содержания олонхо: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Якутск, 1996. 14 с.
- Поппе 1926 — *Поппе Н. Н.* Учебная грамматика якутского языка. М.: Центриздат, 1926. 120 с.
- Потапов 1972 — *Потапов И. А.* Якутская народная резьба по дереву. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1972. 143 с.
- Потебня 1930 — *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности: Басня, пословица, поговорка. Харьков: Гос. изд. Украины, 1930. 130 с.
- Потебня 1976 — *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
- Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Вариативность в фольклоре как творческий процесс // *Историко-этнографические исследования по фольклору: сб. памяти С. А. Токарева.* М.: Вост. лит., 1994. С. 180–197.
- Сатанар, Илларионов 2017 — *Сатанар М. Т., Илларионов В. В.* Сакральная символика эпического числительного *түөрт* “четыре” // *Мир науки, культуры, образования.* 2017. № 2 (63). С. 334–337.
- Сатанар, Илларионов 2018 — *Сатанар М. Т., Илларионов В. В.* Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) // *Российский гуманитарный журнал.* 2018. Т. 7. № 6. С. 471–481.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Сидоров 2004 — *Сидоров Е. С.* Очерки по олонхо. Монография. Якутск: Изд-во Якутск. ун-та, 2004. 132 с.
- Слепцов 1990 — *Слепцов П. А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, 1990. 277 с.
- Софронов 2005 — *Софронов А. И. (Алампа).* Стихи, поэмы, рассказы, очерк, статьи / составитель В. Г. Семенова. Якутск: Бичик, 2005. 448 с.
- Тимофеев-Теплоухов 2014 — *Тимофеев-Теплоухов И. Г.* Строптивный Кулун Куллуустуур. Олонхо. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2014. 607 с.
- Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* О числовых моделях в архаических текстах // *Структура текста.* М.: Наука, 1980. С. 3–58.
- Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* Древнегреческие *sem-* и др. (Знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) // *Балканские древности. Балканские чтения - 1: мат-лы по итогам симпозиума (март 1990 г.).* М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 3–19.
- Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
- Троцанский 1902 — *Троцанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-лит. Императорск. Университета, 1902. 204 с.
- ТСЯЯ 2011 — Большой толковый словарь якутского языка. В 15 томах. Том VIII / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с. (Буква С).
- Тэйлор 1939 — *Тэйлор Э.* Первобытная культура: исследования развития мифологии, философии, религии, языка, искусства и обычаев. М.: Соцэкгиз, 1939. 568 с.
- Уваровский 1992 — *Уваровской А. Я.* Ахтыылар. Дьокуускай: Кинигэ изд-вота, 1992. 56 с.
- Худяков 1890 — *Худяков И. А.* Верхоянский сборник. Иркутск: изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890.

- Чанышев 1970 — Чанышев А. Н. Эгейская пред- философия. М.: Изд-во Московского уни- верситета, 1970. 240 с.
- Цивьян 1975 — Цивьян Т. В. К семантике про- странственных элементов волшебной сказки (на материале албанской сказки) // Типоло- гические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 191–213.
- Шахнович 1971 — Шахнович М. И. Первобыт- ная мифология и философия. Предыстория философии. Л.: Наука, 1971. 240 с.
- ЭМНМ 1980 — Мифы народов мира. Энцикло- педия в 2-х томах. Т. 1. М.: Советская энци- клопедия, 1980. 654 с.
- Якубовский 1941 — Якубовский А. Я. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: УлФАН, 1941. 19 с.
- Boodberg 1936 — Boodberg P. Two notes on the history of the Chinese frontier. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1936. Vol. 1. No. 3–4. Pp. 29–34. (In Eng.)
- Strahlenberg 1730 — Strahlenberg Ph. Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 476p. An Internet resource: https://books.google.ru/books?id=EPMOA AAAQAAJ&printsec=titlepage&source=gbs_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 25 December 2018). (In Germ.)
- Bravina R. I. *Kontsepsiya zhizni i smerti v kul'ture ehtnosa* [The concept of life and death in ethnic culture]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 305 p. (In Rus.)
- Chanyshv A. N. *Egeyskaya predfilosofiya*. [The Aegean pre-philosophy]. Moscow: Moscow State Univ., 1970. 240 p. (In Rus.)
- Eremeev D. Yu. 'Turk' — an ethnonym of Iranian origin? The ethnogenesis of ancient Turks revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1980. No. 3. Pp. 129–135. (In Rus.)
- Gabysheva L. L. *Fol'klorny tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk: Nauka, 2009. 143 p. (In Rus.)
- Gabysheva L. L. Functions of numerals in mythopoetic texts. *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri*. Coll. papers. Is. 1. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 1988. Pp. 34–57. (In Rus.)
- Gabysheva L. L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira (na materiale yazyka i kul'tury yakutov)* [The word in the context of a mythopoetic picture of the world (a case study of the Yakut language and culture)]. A ScD thesis abs. Yakutsk, 2003. 493 p. (In Rus.)
- Gogolev A. I. *Yakuty: (problemy ehtnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts: problems of ethnogenesis and culture formation]. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 1993. 200 p. (In Rus.)
- Gogolev A. I. *Istoki mifologii i traditsionnyy kalendar' yakutov* [The Yakuts: origins of mythology and the traditional calendar]. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 2002. 104 p. (In Rus.)
- Zuev Yu. A. The Kirghiz-Buruts: totemism and principles of ethnonym formation revisited. *Sovetskaya etnografiya*. 1970. No. 4. Pp. 72–86. (In Rus.)
- Ivanov M. S. *Tri... Sem'... Devyat'...* [Three ... Seven ... Nine ...]. Yakutsk: Bichik, 1998. 192 p. (In Yakut)
- Ivanov V. V. *Chet i nechet: assymetriya mozga i znakovyyh system* [The odd-even: asymmetry of the brain and sign systems]. Moscow: Sov. Radio, 1978. 184 p. (In Rus.)
- Ivanov V. V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Znakovye sistemy. Kino. Poehtika* [Selected works on semiotics and cultural history: sign systems, cinema, poetics]. Vol. 1. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 1998. 912 p. (In Rus.)
- Izbekova E. I. *Chislitel'nye v olonkho: struktura i semantika* [Numerals in the *Olonkho*: structure and semantics]. Yakutsk: North-East. Feder. Univ., 2014. 152 p. (In Rus.)

References

- Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and ethnic groups. *Zhivaya starina*. 1896. Is. III–IV. Pp. 329–335. (In Rus.)
- Blavatskaya E. P. *Taynaya doktrina* [The Secret Doctrine] Vol. I. Part I. Stance III. Moscow: Eksmo, 2010. 880 p. (In Rus.)
- Blavatskaya E. P. *Taynaya doktrina* [The Secret Doctrine] Vol. I. Part 2. Stance II. Moscow: Eksmo-Press, 2017. 880 p. (In Rus.)
- Bogatyrev P. G. *Voprosy teorii iskusstva* [Art theory issues]. Moscow: Iskusstvo, 1971. 511 p. (In Rus.)
- Böhtlingk O. N. *O yazyke yakutov* [Revisiting the language of the Yakuts]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 p. (In Rus.)
- Bolo S. I. *Proshloe yakutov do prihoda russkikh na Lenu: po predaniyam yakutov byivshego Yakutskogo okruga* [The Yakuts before the arrival of the Russians to the Lena: legends of the Yakuts of the former Yakut District]. Yakutsk: Bichik, 1994. 352 p. (In Yakut)
- Boodberg 1936 — Boodberg P. Two notes on the history of the Chinese frontier. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1936. Vol. 1. No. 3–4. Pp. 29–34. (In Eng.)

- Kolodeznikov S. K. Categories of the traditional Yakut culture: space, time, movement. *Duhovnaya kul'tura zhizni etnosa*. Coll. papers. Yakutsk, 1991. Pp. 5–27. (In Rus.)
- Kulakovskiy A. E. *Stat'i i materialy po yakutskomu yazyku* [Articles and materials on the Yakut language]. N. S. Grigoriev (comp.). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1946. 152 p. (In Rus.)
- Kulakovskiy A. E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1979. 484 p. (In Rus.)
- Ksenofontov G. V. *Uraanghay — sahalara. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraangkhai — Sakhalara: essays on the ancient history of the Yakuts]. Vol. 1. Yakutsk: Nat. Publ. House of Sakha (Yakutiya) Republic, 1992. 416 p. (In Rus.)
- Ksenofontov G. V. *Shamanizm: izbrannyye trudy* [Shamanism: selected works]. Yakutsk: Sever-Yug, 1992. 320 p. (In Rus.)
- Lotman Yu. M. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo, 2000. 704 p. (In Rus.)
- Maloletko A. M. *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannym toponimiki* [The ancient peoples of Siberia: toponymy-prompted ethnic structures]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State Univ., 2012. 336 p. (In Rus.)
- Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of the myth]. Ser. 'Investigating Oriental Folklore and Mythology'. Moscow: Nauka, 1976. 407 p. (In Rus.)
- Mify narodov mira* [Myths of the world]. Encyclopedia in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1980. 654 p. (In Rus.)
- Nikolaev A. A. *Taynaya istoriya saha* [The Secret History of the Sakha]. Yakutsk: Bichik, 2015. 112 p. (In Rus.)
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [A dictionary of the Yakut language]. Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1959. Vol. 2, 2010 cols.; vol. 3, 3858 cols. (In Yakut and Rus.)
- Popova A. S. *Logiko-gnoseologicheskiy analiz kosmologicheskogo soderzhaniya olonkho* [The Olonkho: a logical and gnoseological analysis of the cosmological content]. A PhD thesis abs. Yakutsk, 1996. 14 p. (In Rus.)
- Poppe N. N. *Uchebnaya grammatika yakutskogo yazyka* [Practice grammar of the Yakut language]. Moscow: Tsentrizdat, 1926. 120 p. (In Rus.)
- Potapov I. A. *Yakutskaya narodnaya rez'ba po derevu* [Yakut folk wood carving]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1972. 143 p. (In Rus.)
- Potebnya A. A. *Iz lektsiy po teorii slovesnosti: Basnya, poslovitsa, pogovorka* [Excerpts from lectures on the theory of literature: fable, proverb, adage]. Kharkov: State Publ. House of Ukraine, 1930. 130 p. (In Rus.)
- Potebnya A. A. *Estetika i poetika*. [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 613 p. (In Rus.)
- Putilov B. N. Variability in folklore as a creative process. *Istoriko-ethnograficheskie issledovaniya po fol'kloru: sb. pamyati S. A. Tokareva*. Moscow: Vost. Lit., 1994. Pp. 180–197. (In Rus.)
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Sacred symbols of an epic numeral 'four'. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2017. № 2 (63). Pp. 334–337. (In Rus.)
- Satanar M. T., Illarionov V. V. Sakha world model: semantics considered in terms of geometry of forms (based on Yakut folklore material). *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 2018. Vol. 7. No. 6. Pp. 471–481. (In Rus.)
- Seroshevskiy V. L. Yakuty. *Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: an effort of ethnographic research]. Moscow: ROSSPEN, 1993. 736 p. (In Rus.)
- Sidorov E. S. *Ocherki po olonkho. Monografiya* [Essays on the Olonkho]. Monograph. Yakutsk: Yakutsk State Univ., 2004. 132 p. (In Rus.)
- Sleptsov P. A. *Yakutskiy literaturnyy yazyk: formirovaniye i razvitiye obshchenatsional'nykh norm* [The Yakut literary language: formation and development of common national norms]. Novosibirsk, 1990. 277 p. (In Rus.)
- Sofronov A. I. (Alampa). *Stihi, poehmy, rasskazy, ocherk, stat'i* [Poems, short stories, essay, articles]. V. G. Semenova (comp.). Yakutsk: Bichik, 2005. 448 p. (In Yakut)
- Timofeev-Teploukhov I. G. *Stroptivyy Kulun Kullustuur. Olonho* [The Obstinate Kulun Kullustuur. Olonkho]. Yakutsk: North-East. Feder. Univ., 2014. 607 p. (In Rus.)
- Toporov V. N. Revisiting numerical models in archaic texts. *Struktura teksta*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 3–58. (In Rus.)
- Toporov V. N. The Old Greek *sem-*, etc. (sign space, sign, motivation of sign designation; related notes). *Balkanskoe drevnost. Balkanskoe chteniya - I*. Symp. reports. Moscow: Inst. for Slavic and Balkan Studies (USSR Acad. of Sc.), 1991. Pp. 3–19. (In Rus.)
- Toporov V. N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [The World Tree: universal sign complexes]. Vol. 2. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevney Rusi, 2010. 496 p. (In Rus.)

- Troshchansky V. F. *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts]. Kazan: Kazan Imperial Univ., 1902. 204 p. (In Rus.)
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [An explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (ed.). In 15 vols. Vol. VIII. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (Letter 'C').
- Taylor E. *Pervobytnaya kul'tura: issledovaniya razvitiya mifologii, filosofii, religii, yazyka, iskusstva i obychaev* [Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom]. Moscow: Sotsekgiz, 1939. 568 p. (In Rus.)
- Uvarovsky A. Ya. *Ahtylar* [Memories]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1992. 56 p. (In Yakut)
- Khudyakov I. A. *Verhoyanskiy sbornik* [The Verkhoyansk collection]. Irkutsk: I. M. Sibiryakov, 1890. (In Rus.)
- Tsivyan T. V. The magic fairy tale: semantics of spatial elements revisited (a case study of the Albanian fairy tale). *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Coll. papers. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 191–213. (In Rus.)
- Shahnovich M. I. *Pervobytnaya mifologiya i filosofiya. Predystoriya filosofii*. [Primitive mythology and philosophy: prehistory of philosophy]. Leningrad: Nauka, 1971. 240 p. (In Rus.)
- Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph.* Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 476p. An Internet resource: https://books.google.ru/books?id=EPMOA AAAQAAJ&printsec=titlepage&source=gs_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed: 25 December 2018). (In Germ.)
- Vrtanesyan G. S. Calendar-numerical characteristics of epic texts. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*. Ser. 'Epic Studies'. 2018. No. 3 (11). Pp. 20–41. (In Rus.)
- Yakubovskiy A. Ya. *K voprosu ob ehtnogeneze uzbekskogo naroda* [Ethnogenesis of the Uzbek people revisited]. Tashkent: UIFAN, 1941. 19 p. (In Rus.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 149–156, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 82

Миф и история в «Тэнгрианских песнях» Баира Дугарова

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, г. Улан-Удэ 670047, Российская Федерация)
 главный научный сотрудник, отдел литературоведения и фольклористики
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Аннотация. *Введение.* В данной статье впервые предлагается анализ изданной в 2017 г. книги «Тэнгрианские песни» русскоязычного бурятского поэта Баира Дугарова, ставшей знаковой в литературе монгольских народов. Актуальным представляется выявление особенностей поэтики и организации стиха национальных поэтов, пишущих на русском языке. *Целью* работы является выявление мифологических традиций и исторических реалий в книге Б. Дугарова «Тэнгрианские песни», а также установление роли жанра, композиции и ритмической организации стиха в семантике поэтического дискурса. *Методы.* В работе использованы семантико-герменевтический и стиховедческий анализ поэтического дискурса. *Результаты.* Баир Дугаров, пишущий на русском языке и живущий в евразийском культурном пространстве, гармонично сочетает Восток и Запад в своем творчестве. Им созданы произведения, имеющие как глубокие национальные корни, так и реминисценции, аллюзии, связанные со всей мировой литературой, мифологией и историей. Семиотически осложненный текст в книге «Тэнгрианские песни» отражает новый этап в творчестве поэта, сопряженный с художественным осмыслением истории, духовного наследия монгольского мира и поисками лирического самовыражения автора. *Выводы.* В мифологическом аспекте образ Неба олицетворяет отцовское начало, как единый бог является вершителем судьбы не только человека, но и всего сущего во вселенной. Поэт создает свою поэтическую интерпретацию истории Великой степи, определяя в ней наиболее значимые акценты через конкретные портреты, топонимы и события. В построении текстов особый смысл имеет форма стихосложения, восходящая к тюрко-монгольским стиховедческим традициям. Необходимо констатировать уникальность в использовании фигурных способов расположения текстов, которые, подчеркивая многообразие творческого потенциала автора, становятся частью метатекстовой структуры всего произведения.

Ключевые слова: небо, песнопения, монгольское стихосложение, жанр, бурятская поэзия, семантика, рифма

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.192.1.4. «Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика»). Номер госрегистрации: АААА-А17-117021310268-2)

Для цитирования: Дампилова Л. С. Миф и история в «Тэнгрианских песнях» Баира Дугарова. Oriental Studies. 2019;(1):149-156. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156

***The Tengri Songs* by Bair Dugarov: Myth and History**

Lyudmila S. Dampilova¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 677047, Russian Federation)

Doct. of Philological Sc., Chief Research Associate

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

Abstract. *Introduction.* The paper provides a first analysis of *The Tengri Songs* (2017) by the Russian-language Buryat poet Bair Dugarov which has proven quite a milestone in literature of Mongolic peoples. It seems essential to identify certain poetic and versification features inherent to works of national poets. *Goals.* The work aims to reveal mythological traditions and historical realities in B. Dugarov's *Tengri Songs*, and to examine the role of genre, composition and rhythmic organization of verses in semantics of poetic discourse. *Methods.* The paper applies semantic-hermeneutical and versification analyses of the poetic discourse. *Results.* Bair Dugarov who writes in Russian and lives in the Eurasian cultural space harmoniously combines the East and the West in his works. His poems reflect the reality both in terms of national specificity, and in that of global cultural space and multiethnic society. The semiotically complicated text of *The Tengri Songs* reflects a new stage in the poet's creative development, the latter dealing with artistic comprehension of history, spiritual heritage of the Mongolian world and a search of the author's lyrical self-expression. *Conclusions.* In mythological perspective, the image of the Heaven (Sky) represents the fatherly principle, the Sky as God ruling destinies of not only humans but also all that exists in the Universe. The poet draws his own history of the Great steppe through emphasizing certain portraits, geographical names and significant events. As for versification patterns applied, a most essential is one that ascends to Turko-Mongolian poetic traditions. It is necessary to acknowledge the unique use of figured text arrangement means which emphasize the abundance of the author's creative potential and, thus, become a part of meta-text structure of the work in general.

Keywords: sky, songs, Mongolian versification, genre, Buryat poetry, semantics, rhyme

Acknowledgements: The article was prepared within the government assignment (project XII.192.1.4. 'Myth and History in Folklore and Literature of the Buryats and Ethnic Russian Residents of Siberia: Common and Specific Features'. Reg. No. AAAA-A17-117021310268-2).

For citation: Dampilova L. *The Tengri Songs* by Bair Dugarov: Myth and History. *Oriental Studies*. 2019;(1):149-156. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156

Введение. Духовно-культурные коды монгольских народов обозначены не только в текстах, написанных на родном языке. Национальные писатели, пишущие на русском языке, обогатили отечественную литературу, своими ментальными образами и художественными приемами. Последние годы отмечены возросшей творческой активностью Баира Дугарова, выразившейся в создании произведений, определивших лицо современной бурятской поэзии и имеющих свой особый стиль, жанровые и стиховедческие нововведения: «Сутра мгновений»

[Дугаров 2011], «Азийский аллюр» [Дугаров 2013], «Степная лира» [Дугаров 2015], «Монголжон» [Дугаров 2017a], «Тэнгрианские песни» [Дугаров 2017b], «Сага сансары» [Дугаров 2017в]. Актуальным представляется анализ творчества русскоязычных национальных поэтов, выявление особенностей поэтической организации стиха на русском языке и установление мифологических и исторических составляющих в семантике текста.

Методология и методы исследования. В данной статье впервые проводится семан-

тико-герменевтический и стиховедческий анализ книги «Тэнгрианские песни» (2017) русскоязычного бурятского поэта Баира Дугарова, представляющей определенный итог его многолетних творческих поисков. Задачи работы — выявить мифологические традиции и исторические реалии в книге Б. Дугарова «Тэнгрианские песни», установить роль жанра, композиции и ритмической организации стиха в семантике поэтического дискурса. Как отмечает Ю. Орлицкий в предисловии этого сборника: «Книга плотная и очень разнообразная: и по языку, и по поэтическим техникам, и по необозримой географии — реальной и мифологической» [Орлицкий 2017б: 10].

Результаты исследования и их обсуждение. Тема Вечного Синего неба (Тэнгри / Тенгри) как огромного обитаемого духовного и предкового начала уникальна в литературе тюрко-монгольских народов. Многие исследователи тюрко-монгольской мифологии, не выделяя отдельно тенгрианство и шаманство, считают, что они восходят к архаическому мифологическому мировосприятию. С. Ю. Неклюдов, рассуждая об истоках монгольской мифологии, подчеркивает: «Однако идеологической основой несомненно оставалось архаическое мифологическое мировосприятие, а ритуальная практика складывалась на базе шаманской (или близкой к шаманской) обрядности» [Неклюдов 1981: 186].

Термин *тенгри* (от *tängri*) в мифологии монгольских народов означает 'небо', 'обожествляемое небо', 'небесное божество'. В данной статье выявляем многозначность семантики данного термина и тесную связь неба с землей, определяя небесное как мифологическое и земное — как реальное.

На старомонгольском языке книга называется «Tngri sitülge-yin dayun» 'песни поклонения Тэнгри', где *tngri* обозначено как 'обожествляемое небо', на русском языке название «Тэнгрианские песни» можно прочесть и как «Песнопения Небесам». Культ поклонения Вечному Синему Небу и песни, созданные в честь него, предполагают молитвенные песнопения, по жанру восходящие к древним монгольским поэтическим традициям: гимнам, заговорам, призываниям, восхвалениям. В небесных песнях мифологический мотив явно доминирует, но стоит подчеркнуть, что весь мифологический пантеистический настрой зиждется на исторической основе, поэтому миф и история в поэтическом дискурсе, как

сообщающиеся сосуды, тесно взаимосвязаны.

В жанровом плане книга состоит из поэтических и прозаических текстов, лирический дискурс включает поэмы, сонеты, притчи, стансы, баллады, краткостишия. «Тэнгрианские песни» назвать сборником стихотворений сложно, это цельное произведение с единой темой, системой кодовых ментальных слов, с четко выстроенной композиционной структурой и графическим построением. В первую очередь цельность произведения доказывает такое расположение текстов, что каждый раздел, песнь в разделе и стихотворение в песне невозможно переставить (что естественно в сборниках стихотворений), ибо они скреплены единой идеей, предыдущий текст продолжается в следующем.

Думается, что такую книгу невозможно написать сразу, в ней огромный объем идей, которые вынашивались годами, собирались по крупицам, затем все были выстроены под идеей Неба. В книге, тематически оформленной в единую систему, огромную долю составляют новые стихи, которые скрепляют известные из предыдущих сборников тексты в задуманную концепцию. Некоторые стихотворения остаются неизменными, а другие переделаны согласно лирическому сюжету произведения (например, «Юрта на небоскребе»). Каждый стих так уложен, что создается ощущение плотно подогнанного камушка к камушку, каждый кирпичик на своем месте. В этот монолит стихотворного массива вписываются прозаические вставки, расширяя композиционное и жанровое разнообразие текстового материала.

В современной литературе особо востребован новый визуальный язык с разными знаковыми формами и приемами. Книга оригинально выстроена в синкретическом единстве вербального и иконического (от греч. *eikon* 'изображение') компонентов. Названия книги и разделов даны на русском и старомонгольском письме, каждый цикл завершается стихотворением на русском языке, выстроенном вертикально с обязательной аллитерацией, характерной для традиционного тюрко-монгольского стихосложения. Всей книге задает особую интонацию устойчивое присутствие такого знака, как графическое вертикальное сопровождение, имеющее семантический подтекст: старомонгольская вязь, как письмена, тянущиеся с неба, связывают небесные предназначения с земными реалиями.

Книга состоит из пяти разделов, тесно связанных с темой Неба, каждый раздел делится на три песни. Первый раздел вбирает в себя песни об истории евразийского пространства: «Мать мне — степь, отец мой — гром». В монгольской мифологии издревле в вертикальной модели космоса ураническое, небесное начало маркируется мужским знаком, а хтоническое, земное — женским. Поэт тему Неба связывает с темой земли, символически соединив широкую степь как родные просторы с молниеносным громом.

Его песни о Небе начинаются с «Песни о Великой степи». Степь сохранила керексуры, плиточные могилы, древние молитвы, письма на писаницах. В монгольской мифологии небо над тобой как материальная субстанция воплощает в себе не персонифицированный образ несотворенного, безначального всеильного Вечного Неба.

В шаманских материалах монгольских народов однозначно обозначено Всеильное Вечное небо и Мать Этуген как высшие покровители. «В ойратской сутре «Воскурение Всеильного Вечного Неба»: «Высшее существо — Вечное Синее Небо» [Дулам 1982: 34].

В творчестве Баира Дугарова концепт Небо имеет глубинную связь со всей монгольской мифологией и кодирует позитивное пространство, откуда начинается жизнь. Небо как мифологический образ олицетворяет отцовское начало, создателя мира и всего сущего:

ОТ НЕБА, ПРАРОДИТЕЛЯ
ВСЕМОГУЩЕГО,
ОБРЕТАЕТ ДУХ ТВОЙ КРЕПОСТЬ
ОТ ЗЕМЛИ, ПРАМАТЕРИ ВСЕГО
СУЩЕГО,
ОБРЕТАЕТ ОЧАГ ТВОЙ ВЕЧНОСТЬ
ПОМНИ ОБ ЭТОМ, ПОМНИ, ГОРДЫЙ
СЫН
Ч
Е
Л
О
В
Е
Ч
Е
С
К
И
Й

[Дугаров 2017б: 15].

Прописные буквы и графические знаки несут определенную семантическую функцию в композиции поэтического дискурса. Начальная рифма (начальная аллитерация, анафора) как «знак поэтической традиции не только устной, фольклорной, но и письменной, идущей от „Сокровенного сказания монголов (1240) до наших дней“» [Дугаров 2013: 4], является тем стержнем, который выявляет еще одну особенность песнопений. Единоначатие или бур. *толгой холболго* (досл. ‘соединение голов’), как отмечает Ю. Орлицкий, «важнейший в арсенале его стиховых средств наряду с европейской метрикой (от гекзаметра до верлибра) и строфикой» [Орлицкий 2017а: 126].

В «Золотоордынских напевах», посвященных памяти безымянного Поэта XIV века из улуса Джучи, Б. Дугаров пишет цикл взаимосвязанных стихотворений с обязательной начальной рифмой и параллельной конструкцией в стиле народных песен: «Вьючные бредут караваны. / Вьюгу сменяет зной. / В юрте горит очаг, / Вьется над юртой синий дымок» [Дугаров 2017б: 41]. «Там колышется высокая трава. / Там сияет отчих небес синева. / Табуны пролетают по лону земли. / Тает сизая дымка аргала вдали» [Дугаров 2017б: 42].

Автор с особой наблюдательностью, с ментально точными деталями создал образ монгольского Поэта, живущего на берегу Ижил-реки (Волги) в славном городе Сарай-Бату, с ностальгией воспевающего далекий запах родных становий. Б. Дугаров в поэтическом воображении открывает еще одну развернутую картину забытой монгольской истории.

Б. Дугаров, владея многообразием мировой, русской и монгольской поэтики, выстраивает сложную в стиховедческом аспекте конструкцию. Лирический дискурс «Тэнгрианский акростих» вертикально обрамлен обращением «соог!» к небесным божествам, восходящим к традиционным шаманским гимнам. Акростих, известный с древнегреческой поэзии как посвящение определенному лицу, в данном случае воспекает Вечное Синее Небо.

С
о
о
г
!

Всадников исторгала Великая степь из своего материнского лона,
Евразийская ширь распахивала дали на все стороны света.
Что за сила поднимала рожденных в седле и несла по равнинам?
Нет и не будет предела полету стрелы и грому копыт неустанных,
Очертивших просторы от войлочной юрты до земных горизонтов,
Если того не пожелает сам Тэнгри — Вечное Синее небо.

Соог! — и жрец поднимал пенящуюся кумысом чашу,
Исполняя обряд возлияния Небу — владыке времен и пространства,
Над землей в синеве утвердившему царственный трон мироздания.
Есть в мире Тэнгри, который ведает миром, все видит и знает,
Ежеминутно вращая колесо вселенной и человеческих судеб.

Нет и не будет удачи и счастья рожденному в войлочной юрте,
Если Тэнгри от него отвернется и вслед не посмотрит кибитке.
Благословенье божественное таится в серебряных каплях кумыса,
От земли возносящихся до самого Вечного Синего неба.

С
о
о
г
!

[Дугаров 2017б: 18]

В славословии небесного бога можно услышать отголоски старинной монгольской протяжной песни, ритмы бубна шаманских камланий, традиции древних обрядов подношения Небесам как главной силе, движущей все события земные. Небо является не только отцом, оплодотворяющим началом, но и вершителем судеб мира. Поэтическая фоника в песнопении — «соединение античного гекзаметра и восточной ритмики стиха. Ритмико-смысловое звучание цикла зависит от протяжных народных песен, обращение к гекзаметру предполагает высокий стиль, заданный гомеровской эпикой» [Дампилова 2005: 31].

В разговоре о Великой степи в поэзии Б. Дугарова основное значение имеют великие имена, создавшие ее историю («Чаша Угэдэя», «Слеза Хубилая», «У

памятника Марко Поло», «Тамерлан», «Цокту-тайджи», «На смерть Галдан Бошокту-хана», «Дух Чингиса...». Вдумчивый автор через призму собственного видения штрихами создает поэтические образы исторических личностей, сыгравших глобальную роль в монгольском мире. Наверное, редко какой поэт так погружен в историю, знает реальные особенности эпохи, событий и окружения каждого из представляемых образов, чтобы читатель мог увидеть глубинный подтекст, открывающийся в небольшом поэтическом дискурсе. И эту конкретную историю своей прародины он соединяет с историей всей Центральной Азии, Средней Азии, Запада, докуда докатилось эхо имени Чингисхана. Краткостишие «Чингисхан» завершает цикл песен о Великой степи:

В	В	Н	Н
о	о	а	о
з	и	в	
в	т	е	д
ы	е	к	л
с	л		и
и	ь	у	т
л		ш	с
	В	л	я
С	е	о	
т	ч		г
е	н	Е	р
п	о	г	о
ь	с	о	м
	т		
п	и	т	с
о		ы	т
	и	с	е
в	з	я	п
о	б	ч	н
л	р	е	о
е	а	л	г
	н	е	о
Н	н	т	
е	и	ь	э
б	к	е	х
а			а

[Дугаров 2017б: 37].

На фоне небесного, абсолютного совершенства незримо присутствует мотив ценности земного, смертного пути. Как сказитель, медленно повествуя о героях прошедших времен, поэт-философ никогда догматически не утверждает свои позиции. Думая о роли человека в истории, лирический герой постоянно размышляет и о собственной миссии в сохранении истории, о смысле бытия: «Сила поэтического слова Баира Дугарова заключается не в том, что оно сообщает человеку те или иные ответы на смысловые вопросы, а в том, что оно позволяет ему осознать и, осознав, пережить принципиальное отсутствие каких бы то ни было ответов» [Рыбас 2015: 19].

По концепции данной книги соединяет небо с землей человек творящий, и «Песнь о пешем всаднике», почитающем Небо как свое духовное начало, является необходимым продолжением темы. Баир Дугаров по натуре своей путник, странник, находящийся в постоянном поиске, «бродяга Дхармы», как назвал его чувашский литературовед А. Хузангай: «Он — гражданин мира, но взгляд его остается бурятским» [Хузангай 2015: 241].

Герой Б. Дугарова генетически связан с движением коня, все его творчество пронизано родным кочевым прошлым и, значит, с образом всадника: «И всадники тают, и в грохоте дня / дрожит жеребенок степной — моя память» [Дугаров 1981: 10], «И куда же на потном коне / скачет, скачет кочевник во мне?» [Дугаров 1994: 167], «Лети же, всадник, никогда / судьба твой бег не остановит» [Дугаров 1994: 178], «Я прошел по путям, где промчались монгольские кони» [Дугаров 2017б: 82]. Конь в его поэзии символизирует хронотоп, в котором время прошлое и грядущее сходятся в едином миге, огромное пространство преодолевается лирическим героем в спокойном ритме вечных путешествий в поисках познания жизни.

Как известно, не всякая прозаическая миниатюра может быть поэзией в прозе, и в этой книге очерки, эссе как путевые записи и воспоминания, афористические фрагменты и тексты в прозе со вставленными стихами вписываются в общую канву повествования. Проза его «в не меньшей степени поэзия, чем сами стихи. Рискну сказать, что иногда — больше...» [Орлицкий 2017б: 154].

10]. Это не явная проза, а скорее комбинированный слог: поэтический и прозаический. Возможно, в его прозаических текстах можно усмотреть элементы жанра дневников, мемуаров. Его книга «Сутра мгновений» — дневник в форме гармоничного сочетания прозы и поэзии, где стих продолжает прозаическую часть. И в этой книге явно присутствуют традиции его дневника, наблюдается «зависимость удельного веса слова от контекста, сфокусированность мышления» [Бродский о Цветаевой 1998: 57], характерная для поэта.

«Абзацная аллитерация» (каждый абзац начинается с одной буквы) с разными графическими построениями, подчиняясь внутренней организации текста, дополняют скрытые функционально-смысловые качества прозаического дискурса. В прозе, как и в поэзии, автор особо обращает внимание на фонический уровень, выстраивая ритмику, рифму, строфику и аллитерацию по заданной теме и идее всего раздела.

Эссе «Полчаса с Гумилевым» вписывается в данный раздел как диалог потомка кочевников с ученым, исследователем Великой степи, и не меньшее значение имеет встреча Поэта с Ученым — сыном великих поэтов Серебряного века.

Воспоминание как жанр при всей объективности является сочинительством, поэтому в подобных текстах естественны элементы вымысла, художественного оформления. Поэт при встрече с таким значительным для него человеком сумел услышать его внутренний голос, голос философа, свободного мыслителя. Вспоминающий повествователь настолько духовно близок персонажу, что полчаса проходят как мгновенье, за которое обсудили самые насущные вопросы. Текст воспринимается

как лирическое событие, композиционно выстроен со вступлением, основной частью и эпилогом — стихотворением, завершающим весь разговор: «Кто скажет так мудро и верно о славной Степи — / Прочувственно добрым и искренним словом?» [Дугаров 2017б: 59].

Заключение. Баир Дугаров, пишущий на русском языке и живущий в евразийском культурном пространстве, гармонично сочетает Восток и Запад в своем творчестве. Им созданы произведения, имеющие как глубокие национальные корни, так и реминисценции, аллюзии, связанные со всей мировой литературой, мифологией и историей. Семиотически осложненный текст в книге «Тэнгрианские песни» отражает новый этап в творчестве поэта, сопряженный с художественным осмыслением истории, духовного наследия монгольского мира и поисками лирического самовыражения автора.

В мифологическом аспекте Небо как духовное начало многозначно. Образ «Тэнгри» в поэтическом дискурсе олицетворяет отцовское начало, как единый бог является вершителем судьбы не только человека, но и всего сущего во вселенной. Поэт создает свою поэтическую интерпретацию истории Великой степи, определяя в ней наиболее значимые акценты через конкретные портреты, топонимы и события. В построении текстов особый смысл имеет форма стихосложения, восходящая к тюрко-монгольским стиховедческим традициям. Необходимо констатировать уникальность в использовании фигурных способов расположения текстов, которые, подчеркивая многообразие творческого потенциала автора, становятся частью метатекстовой структуры всего произведения.

Литература

- Бродский о Цветаевой 1998 — Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1998. 208 с.
- Дампилова 2005 — Дампилова Л. С. Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 166 с.
- Дугаров 1981 — Дугаров Б. С. Городские облака. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. 64 с.
- Дугаров 1994 — Дугаров Б. С. Звезда кочевника. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 256 с.

- Дугаров 2011 — Дугаров Б. С. Сутра мгновений. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. 440 с.
- Дугаров 2013 — Дугаров Б. С. Азийский аллюр. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2013. 208 с.
- Дугаров 2015 — Дугаров Б. С. Степная лира: Стихотворения. СПб.: Свое издательство, 2015. 304 с.
- Дугаров 2017а — Дугаров Б. С. Монголжон: Стихотворения. Элиста: Союз писателей Калмыкии, 2017. 108 с.

- Дугаров 2017б — Дугаров Б. С. Тэнгрианские песни. М.: Воймега, 2017. 280 с.
- Дугаров 2017в — Дугаров Б. С. Сага сансары. Улан-Удэ: Новапринт, 2017. 400 с.
- Дулам 1982 — Дулам С. Образы монгольской мифологии и литературная традиция. М.: [б. и.], 1982. 222 с.
- Неклюдов 1981 — Неклюдов С. Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, 1981. С. 183–202.
- Рыбас 2015 — Рыбас А. «О песнь поэта — из печали света...» // Дугаров Б. С. Степная лира: Стихотворения. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 18–26.
- Орлицкий 2017а — Орлицкий Ю. Кто и зачем соединяет головы (русскаяязычная бурятская анафорическая поэзия) // Арион. 2017. № 1. С. 124–127.
- Орлицкий 2017б — Орлицкий Ю. «Я трава в человеческом теле...» // Дугаров Б. С. Тэнгрианские песни. М.: Воймега, 2017. С. 3–10.
- Хузангай 2015 — Хузангай А. Бурятский бродяга Дхармы // Дружба народов. 2015. № 3. С. 239–243.
- Dugarov B. S. *Gorodskiye oblaka* [The City Clouds]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1981. 64 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Mongolzhon: Stikhotvoreniya* [Mongolzhon: poems]. Elista: Union of Writers of Kalmykia, 2017. 108 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Saga sansary* [The Saga of Samsara]. Ulan-Ude: Novaprint, 2017. 400 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Stepnaya lira: Stikhotvoreniya* [The Steppe Lyre: poems]. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. 304 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Sutra mgnoveniy* [The Sutra of Moments]. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2011. 440 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Tengrianskiye pesni* [The Tengri Songs]. Moscow: Voymega, 2017. 280 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Zvezda kochevnika* [The Nomad's Star]. Irkutsk: East Sib. Book Publ., 1994. 256 p. (In Rus.)
- Dulam S. *Obrazy mongolskoy mifologii i literaturnaya traditsiya* [Images of Mongolian mythology and the literary tradition]. Moscow, 1982. 222 p. (In Rus.)
- Khuzangay A. A Buryat Tramp of the Dharma. *Druzhba narodov*. 2015. No. 3. Pp. 239–243. (In Rus.)
- Neklyudov S. Yu. Mythology of Turko-Mongols: the issue of interrelations revisited. *Tyurkologicheskiy sbornik 1977*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 183–202. (In Rus.)
- Orlitsky Yu. Who and Why Unites the Heads (Russian-language Buryat anaphoric poetry). *Arion*. 2017. No. 1. Pp. 124–127. (In Rus.)
- Orlitsky Yu. I am the Grass in a Human Body. *Tengrianskiye pesni*. Moscow: Voymega, 2017. Pp. 3–10. (In Rus.)
- Rybas A. Oh, Song of a Poet — from Grief of Light]. Dugarov B. S. *Stepnaya lira*. Poems. St. Petersburg: Svoe Izdatelstvo, 2015. Pp. 18–26. (In Rus.)

References

- Brodskiy o Tsvetaevoy: intervyyu, esse [Brodsky about Tsvetaeva: interviews, essays]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1998. 208 p. (In Rus.)
- Dampilova L. S. *Simvolika kochevogo prostranstva v poezii Baira Dugarova* [Bair Dugarov's poetry: symbolism of nomadic space]. Ulan-Ude: Buryat Sc. Cent. (Sib. Branch of RAS), 2005. 166 p. (In Rus.)
- Dugarov B. S. *Aziyskiy allyur. Stikhotvoreniya* [The Asian Allure: poems]. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2013. 208 p. (In Rus.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES
(Вестник КИГИ РАН)

2019. № 1

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 24.04.2019.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 18,13.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 03-19.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

